

# ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№1  
2020

## СОДЕРЖАНИЕ

### ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Концептуализация понятия политического института в контексте методологических основ политической антропологии.

*Сулпимов Н.Ю.* ..... 3

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Политические проекты в дискурсе современных социальных наук. Косов Г.В. .... 9

Концептуальная эволюция понятия «гражданского активизма».

*Косаренко Н.Н.* ..... 13

### ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Формирование национальной политической культуры личности.

*Ерошенко В.И.* ..... 18

Участие граждан в процессе создания государства и реализации государственной политики как составляющая политической культуры личности. *Гаврилов О.М.* ..... 23

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Модели эффективного функционирования социально-экономической системы на государственном уровне.

*Егоров В.Г.* ..... 27

Мониторинг организационно-правового механизма политической деятельности в государстве. *Голубева В.В.* ..... 31

### КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Осетинский и Абхазский конфликты как важная составляющая российско-грузинского противостояния. *Гарипов М.Г.* ..... 36

Геополитическая составляющая Нагорно-Карабахского конфликта. *Гаспарян М.Л.* ..... 41

### ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Участие граждан в выборах Президента РФ как показатель эффективности избирательной системы. *Крысанов А.М., Елинский В.И.* ..... 46

История кодификации Юстиниана I, состав и общая характеристика сводов. *Черногорова В.С., Шагаев В.А.* ..... 49

Исторический аспект появления понятия «антидемократический режим», его характерные признаки и разновидности. *Шахимарданов Э.Т., Бабаев Р.Г.* ..... 54

Административные, правовые и судебные реформы Людовика IX Святого. *Комилжонов Р.И., Шагаев В.А.* ..... 60

### ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемы Дискриминации труда в Российской Федерации. *Мустафаев А.Н., Носов Д.Г., Рыжов З.А., Яицкий А.Н., Кравченко О.А.* ..... 63

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65005

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru

Сайт: http://zakonivlast.ru/

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Авдийский Владимир Иванович**, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ (*гл. редактор*)

**Баранов Николай Алексеевич**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

**Буренко Владимир Иванович**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

**Гончаров Петр Константинович**, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

**Гущин Василий Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (*зам. гл. редактора*)

**Завершинский Константин Федорович**, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

**Конышев Валерий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

**Корконосенко Сергей Григорьевич**, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

**Косов Геннадий Владимирович**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

**Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., директор Саратовского филиала, Институт государства и права РАН

**Мартьянов Борис Федорович**, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

**Нисневич Юлий Анатольевич**, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

**Нурьшев Геннадий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

**Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф., Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

**Сардарян Генри Тигранович**, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

**Скитович Виктор Викторович**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

**Смоленский Михаил Борисович**, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, РГУПС

**Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

**Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС

**Яковлев Александр Юрьевич**, д-р полит. наук, зам. заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления

Главный редактор:

**Авдийский Владимир Иванович**, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз.

Подписано в печать: 05.04.2020

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

# List of References

## THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

- Conceptualization of the concept of a political institution in the context of the methodological foundations of political anthropology.  
*Sulimov N. Yu.* ..... 3

## POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Political Projects in the Discourse of Contemporary Social Sciences. *Kosov G.V.*..... 9  
Conceptual evolution of the concept of "civic activism". *Kosarenko N.N.* ..... 13

## POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

- Formation of the national political culture of the individual. *Eroshenko V.I.* ..... 18  
Participation of citizens in the process of creating a state and implementing state policy as a component of the political culture of an individual. *Gavrilov O.M.* ..... 23

## POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Models of effective functioning of the socio-economic system at the state level.  
*Egorov V.G.* ..... 27  
Monitoring of the organizational and legal mechanism of political activity in the state.  
*Golubeva V.V.* ..... 31

## CONFLICTOLOGY

- Ossetian and Abkhazian conflicts as an important component of the Russian-Georgian confrontation. *Garipov M.G.* ..... 36  
Geopolitical component of the Nagorno-Karabakh conflict. *Gasparyan M.L.* ..... 41

## STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

- Participation of citizens in the elections of the President of the Russian Federation as an indicator of the effectiveness of the electoral system. *Krysanov A.M., Elinsky V.I.* ..... 46  
The history of the codification of Justinian I, the composition and general characteristics of the vaults. *Chernogorova V.S., Shagaev V.A.* .... 49  
The historical aspect of the emergence of the concept of "anti-democratic regime", its characteristic features and varieties.  
*Shakhimardanov E.T., Babaev R.G.* ..... 54  
Administrative, legal and judicial reforms of Saint Louis IX. *Komilzhonov R.I., Shagaev V.A.* .... 60

## PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Problems of Labor Discrimination in the Russian Federation. *Mustafaev A.N., Nosov D.G., Ryzhov Z.A., Yaitskiy A.N., Kravchenko O.A.* ..... 63

# КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

**Сулимов Николай Юрьевич,**  
студент, РЭУ им. Г.В. Плеханова, kolyasik@bk.ru

Понятие «человек политический» широко используется в современной научной лексике и прослеживается в различных исследовательских аспектах – политическом, философском, социальном, культурном, антропологическом. Актуальность применения политико-антропологического подхода к изучению политического человека вытекает из необходимости учета индивидуальной составляющей и человеческого фактора в политическом процессе. На современном этапе развития антропологию обычно разделяют на две части: физическую (изучает антропогенез) и культурную (социальную). Последняя в 50-60-х годах XX века, переходит к углублению анализа отдельных аспектов культуры – технологии, социальной организации, семейно-брачных отношений и верований. Актуальность исследования генезиса государства и права, формирование представлений о человеке в политике обусловили появление межведущей науки-политической антропологии. Необходимо осуществить «антропологический оборот» и выйти за пределы понимания политики в виде социального феномена, ведь политическую антропологию можно рассматривать как концепцию индивидуального участия в коллективном процессе созидания власти и пользования ею. Политический подход к анализу человеческой сущности дает нам «человека политического».

**Ключевые слова:** политика, социальный феномен, объект исследования, дискуссия, антропология.

Предостережения относительно использования политико-антропологического подхода заключаются в том, что, несмотря на единодушие в определении объекта исследований, по сей день продолжают дискуссии по поводу нечеткости формулировки предмета политической антропологии. Существует фактическая сложность осуществить научный анализ человеческого фактора в политике. Одни считают, что предметом политической антропологии является «процесс превращения общества из цели человека в средство ее жизни» (И. Ильин), изучение «компоненты политического фактора в жизнедеятельности человека» (А. Логунов), рассмотрение сущности «человека политического» (Л. Климанская).

Другая методологическая особенность исследования «человека политического» заключается в том, что его можно анализировать и как феномен и как понятие. Считаем необходимым остановиться на двух случаях. Словарь иностранных слов под феноменом понимает своеобразное явление, взятое в его целостности, в единстве с его сущностью и данное нам в опыте [1, с. 24]. Из этого следует, что «человек политический» как феномен изучают в виде целостного явления, присущего периоду античности, сформированного при конкретных условиях и наделенного конкретной сущностью, не подлежащей трансформации. Это – устойчивый тип личности, воспринимаемый наукой как данность. Зато «человек политический» в виде понятия – явление, порожденное современной политической наукой, динамическое по способу толкования и концептуализации, может приобретать различные сущностные значения и характеристики. «Человека политического», по определению Аристотеля, считаем отправной точкой нашего исследования и основным типом личности, исторически сложившимся в античный период. С нашей точки зрения, политический человек формируется как исторический тип личности и предстает «продуктом» своего времени и культуры, а значит, детерминирован «духом» своей эпохи. Поэтому в про-

цессе научного анализа мы будем выделять нормативные типы (образы) человека политического, сущность которых будет определяться социокультурными, политическими и экономическими изменениями в конкретный исторический период.

В рамках методологии политической антропологии мы определяем понятие «человек политический» как особую форму самосознания индивида, которая содержит целостное видение политической действительности и свое присутствие в ней как источника преобразований.

Концептуализация понятия «человек политический» в современной политической науке детерминирована динамикой изменений социально-политической реальности. Современное понимание политики уже не иллюстрирует ее в виде специфического образа жизни людей или общественную реальность, она предоставляет человеку определенного направления. Важность исследования политической человека в контексте политического вытекает из того, что понятие «человек политический» не может быть абстрактным, и отрыв от реальности повлечет потери его сущностного наполнения. С одной стороны, стоит заметить, что в основу каждого концепта социальной философии, которая изучает политику, положена определенная феноменальная реальность с проявлением политического. Потеря связи между понятием и феноменальной реальностью приводит к тому, что философия оперирует «пустыми» понятиями, которые потеряли традиционное значение. С другой стороны, констатирует ученый, осмысления основных феноменов политической реальности, их своеобразное проявление создает основу для рациональной реализации политики [2, с. 63]. Ученые акцентируют на существовании диалектической связи между человеком и политико-социальным миром. Человек является создателем институциональной составляющей политической реальности, но в процессе взаимодействия с последней подвергается воздействию собственного творения. Поэтому, исследуя понятие «политического человека», стоит рассматривать его становления и процесс трансформации без отрыва от политического.

Необходимость применения выбранной методологии заключается вот в чем. Понятие «человек политический» обусловлено многозначностью терминов «человек» и «политика», от которых оно происходит. Политико-антропологический подход позволяет анализировать типы политического поведения человека в условиях трансформации общественно-политической реальности. В его рамках мы изучаем влияние мотивов, средств и целей человека как элемента социальной системы на природу политического. Политико-антропологический подход помогает нам:

- рассматривать человека в форме *homo politicus*, в единстве с природной и социальной средой, где находится;
- определить сферу политического, без привязки только к обществу или государственному аппарату;

– выявить ролевой статус человека в сфере политического бытия;

– осуществить компаративное исследование, охватывая разнообразие проявления политической реальности.

В рамках этого методологического подхода имеем возможность рассмотреть антропологические факторы возникновения государства, особенности взаимодействия человека и политических институтов и процессов, которые обеспечили трансформацию государства от традиционного к современному и способствовали образованию нового типа общества. Придерживаясь интегративного подхода, часто применяемого в политической антропологии к процессу анализа понятие «политический человек», раскрываем содержание, особенности и тенденции практического проявления политической природы человека.

Поэтому кратко опишем путь становления политической антропологии в современной западной и американской политической науке и своеобразие концептуализации политической природы человека.

В политико-антропологической традиции политические феномены, по Ж. Баландые, рассматриваются преимущественно ввиду их генезиса, процессов формирования и трансформирования. Западноевропейская политическая мысль XVIII в. была благоприятной средой для развития антропологического подхода к описанию и классификации человеческих обществ. Это – начало «методологической революции», что ознаменовалась разработкой принципов и законов, на основе которых человеческий род выходит из «примитивного» состояния и меняет способ бытия.

Политическую антропологию активно развивали с 1920 г. мыслители Л. Морган и Г. Мэн, которые сконцентрировались на анализе проблем этатических обществ, примитивной природы государства, форм политической власти в обществах с минимальным управлением. То есть это – первые попытки проследить эволюцию человеческого общества от «примитивных» или «диких» обществ более развитых. Ранние антропологи основательно исследовали вероятные пути становления политических обществ. В одном случае общества возникли на основе «статусов», «соглашения», «родства» или «локальной смежности» (по концепции Г. Мена). В другом – появление обществ детерминированная разновидностью управления, грунтованном на лицах и личных отношениях или на территории и собственности (концепция Л. Морган).

Следовательно, анализируя античное политическое общество, по концепции Л. Моргана, представленной в труде «Древнее общество» (1877), главной детерминантой его трансформации в государство (полис) есть разновидность управления, а конкретнее – привязка к территории и собственности. Этим объясняется интерпретация государства Аристотелем: это-ограниченная территория, которая содержит политическое, не распространяющееся за ее пределами (поэтому Аристотель

не видит человека вне государства). Зато теории государства в эпоху Нового времени объясняли ее как общественное соглашение и локальную смежность, где территория и собственность – определяющие детерминанты конструирования политической реальности [3, с. 45].

Заметим, что ранние подходы были этноцентричными, спекулятивными, а иногда – расистскими, хотя составляли основу политической антропологии.

Ученый Т. Левеллен в труде «Политическая антропология: Введение» (1983) относительно ранних исследований констатировал сосредоточенность авторов на принципе родства как ключевого фактора в формировании политической организации.

Современный этап становления политической антропологии, начиная от 1940 г., известен публикациями М. Фортеса и Э. Э. Эванс-Притчардта. Эти ученые в исследованиях африканских политических институтов сосредоточились на принципах структурного функционализма, индуктивного и сравнительного методов с целью выявления взаимосвязей с другими особенностями социальной организации. Конфликтный потенциал в обществе анализировал М. Глюкман, который связывал конфликт с сохранением стабильности политической системы, предполагая, что определенная степень конфликта поддерживает общество и конструирует социально-политический порядок. Уже 1960 г. ознаменовался формированием политической антропологии в виде самостоятельной субдисциплины, статус которой утвердился благодаря труду «политическая антропология» (1966) В. Тюрнера и М. Шварца.

С другого ракурса политическая антропология развивалась в американской политической науке. Так, М. Фрид Е. Сервис и Е. Ликок под влиянием марксистской теории стремились понять происхождение и развитие неравенства в человеческом обществе. Коллективный способ человеческого существования характеризовался конкуренцией за ресурсы, в результате чего возникали конфликтные ситуации. Процесс накопления ресурса становился основным фактором неравенства, которое поддерживалось на принципах авторитета лица.

Следовательно, возникновение политической антропологии вызвано научным интересом к изучению институтов и принципов управления этнических сообществ, примитивных обществ с господством племенного строя. Предмет исследований антропологов составляли типы социального поведения человека, которые формировались под влиянием политических практик, мотивов и манипуляционных стратегий власти имущих, принципы создания политических обществ [4, с. 19]. Ученые приходят к выводу: первобытное общество формируется по принципу родства, а не по принципу осознанного единства, то есть при отсутствии рационального осмысления необходимости общественной жизни.

Современное понимание предмета политической антропологии изменено. Так, в современном

словаре политической науки политическая антропология трактуется в виде области антропологии, что имеет дело с происхождением, формой и практикой политики или политической власти.

Политическая антропология охватывает бытовые основы, феноменологический аспект политической жизни человека, которое содержит психоментальные, социально-статусные и поведенческие характеристики. Следовательно, политическая антропология рассматривает человека как «сущность в себе», способную творить общественную и личную жизнь по зову собственных желаний, обеспечить себе лучшую жизнь [5, с. 197].

Ж. Баландье в «политической антропологии» называет последнюю дисциплиной, которая стремится достичь научного статуса и получает признание как средство определения и познания политической экзотики, "других" политических форм. Антрополог проанализировал методы и инструментарий этой науки, отмечая их неспецифический статус через заимствование из общего антропологического подхода. В перечень методов политической антропологии Ж. Баландье зачисляет: генетический, функционалистский, типологический, терминологический, структуралистский и динамистский.

Генетический подход, достаточно ранний, ученые используют для исследования проблематики происхождения и эволюции королевской власти, процесса становления примитивного государства и трансформации общества «родства» до политического общества.

Типологический подход направлен на изучение политических систем и классификацию организационных форм политической жизни. Основным критерием для формирования типологии в рамках этого метода предстал факт существования или несуществования примитивной государственности. Критическую позицию в отношении научности этого метода выразили Е. Лич и Д. Истон, отмечая, что типологизация сводится к тавтологии и порождает путаницу между описательными и дедуктивными типологиями.

Терминологический подход, вследствие первого обозначения и классификации политических феноменов привело к попыткам выработки фундаментальных категорий.

Сложность определения категориального аппарата политической антропологии, с позиции Д. Истона, заключается в том, что отсутствует четкое разграничение сферы политического, в связи с чем и объект этой дисциплины остается не вполне определенным. Другая сложность названного метода – нагрузка содержанию сформированных ключевых понятий.

Структуралистский подход позволяет исследовать политическое, используя структурные модели. Политика рассматривается в аспекте формальных связей, где отражены реально установленные межиндивидуальные и межгрупповые властные отношения. Политические же структуры. Баландье приравнивает к тем или иным социальным структурам, ведь они являются абстрактными

системами выявления принципов, которыми сочетаются конститутивные элементы конкретно политических обществ.

Динамичный подход дополняет предыдущий, поскольку направлен на постижение динамики структур и системы связей, что их констатируют. С помощью этого метода, появилась возможность изучения изменений в открытых обществах, с учетом, по мнению Э. Лича «противоречивого», «конфликтного», «приблизительного и внешне относительного». Поскольку политическое от начала определяется столкновением интересов и соперничеством [6, с. 18]. Актуальность подхода объясняется тем, что изменение интересов и потребностей в эволюции общества предстают главными движущими факторами, которые будоражат политические отношения, провоцируют конфликтные ситуации, требующие принятия политических решений. Ведь политическая сущность человека, на наш взгляд, представляет динамика определенных ею приоритетов, удовлетворение которых направляет политику и определяет дух эпохи.

История становления функционализма достаточно длительная и основана на позитивистской социологии. Этот метод кратко рассмотрел Ж. Баландье. Функциональный анализ, в его классическом понимании, с применением системного подхода к изучению архаических обществ, впервые использовали Б. Малиновский и А. Рэдклифф-Браун – только с разной точки зрения, хотя и вместе развивали идейные наработки Е. Дюркгейма (он различил причинное объяснение и функциональное объяснение существования социальных явлений). Функционалисты рассматривали общество в виде саморегулируемой системы, которая состоит из тесно связанных и взаимозависимых элементов, выполняющих определенные функции с целью сохранения целостности и жизнеспособности системы.

А. Рэдклифф-Браун отмечал, что функционалистский подход отражает, в конце концов, политическую организацию как аспект организации общества в целом. С точки зрения исследователя, существование социальных феноменов (их функции) вызвано необходимостью для обеспечения минимального уровня интеграции социальной системы. Б. Малиновский, следуя принципу «универсальной функциональности», связывал возникновение и развитие социальных институтов с человеческими (физиологическими, эмоциональными, культурными) потребностями.

Универсальная функциональность – принцип функционального подхода, согласно которому в том или ином типе цивилизации каждый обычай, материальный объект, идея и верования осуществляют определенную жизненную функцию, решают задачи, являющиеся необходимой частью действующего целого. Б. Малиновский считал необходимым осознать механизмы человеческой культуры, связи между психологическими процессами человека, социальной институцией и биологическими основами общечеловеческих традиций и мышления. Исследователь, применяя функцио-

нальный метод анализа, оперирует двумя категориями – культура и функция. Б. Малиновский определяет культуру как детерминанта поведения, а также как систему предметов, действий и позиций, составляющих средства достижения целей. Поэтому основная цель культуры-направление человека к удовлетворению потребностей.

Потребность – система условностей в человеческом организме, структуре культуры, в отношении к природной среде, которые оказываются конечными и достаточными для поддержания жизни группы и организма [7, с. 28]. Человеческие потребности формируют определенный порядок и иерархию. Относительно процесса удовлетворения потребностей человек является не только биологическим, но и социальным существом. Образуют иерархию материальные потребности, затем – социальные потребности связаны с тем фактом, что человек живет в группах, и в конце – потребности, которые обеспечивают духовную деятельность. Определяя внешние факторы, детерминирующие культуру, ученый называет: биологические потребности человека; географическая среда; социальная среда (сюда входят история и возможные контакты с внешним миром) и раса. Итак, культура является динамическим бытием, беспрекословно связанным с человеком, и детерминируется действием элементов (институтов), направленными на удовлетворение потребностей. Формы человеческого поведения не составляют хаотичного набора человеческих поступков и ценностей, потому что вкладываются в систему закономерностей и правил, детерминируются логикой реализации потребностей.

Вследствие наработок социальных антропологов понятийный аппарат функционального метода дополнился понятиями «социальная структура», «функция», «социальная организация», «интеграция». Уже с 20-х годов XX в. функциональный подход применяли такие исследователи-африканисты, как Э. Эванс-Причард, М. Фортес, Р. Ферт, М. Глюкмен.

Американская школа социологии от с 50-х годов XX в. исследовала функциональный метод только в рамках структурного функционализма. Идеальным вдохновителем тогда основной теоретической парадигмы стал американский социолог Р. Мертон (рядом с ним – Т. Парсонс, Н. Леви, К. Дэвис) – автор главной теоремы функционализма и так называемых одиннадцати заповедей функционализма, касающиеся логики осуществления функционального анализа.

На наш взгляд, функциональный подход позволяет современной политической науке исследовать понятие "человек политический" и выявить его в общественно-политическом пространстве. Возникает вопрос: «Как определить политического человека среди других структурных элементов, составляющих социальную систему?» Человеческая функциональность порождается естественным стремлением индивида к реализации физиологических, эмоциональных, экономических, культурных и властных целей, следствием которых

является формирования социальных и политических институтов. На принципах функционализма предлагаем широкий и узкий подходы к пониманию понятия «человек политический».

В широком смысле политическим человеком является лицо, принадлежащее к определенной социокультурной системе, однако не стремится к определению и удовлетворения собственных политических нужд, не принимает/игнорирует существующие институционализованные средства для их реализации, индифферентный и/или ситуативный участник политики (в выборах, общественных слушаниях и тому подобное).

В узком смысле политической человеком является лицо, принадлежащее к определенной социокультурной системе, стремится реализовать политические потребности и интересы принимая/заменяя институционализованные средства их достижения, исходя из специфики собственного миропонимания, добровольности действий и устоявшихся ценностных ориентаций общества [10, с. 545].

Итак, с позиций функционалистского подхода человек определяется в виде элемент социальной структуры, который осуществляет определенные функции с целью поддержки всей социокультурной системы, высчитывая свою биологическую и социальную природу (систему символов и установок, приобретенных в процессе межчеловеческих взаимодействий), которые вызывают политическую активность. Политическая антропология сосредоточена на изучении политического человека как социокультурного феномена в широком и узком смысле, что детерминировано наличием/отсутствием политических потребностей и принятием/непринятием институциональных средств их достижения.

## Литература

1. Грачёв Б.В. Проблема фиксации структуры политической системы интеграционного объединения // Право и политика. 2018. № 11. С. 23-30.
2. Грачёв Б.В. Факторы устойчивости политической системы интеграционного объединения // Вопросы безопасности. 2017. № 2. С. 62-69.
3. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Практика сотрудничества вуза и органов власти и бизнеса (на примере Ульяновского государственного университета) // В сборнике: Сотрудничество университетов с общественными институтами в реализации социально-значимых региональных проектов (российский и американский опыт) материалы семинара. ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Учебно-научная библиотека им. В.А. Журавлева. 2017. С. 44-48.
4. Курелина Н. Л., Волгин В. Л. Стратегия экономической безопасности рф: политологический ракурс // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2019. № 5. С. 18-23.
5. Мадамина М.О. Применение методов интеллектуального анализа данных при создании

алгоритмических и программных средств интеграции // Молодежный научный вестник. 2017. № 12 (25). С. 196-202.

6. Никопорев-Такигава Г.Ю. Каким быть политологу? Существующие тренды и возможные перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 1. С. 17-35.

7. Пан Д. Исследования российской политики за последние семьдесят лет // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1 (1). С. 27-35.

8. Плетнев А.В. Глава 1. Политология как наука и учебная дисциплина // В книге: Политология Болдырев А.С., Молчанова М.В., Гутман М.Ю., Балахонский В.В., Аманацкий Ю.В., Стремоухова И.В., Плетнев А.В. Учебное пособие. Санкт-Петербург, 2018. С. 7-13.

9. Шульгин В.А. Культура методологии политологии // В сборнике: От синергии знаний к синергии бизнеса Сборник статей и тезисов докладов IV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей. 2017. С. 75-79.

10. Шульгин В.А. Культура методологии политологии // В сборнике: Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, проводимой в рамках III международного конгресса молодых ученых по проблемам устойчивого развития, регионального форума предпринимательства "Свое дело - твой успех". 2017. С. 544-547.

## Conceptualizing the concept of a political institution in the context of the methodological foundations of political anthropology

Sulimov N.Yu.

PRUE G.V. Plekhanov

The concept of "political man" is widely used in modern scientific vocabulary and can be traced in various research aspects - political, philosophical, social, cultural, anthropological. The relevance of applying the political-anthropological approach to the study of a political person stems from the need to take into account the individual component and the human factor in the political process. At the present stage of development, anthropology is usually divided into two parts: physical (studies anthropogenesis) and cultural (social). The latter, in the 50-60s of the twentieth century, proceeds to deepen the analysis of certain aspects of culture - technology, social organization, family and marriage relations and beliefs. The relevance of the study of the genesis of state and law, the formation of ideas about a person in politics led to the emergence of a boundary science-political anthropology. It is necessary to carry out an "anthropological turn" and go beyond the understanding of politics in the form of a social phenomenon, because political anthropology can be viewed as the concept of individual participation in the collective process of creating and using power. The political approach to the analysis of human nature gives us a "political man".

Key words: politics, social phenomenon, object of research, discussion, anthropology.

## References

1. Grachev B.V. The problem of fixing the structure of the political system of an integration association // Law and Politics. 2018.No. 11.P. 23-30.
2. Grachev B.V. Factors of stability of the political system of the integration association // Security Issues. 2017. No. 2. S. 62-69.
3. Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P. The practice of cooperation between the university and the authorities and business (on the example of Ulyanovsk State University) // In the collection: Cooperation of universities with public institutions in the implementation of socially significant regional projects (Russian

- and American experience) seminar materials. FSBEI HE "Udmurt State University", Academic Library named after V.A. Zhuravleva. 2017.S. 44-48.
4. Kurepina NL, Volgin VL The strategy of economic security of the Russian Federation: a political science perspective // Bulletin of the South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Socio-economic sciences. 2019.No. 5.P. 18-23.
  5. Madaminova M.O. Application of data mining methods in creating algorithmic and software integration tools // Youth Scientific Bulletin. 2017. No. 12 (25). S. 196-202.
  6. Nikiporets-Takigawa G.Yu. What should a political scientist be like? Existing trends and possible prospects // Political expertise: POLITEX. 2019.Vol. 15.No. 1.P. 17-35.
  7. Pan D. Research of Russian politics over the past seventy years // World of Russian-speaking countries. 2019. No. 1 (1). S. 27-35.
  8. Pletnev A.V. Chapter 1. Political science as a science and academic discipline // In the book: Political science Boldyrev A.S., Molchanova M.V., Gutman M.Yu., Balakhonsky V.V., Amanatsky Yu.V., Stremoukhova I.V. , Pletnev A.V. Tutorial. St. Petersburg, 2018.S. 7-13.
  9. Shulgin V.A. The culture of political science methodology // In the collection: From synergy of knowledge to synergy of business Collection of articles and abstracts of the IV International scientific-practical conference of students, undergraduates and teachers. 2017.S. 75-79.
  10. Shulgin V.A. The culture of political science methodology // In the collection: The potential of the Russian economy and innovative ways of its implementation Proceedings of the international scientific and practical conference of students and postgraduates held in the framework of the III International Congress of Young Scientists on Sustainable Development, the regional forum of entrepreneurship "Your business is your success". 2017.S. 544-547.

# ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

**Косов Геннадий Владимирович**

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики, Пятигорский государственный университет, kossov1@yandex.ru

Под влиянием социальных, экономических и культурных факторов происходят политические трансформации в современном мире. Динамика политических процессов приводит к значительным изменениям в политической борьбе. Политическая реальность сегодня определяется тщательной организацией политических актеров, направленностью на достижение четких целей, получения конкретных результатов, то есть можно утверждать, что происходит конкурентная борьба не просто между политиками в традиционном их понимании, а между политическими проектами, созданными для борьбы за управление и рычаги влияния над общественно-политическими процессами. Политический проект является относительно новой категорией, которая сегодня активно используется политиками, журналистами, учеными, но очень часто наблюдается идентификации его как стратегии, плана, модели, или даже как идеологии, что значительно усложняет понимание/раскрытие сущности этого явления. В таком случае существует потребность в расширении научных исследований в политической науке по данному вопросу и концептуализации данного срока. Чтобы коренным образом исследовать сущность понятия «политический проект» в первую очередь детального рассмотрения требует базовая категория «проект».

**Ключевые слова:** общественно-политический процесс, жизнедеятельность человека, научный проект, термин, потребность.

Понятие «проект» входит в категориальный аппарат многих наук и научных дисциплин, применяется в разных сферах жизнедеятельности человека и поэтому характеризуется разнообразием толкований. Чаще всего употребление термина «проект» мы наблюдаем в технических науках, где под проектом понимают план сооружения или конструкции или в качестве научного проекта, то есть разработка и внедрение новых научных подходов и приемов.

Обратившись в толковый интернет-словарь Merriam-Webster находим определение «проекта» как конкретного плана или конструкции. Подобное определение проекта как временного предприятия призванного создать уникальный продукт или услугу) предоставляет Американский институт управления проектами дает такое определение [3, с. 126].

Среди зарубежных исследователей находим следующие определения проекта: К. Грей и Е. Ларсон понимают его как план, который характеризуется комплексностью, неповторимостью, одномоментностью, а также имеет четкие ограничения по выполнению, разработанными под потребности заказчика; Г. Арчибальд, который признан одним из классиков теории управления проектами, отмечает, что проект – это комплекс усилий.

Среди исследователей данного направления можно выделить мнению Москвина С. А., который предлагает нам такое трактовать проект как комплекс мероприятий, связанных между собой и разработанных для достижения определенных целей имея определенный срок и ресурсы. Схожего мнения к определению проекта придерживается Г. М. Тарасюк и А. Чемерис, который в направлении исследования проектов в публичной сфере, видит в нем комплекс задач и мероприятий, которые являются логичными, взаимосвязанными, структурированными, благоустроенными в масштабе времени и направлены на решение важнейших проблем развития государства, отдельных отраслей экономики, территориальных общин, организаций) и их осуществление происходит в условиях финансовых и ресурсных ограничений в определенных сроки [1, с. 202].

Еще одна группа исследователей (И. Мазур, В. Шапиро, Н. Ольдерогге) определяют проект как «целенаправленное, заранее разработанное и запланированное создание или модернизация физических объектов, технологических процессов, технической и организационной документации для них, материальных, финансовых, трудовых и других ресурсов, а также управленческих решений и мероприятий по их выполнению»; Развивают дан-

ное определение в своих исследованиях Н. В. Грачев, вкладывая в проект решения определенной задачи по воссозданию объекта или достижения состояния, что еще не существует, ограничиваясь заданными результатами, целями, исходными данными, которые являются фактором реализации проекта и Т. Н. Митрохина, по мнению которой проект это сконструированный образ, который будет располагаться как инновация определенного типа [2, с. 54].

Проработанная научная литература по вопросу изучения термина «проект» дает нам возможность поделить толкование на условные группы:

К первой группе отнесем исследования, которые рассматривают «проект» как совокупность документов для создания какого-либо объекта или изделия, задания, ограничено определенными рамками в пространстве и во времени, уровнем финансирования и тому подобное. В этом смысле проект представляется как задокументированная последовательность действий в различных сферах реализации общественных интересов.

Вторая группа объединяет исследования, которые предлагают рассматривать проект как модель (своеобразное отождествление с замыслом, планом, наброском, предложением, пожеланием, идеей и одним из возможных вариантов его воплощения), еще не существующую вещь, и не известно, будет ли она существовать и в каком виде, то есть как теоретическое упрощение реальности, для более детального изучения этой реальности, с целью дальнейшего воздействия на нее. Последние годы особую актуальность в процессах управления, бизнесе, экономике, политике приобретает проектный подход [4, с. 144].

К преимуществам применения проектного подхода специалисты данного направления относят: повышение эффективности использования ресурсов (человеческих, материальных, финансовых и т. п.); возможность быстрого реагирования на изменения внутренней и внешней среды (осуществление обратной связи с теми на кого направлен проект); оптимизация источников финансирования.

Ученые определяют, что проекта характерны определенные особенности – направленность на достижение определенной цели или результатов, определенная ограниченность во времени (то есть имеет начало и конец по получению результатов; реальный период его реализации (определенная историческая эпоха), так и потенциальный период, если он направлен в будущее); выполнение последовательности действий (этапов, периодов); имеет субъекто ориентированную специфику, то есть создается и реализуется людьми, социальными группами, социальными общностями, организациями; ограничен ресурсными возможностями, которые есть в наличии или могут быть задействованы потенциально; проходит в своем развитии определенные формы состояния от замысла до реализации; анализируется с учетом условий среды, в котором его осуществляют. Также проекты отличаются друг от друга в зависимости от характера ожидаемых изменений (инновационные,

поддерживающие); особенностей материального обеспечения (инвестиционные, спонсорские, бюджетные, благотворительные и смешанные проекты); масштабов реализации (монопроекты, мультипроекты, мегапроекты, микропроекты); длительности получения результата (краткосрочные (1-2 года реализации), среднесрочные (3-5 лет), долгосрочные (более 5 лет)); места внедрения (национальные, региональные, местные проекты); сферы реализации (экономические, исследовательские, экологические, культурологические, политические, социальные проекты) [6, с. 369].

Методология проектного менеджмента предусматривает разработку, реализацию и развитие проекта как сложной системы, воспроизводится и функционирует в динамичной внешней среде. Главными элементами проекта являются замысел, идея (проблема, задача) средства реализации (решения проблемы) и результаты, добываемые в процессе реализации проекта. Выделяют четыре фазы проекта, последовательно чередующиеся в течение его жизненного цикла: концепция проекта (формирование замысла (идеи), постановка задач); разработка и подготовка проекта; реализация проекта; завершение проекта. Каждая из фаз, в свою очередь, характеризуется набором более или менее устойчивых элементов и определенной технологией исполнения.

Разнообразие определений проекта в нормативных документах, а также многочисленные авторские интерпретации, отсутствие концептуализации понятия «проект» наводит на мысль, что каждый берет в качестве базового то понимание проекта, который наиболее подходит к специфике его деятельности. Итак, на основе рассмотренных определений категории «проект» продолжим его исследования, определение содержания и специфики в политической плоскости [7, с. 101].

В отдельную группу целесообразно выделить исследования избирательной кампании в качестве политического проекта, в данном контексте политический проект предлагается понимать как совокупность определенных действий (политико-организационных, информационных, рекламно-пропагандистских и др.), как технологию совокупность методов, процессов и ресурсов, операций и приемов, или даже как набор документов под проектов (комплекса организационных мероприятий, замысла кампании или ее концепцию) направленных на реализацию интересов политических субъектов (определенного политика, группы политиков, политической организации или их объединения) по завоеванию и сохранению власти в государстве (регионе, городе и т. п.) при оптимальных затратах [8, с. 316].

По нашему мнению, ни одно из этих утверждений не раскрывает содержание понятия «политический проект», в первом случае отсутствует конкретизация понятия и размывается его содержание, во втором значительно сужается сфера применения понятия «политический проект», сводя его к программе определенных действий (например, правительственные социально-политические,

экономические проекты), которые должны быть направлены на разрешение / преодоление значимых социально-политических проблем реформирования / реорганизации / модернизации самых важных сфер жизнедеятельности человека. В третьем случае очень легко спутать проект с планом избирательной кампании, стирается различие между проектом предвыборной кампании и ее планом, которая заключается в том, что проект в пергу очередь очерчивает цель, конечный (желаемый) результат, а план – перечень действий для ее достижения.

В свою очередь, Митрохина Т. Н. отмечает, что политический проект предполагает многомерность и объемность как самого замысла, так и процесса преобразования действительности, также обязательное наличие смыслового каркаса (целей, ценностей), результатов трансформации действительности и субъектов, на которых направлено действие. Похожий смысл в «политический проект» вкладывает группа исследователей, которая рассматривает его с точки зрения отождествления с определенной идеальной моделью государства (утопия), государственного устройства, как реализацию представлений об идеальной системе, опирающейся на политико-правовые ценности и специфику доминирующих стереотипов общественного сознания [9, с. 102]. Еще один ученый Д. О. Ежов под реалистичными сценариями политических процессов будущего, результатом которых является создание, конструирование путем применения специальных технологий продукта определенного типа понимает политические проекты, применение которых усматривается уместным в процессе оптимизации политических институтов и процессов.

По нашему мнению, логично рассматривать политический проект не только в контексте технологии для достижения обозначенной цели, а как идею, образ политического будущего. Такой вывод сделан с учетом содержания политического проекта, то есть его наполненности идеями, определенными установками и ценностями, а также его формирования с учетом мировоззрения и ценностных иерархий субъекта или его ближайшего окружения / авторов проекта.

Политический проект также имеет характерные признаки, среди которых нужно отметить: временные рамки – политические проекты могут быть реальные, потенциальные, с четким периодом реализации; результативность; субъективность; ориентированность на политическую власть; направленность на общество; динамическая структура – возможность быстрой корректировки в зависимости от потребностей общества. Также большинство проектов ограничены по территориальному принципу.

Создание политического проекта может происходить как отдельными субъектами (кстати, не обязательно политиками), так и целыми социальными группами, объединениями граждан. Структурная модель политического проекта включает в себя такие элементы, как актеры проекта (то есть

те игроки, которые способны положительно или негативно влиять на проект), процедуры проекта (каким правилам проект регулируется), ресурсы проекта и стратегию проекта.

Итак, осмотрев различные варианты толкования термина «политический проект» и очертив его характерные признаки, можем вывести некую общую классификацию политических проектов: по масштабу действия – локальные (благотворительные акции и программы, общественные или депутатские слушания), местные (местные инициативы), региональные, национальные, межгосударственные, глобальные; по субъекту создания – государственные, партийные, созданные органами местного самоуправления, общественными объединениями, группами граждан (активистов); по продолжительности – краткосрочные или четко ограничены периодом реализации (например, план избирательной кампании), среднесрочные (как пример можно рассматривать реформирование институтов власти), долгосрочные (национальные, межгосударственные, глобальные проекты – ЕС) [10, с. 107].

Вышесказанное позволяет утверждать, что политические проекты могут выступать как средством переформатирования политического института, так и его создания. Политические проекты способны быть фактором внедрения инноваций в нормативный порядок, повышения результативности государственного управления и преодоления кризисных явлений в любой сфере деятельности общества.

Учитывая общественно-политические процессы, которые наблюдаются в стране, появление новых для нашего государства и общества форм общественно-политической активности можно говорить о создании/ выделении явления политического проекта, которое несет в себе определенную систему идей, характеризующих направление, масштаб, характер и содержание субъекта политического действия, а целью которых становится осуществление реального влияния/контроль за политическими решениями и в многих случаях получение властных должностей. Сегодня политический проект используется для содействия формированию взаимосвязи власти и общества.

В исследованиях гражданского активизма первым о проектном подходе заговорил Г. Солсбери, хотя сам он подобный термин и не использовал. Исследуя активность фермерских общественных ассоциаций в США, он пришел к выводу, что она зависит от таких факторов, как наличие лидера и его способность сплотить вокруг себя единомышленников. Солсбери, для обозначения такого лидера использовал термин «политический предприниматель». Им может быть как одно лицо, так и небольшая группа лиц, принимающих на себя задачи по организации неправительственной организации, выступая в роли инициатора создания, а в дальнейшем руководителя, координирующего ее деятельность.

Термин «политический предприниматель» Солсбери использует, ведь сравнивает роль лидера

НПО с ролью коммерческого предпринимателя, который на свой риск начинает дело и должен заинтересовать «пользователей». Аналогично «политический предприниматель» должен найти и предложить потенциальным участникам или донорам НПО нечто, что заставит их поддерживать организацию. Пример успешной деятельности «политического предпринимателя» демонстрирует история Сезара Чавеса, организатора и руководителя профсоюза «Объединенные сельскохозяйственные рабочие Америки». Ему удалось объединить сезонных сельскохозяйственных работников (сборщиков урожая) в рамках своей организации, хотя ранее подобные намерения заканчивались неудачей из-за «недоверия к организаторам союзов, угрозы со стороны работодателей, нехватки денег на членские взносы».

Теория Г. Солсбери, еще называют теорией обмена, поскольку «политический предприниматель» предлагает свои услуги (свое время и компетенции), требуя определенных выгод. В результате «обмена» участники НПО или те кто ее поддерживают удовлетворяют свои потребности, а «предприниматель» свои – обмениваясь услугами и ресурсами.

## Литература

1. Авдонин В.С. Организационная структура политической науки в институтах РАН // Россия и современный мир. 2016. № 1 (90). С. 201-218.
2. Акулич И.А. Роль внеконституционных институтов в развитии политического управления в России // В сборнике: Социально-экономические и правовые системы: современное видение Сборник трудов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 53-58.
3. Воробьев С.М. Реабилитация жертв политических репрессий как комплексный уголовно-процессуальный институт // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 125-132.
4. Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Институт политического имиджмейкинга: теоретические аспекты функционального обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 143-150.
5. Канаев А.Г. Эволюция политических и властных институтов в КРЕМОНЕ в XIII в // В сборнике: История мировых цивилизаций: восприятие, образ, репрезентация власти материалы IX Всероссийской научной конференции. Ответственный редактор Е.С. Меер. 2016. С. 17-26.
6. Кулиев Б. Специфические особенности участия института политической журналистики в политических процессах // Гилея: научный вестник. 2016. № 107 (4). С. 368-371.
7. Пономарев Р.В. Основные модели и механизмы взаимодействия политических институтов и бизнеса в государственно-частном партнерстве // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 1. № 5. С. 101-102.
8. Тимошенкова А.Д. Школа как институт политической социализации учащихся // В сборнике:

Молодость. Интеллект. Инициатива Материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. И.М. Прищепа (главный редактор). 2016. С. 315-317.

9. Фомин А.А. О современных проблемах демократизации политических институтов на примере Республики Сербии // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-7 (46). С. 102-103.

10. Фомин А.А. Политические институты как элементы региональной интеграции: современные тренды (на примере Российско-Сербского сотрудничества) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-7 (46). С. 106-112.

## Political Projects in the Discourse of Contemporary Social Sciences

**Kosov G.V.**

Pyatigorsk State University

Under the influence of social, economic and cultural factors, political transformations are taking place in the modern world. The dynamics of political processes leads to significant changes in the political struggle. Political reality today is determined by the careful organization of political actors, the focus on achieving clear goals, obtaining specific results, that is, it can be argued that there is a competition not just between politicians in their traditional understanding, but between political projects created to fight for control and leverage over social and political processes. A political project is a relatively new category that is actively used today by politicians, journalists, scientists, but very often it is identified as a strategy, plan, model, or even as an ideology, which greatly complicates the understanding / disclosure of the essence of this phenomenon. In this case, there is a need to expand scientific research in political science on this issue and conceptualize this period. In order to fundamentally investigate the essence of the concept of "political project", the basic category "project" first of all requires detailed consideration.

Key words: socio-political process, human activity, scientific project, term, need.

## References

1. Avdonin V.S. The organizational structure of political science in the institutes of the Russian Academy of Sciences // Russia and the modern world. 2016. No. 1 (90). S. 201-218.
2. Akulich I.A. The role of non-constitutional institutions in the development of political governance in Russia // In the collection: Socio-economic and legal systems: a modern vision Collection of proceedings of the International scientific-practical conference. 2016. S. 53-58.
3. Vorobiev S.M. Rehabilitation of victims of political repression as a complex criminal procedure institution // Journal of Russian law. 2016. No. 4 (232). S. 125-132.
4. Gaiduk V.V., Lukyantsev A.S. Institute of political image making: theoretical aspects of functional support // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2016. No. 1. S. 143-150.
5. Kanaev A.G. The evolution of political and power institutions in CREMONA in the XIII century // In the collection: History of world civilizations: perception, image, representation of power, materials of the IX All-Russian scientific conference. Responsible editor E.S. Meer. 2016. S. 17-26.
6. Kuliev B. Specific features of the participation of the institute of political journalism in political processes // Gileya: scientific bulletin. 2016. No. 107 (4). S. 368-371.
7. Ponomarev R.V. Basic models and mechanisms of interaction between political institutions and business in public-private partnership // Successes of modern science and education. 2016. Vol. 1. No. 5. P. 101-102.
8. Timoshenkova A.D. School as an institution of political socialization of students // In the collection: Youth. Intelligence. Initiative Materials of the IV international scientific-practical conference of students and undergraduates. THEM. Prischepa (editor-in-chief). 2016. S. 315-317.
9. Fomin A.A. On modern problems of democratization of political institutions on the example of the Republic of Serbia // International research journal. 2016. No. 4-7 (46). S. 102-103.
10. Fomin A.A. Political Institutions as Elements of Regional Integration: Modern Trends (on the Example of Russian-Serbian Cooperation) // International Research Journal. 2016. No. 4-7 (46). S. 106-112.

# КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА»

**Косаренко Николай Николаевич,**  
к.и.н., к.ю.н., проф., РЭУ им.Г.В. Плеханова,  
nkosarenko@yandex.ru

Современный человек постоянно находится в поиске и освоении новых социальных ролей, повышенные собственного социального статуса, нуждается в самореализации. Процесс становления человека в качестве гражданина происходит через определенные действия, которые несут в себе определенные общественно-политические ценности, идеи, которые распространяются и адаптируются в окружающей среде. Потребность в постоянном действии, в проявлении активности является имманентным качеством всех живых существ, благодаря чему и происходит развитие и совершенствование как самого существа, так и окружающего мира. Активизм характеризует установку индивида на преобразование себя и привнесения изменений в окружающую человека действительность.

Одновременно трансформационные процессы во всех сферах жизнедеятельности человека, происходящие по всему миру способствуют укоренению в сознании понимание необходимости активного, системного действия/участия, направленных усилий членов общества в стимулировании качественных социальных, политических, экономических или экологическим изменениям или предотвращать упадок общества.

**Ключевые слова:** современный человек, процесс, понимание необходимости, определенные действия, социальный статус.

Для становления, укрепления и сохранения демократии, важным условием является наличие активных участников общественно-политических процессов, к такому выводу в своей работе «Гражданская культура» пришли Г. Алмонд и С. Ива.

Современные общественно-политические процессы в России и во всем мире указывают на повышение роли активной деятельности / участия гражданина (объединения граждан) в общественно значимых сферах жизнедеятельности, продуцировании изменений и влияния на формирование новой картины мира. Повышение уровня активного участия граждан связано с большим количеством нерешенных социальных, экономических, культурных проблем, нестабильностью политической системы, с желанием доказывать свои требования и потребности власти [10, с. 577]. В свою очередь, степень вовлеченности граждан в решение общественно-политических вопросов дает возможность оценить уровень устойчивости и развитости гражданского общества, а также утверждать о наличии или отсутствии верховенства демократических принципов в государстве.

С точки зрения политологов, стремление качественных преобразований и повышение уровня жизни и изменения в человеческом сознании, в смысле понимания своей значимости и роли в этих преобразованиях, находят свое отражение в проявлении той или иной формы активности. Ни один из факторов, влияющих на жизнедеятельность большой группы людей, условия и обстоятельства жизнедеятельности человека и социальной группы, к которой она принадлежит, не будет успешно реализовываться и работать на формирование и развитие личности, если не будет центрального фактора – активности личности.

Активность граждан интересовала исследователей не только в наши времена. Вопросы активности человека в той или иной степени затрагивались в работах Платона, Аристотеля, они считали любую деятельность человека по сферам частного публичной активностью. Со временем, активность стала восприниматься в негативном ключе, понимая под активностью любые действия, направленные против власти или против существующего состояния общества [9, с. 187]

В исследования политическими психологами наибольшее внимание уделялось факторам, которые подталкивают человека к той или иной формы активности. Здесь стоит заметить о наличии ряда психологических теорий активности, которые имеют целью попытку обосновать стремление, нали-

чие или отсутствие у человека желания к активным действиям. Впервые вопрос об активности личности был поставлен З. Фрейдом. Основные положения его теории утверждают: источником активности человека являются инстинктивные побуждения, данные ему от рождения, унаследованные ею. Бихевиористическая концепция (Дж. Уотсон, Э. Газри, Э. Торндайк, Б. Скиннер и др.) отрицает биологические задатки организма и не учитывает его психологические особенности; происходит механическое трактовка поведения личности. С позиций неофрейдизма источником активности личности является ее зависимость от условий среды. С позиций гуманистической психологии источником активности является потребность личности в самоактуализации, полное развитие своего потенциала (А. Маслоу), «теплое, позитивное, приемлемое» отношение (к. Роджерс) и др. И так, в психологических науках активность связывают с исследованием механизмов самомотивации, с установлением влияния бессознательного на поведение человека.

Дальнейшие исследования сосредоточились на изучении процессов ее институционализации (появления специфических сфер реализации, норм, правил, технологий реализации), особенностей становления ассоциаций и неформальных видов гражданского и социального участия в общественно-политической жизни страны и оценивали их перспективность [8, с. 194]. Источники активности коренятся как в самом индивидууме (в его потребности в самореализации, свободе, признании), так и в обществе, которое через свои институты имеет возможность ее урегулирования, оказания правомочности и направление.

Вообще «активность» является общенаучной категорией, которая входит в круг изучения различных наук. То есть если в первом случае активность считается врожденным качеством, то второй подход предполагает сменяемость активности в связи с изменением личности и той среды, в которой эта личность развивается. Подобным образом объяснялась гражданская активность в теории групп интересов Д. Трумэна и А. Бенгли. Яркие представители такого течения в общественно-политической мысли как «плюрализм», они считали, что активизация граждан является естественной реакцией «возмущение». В своей работе «Управленческий процесс», Трумэн отстаивает мнение, что в ситуации, когда индивидам начинают грозить нежелательные изменения, они активизируются и объединяются в группу интересов. То есть активизм является ответом, реакцией на нарушение баланса, на трансформацию среды – которая вызывает возмущение. Однако опыт доказывает, что посягательство на права отдельных групп, нарушение баланса - не обязательно ведут к активизации групповой деятельности. Например, «малый бизнес» весьма активно пытается защищать свои интересы, создавая неправительственные организации и устраивая акции протеста против законов, которые их не устраивают. На контрасте с ними, отсутствие активности демонстрируют

преподаватели ВУЗОВ, которые практически не пытаются защищать свои групповые интересы.

Американский исследователь Г. Ганс, в работе под названием «Городские крестьяне», также описывал пример отсутствия активизма в ситуации, что его провоцировала. Он исследовал ситуацию в Вест – Энде, районе Бостона, который стал объектом программы реконструкции города и полностью перестраивался, что означало вполне нежелательные изменения для его жителей, которые должны были переселяться. Хотя они и создали неправительственную организацию, которая имела целью противостоять выселению. Однако она не получила поддержки со стороны жителей района [7, с. 47].

На сегодняшний день, в отечественной политической науке нет четкого определения понятий «активность», «активизм». Мы находим значительное количество научных разработок в вопросах исследования «активности», «активизма», но проработав значительное количество имеющейся литературы стоит отметить, что большинство авторов использует их в различном контексте и в основном наполняет их разным содержанием. Также существует дискуссия по поводу разграничения или отождествления понятий «активности», «активизма». Ряд исследователей подчеркивает принципиальную отличия «активности» от «активизма», исходя из понимания «активности» как определенного качества человека, а «активизма» как набора определенного действия, методов, через которые реализуется качество человека «активность» и направлены на достижение определенных изменений. То есть качество «активность» является присущей каждому человеку, а способны к «активизма» лишь отдельные группы людей [6, с. 76]. В то же время сторонники отождествления этих понятий, обосновывают это тем, что «активизм» является производным от «активность», а потому придают им одинаковое значение – способность к деятельности, ее проявление.

В обобщенном виде можно определить, что «активность» – означает деятельное участие в чем-либо, энергичную деятельность, способность субъекта к самодвижению, его движущая сила становления, существования и проявления человека как субъекта жизни и деятельности.

По определению активизма – это всестороннее и многоаспектное понятие, раскрывающее совокупность действий, выход энергии индивидов и социальных групп, направленную на изменение своего статуса и окружения. Активизм можно широко определить как любое поведение, которое направлено на решение какой-либо групповой политической или социальной проблемы. В узком смысле активизм означает стратегию деятельности, поведения, сотрудничества людей с целью отстаивания определенной позиции, сущность которой заключается в разрешении общественного конфликта, его нацелены на сознательное освоение действительности и созидания социальных изменений.

Современная логика строится на предположении, что, во-первых, активисты делятся своими знаниями и вдохновением; во-вторых, люди теперь отказываются принимать власть, вместо этого они оценивают систему и принимают активное участие в ее исправлении.

Феномен активизма является достаточно противоречивым, с одной стороны он является своеобразным толчком к качественным сдвигам в общественно-политической системе, но в то же время увеличение количества активных граждан и социальных групп может привести к росту числа массовых движений, забастовок, демонстраций, что в свою очередь негативно отразится на стабильности общественно-политической системы [5, с. 45]. Исследования содержательной сущности «активизма» выделили группу ученых, которые предлагают считать его разновидностью социально-политического экстремизма.

Проработав значительный массив научных исследований, посвященных проблематике содержания и сущности «активизма», нами было выявлено большое количество разновидностей форм и проявлений данного явления, среди которых более известными являются экологический, профсоюзный, феминистический и правозащитный активизм, так и более современные ЛГБТ-и виртуальный (цифровой) активизм (который также имеет несколько подвидов: зктивизм, слактивизм, кликтивизм и т. д.). Несмотря на все, мы не нашли единого ответа в вопросе четкого разграничения основных его видов, таких как неполитический (социальный), политический, гражданский, гражданский активизм. Чем выше уровень организованности и институционального оформления приобретают те или иные формы проявления активных действий (в качестве примера приводят: участие в выборах, демонстрациях, деятельности конкретных комитетов и ассоциаций и пр), тем меньше разногласий и интерпретаций они содержат в исследовательской литературе, тем более однозначно характеризуются. В то же время при попытках предоставления характеристики неформализованным и слабо институционализированным формам проявления активности исследователи оказываются перед трудностями четкого разграничения, отнесения к какому-либо одному виду активизма [1, с. 136].

В рамках нашего исследования внимание приковано к изучению вопроса сущности именно гражданского активизма. К вопросу содержания гражданской активности обращались еще в эпоху.

Просвещения, уже тогда учеными мыслителями (Вольтер, Д. Юм, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк) отмечалась важность и необходимость развитого духа гражданственности ради развития демократии в государстве, т. е. установление демократических принципов в государстве возможно только в случае, когда человек в своих действиях имеет в виду вопросы общего блага, а не управление только личными краткосрочными интересами. Также уже тогда констатировалось наличие положительного

влияния на управление государством от гражданской инициативы членов общества.

Наибольшее развитие исследования гражданского активизма приобрели в XX веке, с развитием политических партий, распространением всеобщего избирательного права, появлением неправительственных организаций. Эти исследования впоследствии привели к появлению теорий политической культуры, групп интересов, гражданского общества и тому подобное. Различия между этими теориями часто были обусловлены различиями в предмете исследования. Например, французский исследователь Алексис де Токвиль, исследуя активизм в США в работе «Демократия в Америке» (1835-1840), интересовался его институциональным измерением, анализируя зависимость характеристик политического режима от степени включенности граждан к общественно-политическим процессам через различные общественные ассоциации и организации взаимопомощи, которые выполняли роль защитника прав граждан и транслятора их интересов; американский политолог Роберт Патнэм пытался описать различия в уровнях активности граждан на Юге и Севере Италии в своей работе «Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии» (1993 года) и определить факторы, обусловившие эту разницу. Среди результатов его научных поисков выводы о значительном влиянии гражданской активности на качество управления, формирование современных политических правил и институтов, на изменение политической практики и принятие политических решений. В свою очередь американский политолог Адам Пшеворский, исследуя трансформационные процессы в странах Восточной Европы и Латинской Америки, ставил на одну ступень с расколом элит роль гражданской активности в процессах перехода от одного политического режима к другому. Немалое значение явлению гражданской активности придавал еще один представитель американской политологической школы Филипп Шмиттер, говоря о «гражданском самоустранении» как об одной из главных опасностей для демократии.

Внимание понятию «гражданская активность (активизм)» уделяли в своих трудах такие отечественные и зарубежные ученые Л. В. Гонюкова, С. Патрушев, А. Равчев, И. Симаков, А. Сергиенко, Н. Седова и другие. Изучая научную литературу, приходим к выводу, что большая часть ученых основывается на определении гражданской активности как структурно-содержательного качества личности, формирование и развитие которой происходит на основе индивидуальных ценностных ориентаций с учетом культурных и нравственных ценностей общества, правовых норм и требований государства. Именно это качество и направляет деятельность и поведение человека как представителя социального, на развитие гражданских отношений и выступает отражением характера институциональной взаимодействия с властью [4, с. 153], в свою очередь гражданский активизм рассматривается как сознательная деятельность граждан (их

объединений), направленная на решение или решения общественных проблем (тех, что затрагивают не только их собственные интересы, но и других людей).

Патрушев С. В., основываясь на исследованиях гражданского общества Габермаса, Александера, предлагает рассматривать гражданскую активность как публичную роль гражданина, обеспеченную правовыми нормами государства, реализуемого через гражданские практики (взаимодействии).

Гражданский активизм по Семакову И., это такая форма активности, которая реализуется на уровне институтов гражданского общества и способствует развитию этого общества, реализации частных потребностей и интересов, индивидов, групп и коллективов.

В свою очередь, в нашем исследовании предлагается постичь сущность гражданского активизма, через понимание категории гражданственности, которая в трудах Е. Гидденса, Д. Коэна, Ф. Гайека выступала одним из центральных элементов в развитии гражданского общества, определяя ее «духом» гражданского общества. Среди отечественных авторов, в круг научных исследований которых входило и вопросы «гражданственности», следует отметить Т. Бельские, В. П. Горбатенко, В. Пащенко, Ю. Г. Тропа, В. Цвиха, В. Ярошенко. Труды вышеупомянутых авторов объединяет тезис, что развитие гражданского общества возможно лишь при условии сознательного воспроизводства гражданских ценностей, идей, норм и правила поведения большинством его членами. Именно гражданственность сочетает в себе моральные и культурные ценности, идейный потенциал, нормы и правила поведения в гражданском обществе, а потому и выступает ключевым признаком сознательного гражданина, который осознает свои права и обязанности и на основе этого отмечается готовностью и способностью к активному участию в делах общества и государства [3, с. 31]. Таким образом гражданственность рассматривается как насущная потребность гражданского общества.

В. Пащенко, в свою очередь, предлагает понимать «гражданственность» как способность, нужные качества и склонности к созиданию и воплощению, организации и участия направленной на достижение общего блага несмотря на индивидуальные особенности характера человека.

Очень точным является определение гражданственности, предложенное Ю. Г. Стежком: «это качество, которое интегрирует политическую, правовую и нравственную компоненты мировоззрения личности (высшего модуса общественного бытия человека) — личности как субъекта политической власти не только *de jure*, но и *de facto* на основе глубинной рефлексии относительно собственной роли во власти». То есть категория гражданственности выступает своеобразным важным элементом формирования конструктивного участия в институализации отношений личности и государства.

В. Ярошенко отмечает разнообразие проявления «гражданственности»: сознание, культура,

жизненная позиция, интересы, приоритеты, ценности и др. через которые происходит активная сознательная партнерское сотрудничество граждан с государством в обеспечении демократических процессов, в частности гражданского мира и гражданской политической консолидации.

Американские исследователи Колеман и Блумер отмечают, что гражданственность в первую очередь касается мобилизации чувств гражданской принадлежности, лояльности и солидарности. Именно благодаря наличию гражданственности, гражданская активность поощряется.

Учитывая вышесказанное, гражданский активизм целесообразно рассматривать как целенаправленную или спонтанную деятельность, участие, поведение, взаимодействие (то есть инструмент для реализации гражданственности) человека/объединений граждан, как представителя/гражданина государства/социума, на создание мира гражданских отношений, общественно-политические преобразования и институциональную взаимодействие с властью, с учетом ценностей общества и правовых норм и требований государства, с целью влияния на принятие политических решений [2, с. 41].

В исследовании гражданского активизма, мы пришли к выводу что есть определенные трудности в формировании единого определения, среди прочего, которые связаны с дискуссией о целесообразности разграничения или отождествления гражданского активизма с общественным активизмом. Обратившись к толковому словарю, мы видим, что «гражданский» – производное от гражданин, и означает «такой, что касается гражданина как члена общества, а также всего общества», «что подлежит законам страны и выполняет связанные с этим обязанности», а «общественный» производное от слова община и означает «такой, что касается общества, или отдельного коллектива; происходит в обществе (обществе, коллективе) или связан с общественно полезной работой». То есть «гражданский активизм» нужно рассматривать в контексте сознательной деятельности лица, как гражданина определенного государства, направленного на пользу общества этого государства «а "общественный активизм" как деятельность представителя определенной общины в пределах интересов общества или связанных с ней. Учитывая тот факт, что общество и государство часто производят тождественные запросы на соответствующую деятельность со стороны лица, можно считать их дополняющими друг друга явлениями, но все же хотелось бы отметить, что гражданский активизм есть несколько более узкой формой общественно-политической активности социальных субъектов, целью которой является возможность, желание влиять на принятие социально-политических решений.

В научных исследованиях в качестве синонимичного понятия к гражданскому активизму используют гражданское участие. Считаем уместным уделить внимание рассмотрению вопроса тождества или различия этих понятий.

## Литература

1. Баронина А.А. Политическая социализация молодежи как социальный институт // В сборнике: Молодежь в науке: Новые аргументы сборник научных работ III-го Международного молодежного конкурса: в 4-х частях. Научное партнерство «Аргумент». Липецк, 2016. С. 135-137.

2. Куппаева Б.Т. Роль института политического лидерства в формировании внешнеполитической стратегии республики Казахстан // В сборнике: Актуальные вопросы науки и практики XXI в Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.С. Овечкина. 2016. С. 40-52.

3. Лесь А.Ю. Основные политические институты современного общества // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 2. С. 30-36.

4. Линецкий А.И. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 152-170.

5. Нигматуллина Т.А. Институт семьи как ОДИНИЗ факторов политической социализации детей и молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 43-49.

6. Рудомётов С.С. Абсентеизм как показатель легитимности политических институтов // В сборнике: Современные проблемы правотворчества и правоприменения материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 75-78.

7. Сереброва А.М. Роль политических институтов в формировании внешней политики Франции // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 2. С. 46-54.

8. Соколова И.В. Информационные ресурсы советских политических институтов в период перестройки (1985 - 1991) // В сборнике: Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства Материалы научной конференции "Вторые Рязановские чтения". 2016. С. 193-197.

9. Тимашова В.М. Архитектоника И Социологическое Содержание Политической СФЕРЫ: Политические институты // Гилея: научный вестник. 2016. № 104. С. 186-189.

10. Хаустова Н.А. Новые политические институты в системе глобального управления // В сборнике: Гуманитарное образование в экономическом вузе Материалы IV Международной научно-практической заочной интернет-конференции. 2016. С. 576-581.

## Conceptual evolution of the concept of "civic activism" Kosarenko N.N.

Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

The modern person is constantly in search and development of new social roles, heightened his own social status, needs self-realization. The process of becoming a person as a citizen occurs through certain actions that carry certain socio-political values, ideas that spread and adapt in the environment. The need for constant action, for the manifestation of activity is an immanent quality of all living beings, due to which the development and improvement of both the being itself and the surrounding world takes place. Activism characterizes the mindset of an individual to transform himself and introduce changes into the surrounding reality.

At the same time, transformational processes in all spheres of human life taking place around the world contribute to the rooting in the consciousness of the need for active, systemic action / participation, directed efforts of members of society in stimulating high-quality social, political, economic or environmental changes or to prevent the decline of society.

Key words: modern man, process, understanding of necessity, certain actions, social status.

## References

1. Baronina A.A. Political socialization of youth as a social institution // In the collection: Youth in science: New arguments collection of scientific works of the III International youth competition: in 4 parts. Scientific partnership "Argument". Lipetsk, 2016.S. 135-137.
2. Kuppaeva B.T. The role of the institute of political leadership in the formation of the foreign policy strategy of the Republic of Kazakhstan // In the collection: Topical issues of science and practice XXI in Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Responsible editor E.S. Ovechkin. 2016.S.40-52.
3. Les A.Yu. The main political institutions of modern society // Economics and management: problems, solutions. 2016.Vol. 2.No. 2.P. 30-36.
4. Linetskiy A.I. The mechanism of the influence of political institutions on the course of economic development // Polis. Political Studies. 2016. No. 2. S. 152-170.
5. Nigmatullina T.A. The Institute of the Family as ONE of the Factors of Political Socialization of Children and Youth // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2016. No. 1 (91). S. 43-49.
6. Rudometov S.S. Absenteeism as an indicator of the legitimacy of political institutions // In the collection: Modern problems of lawmaking and law enforcement materials of the All-Russian student scientific and practical conference. 2016.S. 75-78.
7. Serebrova A.M. The role of political institutions in the formation of French foreign policy // Economy and management: problems, solutions. 2016.Vol. 2.No. 2.P. 46-54.
8. Sokolova I.V. Information resources of Soviet political institutions during perestroika (1985 - 1991) // In the collection: Book and documentary collections of the twentieth century: ideologies and circumstances Materials of the scientific conference "Second Ryazanov readings". 2016.S. 193-197.
9. Timashova V.M. Architectonics And Sociological Content Of The Political Sphere: Political Institutions // Gileia: Scientific Bulletin. 2016. No. 104, pp. 186-189.
10. Khaustova N.A. New political institutions in the system of global governance // In the collection: Humanitarian education in an economic university Materials of the IV International scientific and practical correspondence Internet conference. 2016.S. 576-581.

# ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

**Ерошенко Валентина Ивановна,**  
канд. полит. наук, доц., ЮФУ, v\_eroshenko@bk.ru

Ранее мы уже касались понятия самосознания. Теперь рассмотрим механизм формирования и реализации основных структурных звеньев национального самосознания и средства ее управленческого влияния на развитие общенационального сознания: от мироздания через мораль-до идеологии и дальше через политику-до образа жизни человека. В этом контексте очень актуальными являются предложения профессора. Козакова проанализировать и отразить последовательный механизм ее формирования.

Проблема самосознания интересовала человечество с древних времен. Уже Сократ сформулировал ее как философское кредо, познавательный императив – “Познай себя!”. Такое познание было для него не только средством удовлетворения человеческой любознательности, а прежде всего основой для решения вопроса о моральных императивах человеческой деятельности. Например, категория “долга”, изучена еще в античную эпоху, предстает основой морального сознания на протяжении всей истории человечества, и сегодня толкования ее содержания в контексте накопленного человечеством практического и духовного опыта остается одной из центральных мировоззренческих проблем.

**Ключевые слова:** долг, человеческая деятельность, мировоззренческие проблемы, гражданские обязанности, моральное сознание.

Понятие “общественного долга” значительно шире круга служебных или даже гражданских обязанностей индивида. Осознание обязанности прежде всего как целого комплекса моральных обязательств человека перед обществом делает эту категорию ценностным императивом личной жизнедеятельности. В течение исторической эволюции общество выработало многочисленные, в том числе – государственно-управленческие, механизмы содействия формированию у гражданина чувства долга перед обществом – государством, нацией, страной. По нашему мнению, наиболее эффективными в их числе выступают воспитание и пропаганда. Однако в любом случае даже лучший механизм общественного влияния направляется на самосознание индивида, его собственную духовно-ценностную систему мировосприятия. В связи с этим уместно уделить внимание более детальной типологизации категории самосознания.

При определении сути национального самосознания и выяснении ее природы немалую значимость имеет решение вопроса структурирования и рассмотрения функциональных взаимоотношений среди структурных частей этого понятия. Реализация структурно-функционального анализа национального самосознания позволит зафиксировать ее как неделимое понятие в целом многообразии проявлений структурных частей, а еще установить значение указанного понятия в нации - и государственном строительстве [2]. Проявление факторов, действующих на становление и утверждение национального самосознания как нравственной основы процессов является весомым для субъектов государственного управления, ведь это дает способность использовать тождественные формы и способы управленческого влияния на упомянутые процессы.

Надо заметить, что среди исследователей национального самосознания нет общности в понимании строения указанного феномена, ученые неоднозначно толкуют структурные части национального самосознания, что обуславливается ее многомерностью, сложностью и динамизмом реальности, которую она отражает, неодинаковыми условиями формирования и функционирования составных частей (компонентов), а также неразработанностью методологии исследования этого общественного феномена.

Кроме системы автостереотипов, к структуре национального самосознания относится ряд гетеростереотипов (соответствующий комплекс установок, связанный с нациями-соседями). [4, с. 137].

Неоднозначность процесса демократических преобразований стало причиной замедленного формирования политической культуры населения в широком смысле. Поэтому нам при нынешних условиях представляется возможным вести речь о совокупности внутренних убеждений о свободе, «родительских» и общественных традиций и т. п., которые влияют на политическое сознание лица (социальной группы), его активность и взаимодействие с политическими субъектами.

Общепризнанные функции политической культуры можно разделить на две группы по виду реализации. К первой отнесем те, что предусматривают возможность непосредственного влияния на политическую и гражданскую сознательность населения государства в рамках трансляции выбранных элементов культуры, а именно: воспитательная, регулирующая и защитная функции. Ко второй – те, что заключаются в осуществлении коммуникаций между носителями политической культуры, субъектами политики и государством: прогностическая и коммуникативная функции [5]. Таким образом, очерчивается возможный вектор исследования функционирования политической культуры в обществе: путь обобщения социально-политических явлений и установления причинно-следственной связи между ними. Результатом является построение модели молодежной политической культуры с выделением предметных категорий и их характеристик, которая является важным условием для демократизации политической системы.

В соответствии с вышеуказанным, молодежную политическую культуру можно представить, как систему социальных коммуникаций, основными составляющими которой являются блоки формирования политической культуры и трансляции политической культуры.

Количество институциональных аспектов формирования политической культуры молодежи определяется особенностями социализации молодежи. Так, период роста и воспитания личности составляет временной промежуток длительностью от рождения до 30-35 лет. За это время личность проходит путь становления, развития и самореализации, приобретает необходимый жизненный опыт и в конце концов формирует твердую жизненную позицию.

Кроме того, на формирование политической культуры влияет интенсивность влияния некоторых внешних и внутренних факторов. По нашему мнению, важнейшими среди них являются:

- 1) национальный характер;
- 2) переходный этап формирования новой системы ценностей и жизненных ориентиров посткоммунистического общества;
- 3) снижение доверия населения к государственной власти;
- 4) прагматическое мировоззрение созвучен с ритмом современности;
- 5) мировые процессы межнациональной политической и экономической интеграции.

В общих чертах ценностные горизонты молодежи раскрываются в следующих характеристиках: ориентация исключительно на собственные силы в обеспечении экономического благополучия, инициативности, стремление к мобилизации внутренних резервов; желание самореализации, которое побуждает к выбору престижной профессии, постоянного развития, актуализирует потребность в признании окружающими; постоянное стремление к достижению качественно более высокого уровня комфорта; осознание роли законности в общественных отношениях, стремление к отстаиванию собственных интересов законным путем; осознание свободы личности как высшей ценности общества; чувствительность к восприятию изменений в социально-экономической, политической и духовной сферах общественной жизни, зависимость политической активности от событий в государстве, успехов и неудач власти и т.п.

По нашему мнению, перечисленные черты сами по себе не имеют непосредственного влияния на политическое сознание и культуру молодежи – они закладывают основу для реализации потенциала молодежи в общественно-политической жизни. Экономическая активность превратится в общественно-политическую в том случае, если молодой человек осознает, что политика непосредственно влияет на формирование условий завтрашнего дня, поэтому необходимо собственное участие в политическом процессе. Такую же роль играет признание свободы человека как неотъемлемой ценности. Итак, участие молодежи в политике начинается с осознания роли в ней. Воспитание позитивного отношения к власти и политическому процессу особенно важно, поскольку опыт, полученный в молодости, будет определять политическое поведение лица в будущем.

Завершая изучение факторов формирования политической культуры, рассмотрим мировые процессы межнациональной политической и экономической интеграции. Вследствие их распространения происходит условное стирание экономических и культурных границ между нациями. Так, глобализация связывается с понятием «целевой политической культуры», то есть такого типа политической культуры, основой которой является либеральный демократический образ мировосприятия – определяющий при оценке социально-экономических и политических событий.

Молодежная среда всегда готова к восприятию нового, поэтому благодаря этому качеству является одним из лучших объектов для восприятия таких идей. Кроме того, распространению либерализма способствуют также присущие русскому народу черты менталитета.

Про либерализацию и демократизацию мировоззрения свидетельствуют стремление к законным средствам защиты собственных и общественных интересов, толерантность в отношении спорных точек зрения, восприятия демократических методов в управлении и т.п. Наряду с этим глобализация рынков и межрегиональная интеграция несут определенную угрозу для политической

культуры общества. Опасность заключается в стирании национальных установок индивида и стремлении идентифицировать себя как «гражданина мира», разорвав связь с родной культурой [7].

Приведенные способы аргументации структуры национального самосознания, позволяют понять ее только в обобщенном виде и не дают возможности выяснить критерии того или иного структурирования, что, в свою очередь, не дает возможности четко выделить ее основные элементы и понять функциональные связи между ними. Поэтому, по нашему мнению, необходимо четко определить методологические подходы к структуризации этого понятия, в основе которых заключаются определенные критерии – уровни, формы осознания, отражения, сравнения различных аспектов национальной жизни.

В зависимости от субъекта, который выступает носителем самосознания, она может быть индивидуальной (личностной) или коллективной (самосознание определенной группы людей, активно сознательно объединенных в некую общность: семью, род, сословие, класс, профессиональную группу, конфессию, партию, нацию и тому подобное). Итак, можно говорить о наличии различных ее видов: личностная, родовая, профессиональная, классовая, конфессиональная, этническая, национальная, общечеловеческая и т. д. [6, с. 95].

“Патриотизм как одно из сильных чувств, из которых складывается эмоциональный мир человека, – пишет отечественный исследователь [10], – неотделим от осмысления и выбора путей и средств реализации интересов своего Отечества. В связи с этим представляется важным ввиду понимания сущности патриотизма разграничить чувственно-эмоциональную и осмысленно-действенную составляющие человеческого сознания, которая, если исходить из известного выражения немецкого экономиста XIX в. Фридриха Листа относительно того, что между личностью и человечеством стоит нация, практически всегда является сознанием национальным”.

Структурно, содержательно и функционально любая социальная (в том числе Национальная) самосознание индивида является сложной системой, включающей огромное количество элементов и их связей. В своем историческом развитии она проходит долгий путь самосовершенствования от элементарных представлений, стереотипов и норм к высокоразвитой целостной системе убеждений и ценностных ориентиров. Основное содержание структурных элементов национального самосознания предопределяется теми функциями, которые она выполняет в общественной жизни.

Профессор В. Карлова подчеркивает, что благодаря познавательной функции национального самосознания происходит национальная самоидентификация – осознание нацией самой себя, своей реальности, осознание своего отличия от других (“мы” – “они”) на основе определенных знаний, представлений. В определении нацией своих идеалов, национальной идеи, национально-государственной идеологии, которая служит

для национального самосознания программой достижения определенной цели, заключается функция национального самоопределения. Осуществляя интегративную функцию, национальное самосознание влияет на специфику внутринациональных, межэтнических связей, определяет характер межэтнического взаимодействия и интеграции. Необходимость оберегать национальные ценности от девальвации, исчезновения или разрушения обеспечивает защитная функция национального самосознания.

Важной функцией национального самосознания есть функция самоконтроля, которая заключается в ответственности за принятые национальные решения в сфере межнациональных отношений. Исследователи выделяют и эмоционально ценностную функцию указанного феномена раскрывается в ее направленности на формирование ценностного отношения нации к себе и связанных с этим соответствующих эмоциональных состояний (чувств, настроений, переживаний). Делает возможным передачу национальных традиций, других явлений национальной жизни адаптационная функция национального самосознания. Одновременно с появлением национальной идеологии возникает идеологическая функция национального самосознания, благодаря которой у граждан создается ощущение причастности к исторической судьбе нации, желания менять ее. Указанная функция обеспечивает определенную степень консенсуса по базовым национальным ценностям, что способствует мобилизации нации для решения задач национального развития, среди которых самым главным является обеспечение процессов развития собственного государства [11, с. 29]. Коммуникативная функция национального самосознания обеспечивает соответствующую степень сплоченности национального сообщества, определяет способы социального взаимодействия между ее членами и механизмы социализации индивида. Вместе с тем с ее помощью устанавливается психологическая коммуникативная дистанция, определяющая взаимоотношения с другими национальными сообществами и государствами, создаются общепризнанные регуляторы межэтнического коммуникативного поведения.

Итак, исходя из анализа методологических подходов к определению структуры и функций национального самосознания, можно утверждать, что она является сложной системой, которая включает большое количество элементов и многовариантность их функциональных связей. Разнообразие подходов к структурированию национального самосознания является свидетельством сложности самого феномена, стремлением найти наиболее адекватную модель, которая бы воспроизводила реальное состояние национального самосознания, которая проходит длинный путь развития – от элементарных представлений, стереотипов и норм к высокоразвитой целостной системе знаний и ценностных ориентиров. Основное содержание структурных элементов национального самосознания предопределяется теми функциями, которые

она выполняет в общественной жизни. Можно выделить следующие основные функции (см.рис.1.) .



Рис.1. Основные функции национального самосознания

Каждый индивид в процессе социализации среди массы разнообразных знаний о общественную среду, в котором он живет, с необходимостью познает свою национальную принадлежность и национальные особенности, историю своего народа, его фольклор, обычаи, традиции, нормы поведения, а также экономический, политический, духовный, геополитический статус своей нации, ее скрытые резервы и возможности, идеалы и установки, которыми он руководствуется, хотел бы руководствоваться при определенных условиях.

Однако познавательная функция национального самосознания не является самодостаточной. Знание, что несет национальное самосознание, подчинены цели формирования ценностной ориентации члена национального сообщества. Все, что узнает индивид о своей нации, направляется на формирование определенной жизненной позиции, которая базировалась бы на общенациональных святынях и ценностях. Эти последние делятся на эмоциональные и рациональные. К первой группе относятся такие чувства, как любовь к родному краю, патриотизм, служение национальным интересам, гражданский долг, национальное достоинство, уважительное отношение к историческому прошлому, уважение к национальной символике и святынь и тому подобное. Эти эмоционально-ценностные элементы национального самосознания практически не подлежат рациональному объяснению.

К рационально-ценностных элементов национального самосознания относятся, прежде всего, такие восприняты и отражены ею объективные реалии, как свобода, независимость, историческая миссия нации в мировом сообществе, самобытность национальной истории и культуры, вклад нации в обще цивилизационный прогресс человечества и тому подобное. Познавая, оценивая себя и окружающий мир, каждая нация осознает свои потребности и возможности, производит самые приемлемые стандарты поведения своих представителей, наиболее целесообразные формы деятельности, перспективные направления развития и тому подобное. В национальном самосознании фиксируются регулятивные нормы жизнедеятельности каждого гражданина и всех имеющих сообществ – от семьи до нации в целом, и во всех срезах – от личных до международных отношений.

## Литература

1. Аверьясова А.В. Политическая культура студентов. Опыт социологического анализа // В сбор-

нике: потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал. 2016. С. 13-16.

2. Бим М.М., Горшечникова Е.А., Кашелкина О.А., Кокина В.М., Потапова Н.М., Саратовская Л.Б., Федорова А.В., Шубина Ю.В. Английский язык и политическая культура // Учебное пособие / Под редакцией Н.М Потаповой, Л.Б Саратовской, Ю.В. Шубиной. Москва, 2016.

3. Геоалаян Л.С. Важное значение формирования политической культуры российской молодежи в современных условиях // В сборнике: Молодежь и наука: реальность и будущее материалы IX Международной научно-практической конференции: в 2 томах. Физико-математические науки, Химические науки, Технические науки, Сельскохозяйственные науки, Исторические науки, Философские науки, Филологические науки, Педагогические науки, Психологические науки, Социологические науки, Политические науки. 2016. С. 391-393.

4. Мациевский Г.О. Ценностно-смысловое пространство политической культуры современного российского казачества: к постановке проблемы // В сборнике: Кайгородовские чтения. Культура, наука, образование в информационном пространстве региона сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции: к 50-летию Краснодарского государственного института культуры. Краснодарский государственный институт культуры. 2016. С. 136-138.

5. Сафoshин А.В., Долгов К.Д., Царгасова Э.К. Физическая культура и спорт как инструмент политического манипулирования современным обществом // В сборнике: Инновации и традиции в современном физкультурном образовании Сборник трудов Межвузовской научно-практической конференции в 3-х частях. (Электронное издание). 2016. С. 29-32.

6. Свечникова М.В. Понятие политической культуры // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 8 (97). С. 94-97.

7. Смородина О.В., Чурилова Г.А. Графическая культура в современном дизайне общественно-политической литературы // В сборнике: Графический дизайн: история и тенденции современного развития материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 271-277.

8. Соков И.А. История канадской политической культуры (XIX - первая половина XX вв.) // М.-Берлин, 2016.

9. Соков И.А. К вопросу становления канадской политической культуры в XIX веке: соотношение "элитизма" и "эгалитаризма" // Американский ежегодник. 2016. № 2015. С. 356-371.

10. Степанова Д.С. Проблемы формирования политической культуры современной молодежи в России // В сборнике: сборник материалов VIII всероссийской, научно-практической конференции молодых ученых с международным участием

"Россия молодая" Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева; Ответственный редактор О.В. Тайлаков. 2016. С. 751.

11. Шешукова Г.В., Телякаева А.Ф. Роль государства и гражданского общества в формировании толерантной политической культуры и преодолении этнического и религиозного экстремизма // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2016. № 28. С. 28-34.

#### **Formation of the national political culture of the individual Eroshenko V.I.**

SFedU

We have already touched on the concept of self-awareness earlier. Now we will consider the mechanism of formation and implementation of the main structural links of national self-awareness and the means of its administrative influence on the development of national consciousness: from the universe through morality to ideology and further through politics to the way of human life. In this context, the professor's suggestions are very relevant. Kozakov to analyze and reflect the consistent mechanism of its formation.

The problem of self-awareness has been of interest to mankind since ancient times. Socrates already formulated it as a philosophical credo, a cognitive imperative - "Know thyself!" Such knowledge was for him not only a means of satisfying human curiosity, but above all the basis for solving the question of the moral imperatives of human activity. For example, the category of "duty" was studied even in ancient days, it appears as the basis of moral consciousness throughout the entire history of mankind, and today the interpretation of its content in the context of the practical and spiritual experience accumulated by mankind remains one of the central worldview problems.

Key words: duty, human activity, ideological problems, civic obligations, moral consciousness.

#### **References**

1. Averyasova A.V. Political culture of students. The experience of sociological analysis // In the collection: the potential of the Russian economy and innovative ways of its implementation, materials of the international scientific-practical conference of students and graduate students. Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk branch. 2016.S. 13-16.
2. Bim MM, Gorschechnikova EA, Kashelkina OA, Kokina VM, Potapova NM, Saratovskaya LB, Fedorova AV, Shubina Yu.V. English language and political culture // Textbook / Edited by N.M. Potapova, L.B Saratovskaya, Yu.V. Shubina. Moscow, 2016.
3. Geozalyan L.S. The importance of forming the political culture of Russian youth in modern conditions // In the collection: Youth and science: reality and the future materials of the IX International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes. Physical and mathematical sciences, Chemical sciences, Engineering sciences, Agricultural sciences, Historical sciences, Philosophical sciences, Philological sciences, Pedagogical sciences, Psychological sciences, Sociological sciences, Political sciences. 2016.S. 391-393.
4. Matsievsky G.O. The value-semantic space of the political culture of the modern Russian Cossacks: to the formulation of the problem // In the collection: Kaigorodov readings. Culture, science, education in the information space of the region collection of materials of the XVI All-Russian scientific-practical conference: to the 50th anniversary of the Krasnodar State Institute of Culture. Krasnodar State Institute of Culture. 2016.S. 136-138.
5. Safoshin A.V., Dolgov K.D., Tsargasova E.K. Physical culture and sport as a tool of political manipulation of modern society // In the collection: Innovations and traditions in modern physical education. Proceedings of the Interuniversity scientific-practical conference in 3 parts. (Electronic edition). 2016.S. 29-32.
6. Svechnikova M.V. The concept of political culture // New science: Problems and prospects. 2016. No. 8 (97). S. 94-97.
7. Smorodina O.V., Churilova G.A. Graphic culture in modern design of socio-political literature // In the collection: Graphic design: history and trends of modern development materials of the International scientific and practical conference. 2016.S. 271-277.
8. Sokov I.A. History of Canadian political culture (XIX - first half of XX centuries) // M.-Berlin, 2016.
9. Sokov I.A. On the issue of the formation of Canadian political culture in the 19th century: the relationship between "elitism" and "egalitarianism" // American Yearbook. 2016. No. 2015.S. 356-371.
10. Stepanova D.S. Problems of the formation of political culture of modern youth in Russia // In the collection: collection of materials of the VIII All-Russian, scientific-practical conference of young scientists with international participation "Young Russia" Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; Executive editor O.V. Taylakov. 2016.S. 751.
11. Sheshukova G.V., Telyakaeva A.F. The role of the state and civil society in the formation of a tolerant political culture and overcoming ethnic and religious extremism // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2016. No. 28. S. 28-34.

# УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

**Гаврилов Олег Михайлович**

аспирант, кафедра политологии, Дальневосточный федеральный университет, gavrilloff\_om@list.ru

Основной проблемой демократизации политической жизни является формирование политической культуры граждан, ведь жизнь современного общества в значительной мере определяется достигнутым уровнем политической культуры, ее взаимодействия с другими политическими феноменами, с глобальным миром.

Именно от сознательного выбора и активности большинства граждан зависит учет в государственной политике интересов различных групп населения, компетентность и ответственность правящей элиты. Политическая культура охватывает всю совокупность отношений, которые складываются между участниками политического процесса современного общества и является тем фактором, который непосредственно влияет на его демократическое развитие.

Во время воспитания личности имеет место постоянное влияние глобальной информационной среды.

**Ключевые слова:** активность, выбор, политическая культура, демократическое развитие, личность.

Большинство стран с переходными обществами, к которым относится и Россия, стараются заимствовать и распространять именно те ценности, которые в перспективе способны ускорить движение страны к зажиточной жизни. Политическая культура лучше всего устанавливается в тех государствах, в которых есть демократические исторические традиции. Историческое наследие является деятельным фактором формирования политической культуры, но направленность подобного влияния (ускорение/торможение) зависит от национальных обычаев. Это установленное состояние, который формируется на протяжении десятилетий и даже веков, а не создается за несколько лет. На это обращает внимание Б. Цимбалистый, который подчеркивает, что «политическая культура – это продукт исторического развития и опыта народа. В случае России этот опыт был горьким... Для того, чтобы понять политическую культуру, надо обратить внимание на источники воздействия, которые в течение исторического пути стимулировали или останавливали развитие политической культуры».

Не менее проблематичен феномен, чем политическая культура, есть и глобализация. В последнее время она все больше влияет на политическую культуру самостоятельных личностей и целых наций. Потому что рубеже между странами и их гражданами быстро нивелируются развитием информационных технологий, средств связи, другим, это предопределяет все сильнее взаимопроникновения культур, появление в мире четких стереотипов поведения, символов, ценностей, ориентаций, в том числе политических. Языком Бодрийера происходит «тиражирование», заимствование целых комплексов коммуникации, поведенческих директив, словесных сигналов. Создается так называемая «целевая культура», основанная на определенных примерах, признанных лучшими на этой ступени развития человеческой цивилизации. Подобная культура закреплена на уровне конвенции и содержится в обществе на началах авторитета. Степень заимствования отдельными национальными культурами напрямую зависит от степени прозрачности государственных границ, вовлеченности этой страны в систему всемирных культурно-образовательных обменов и их мощности, общей мобильности людей [7, с. 212]. Как определяется в словаре-справочнике: «Глобализация – явление и процесс усиления взаимосвязи и взаимозависимости стран мира. Проявляется в стремлении ряда стран мира к политической и экономи-

ческой интеграции для решения проблем, которые приобретают глобальный характер и требуют мировых усилий. Среди них: обеспечение стратегии устойчивого развития, ресурсосбережения, становление информационного общества, предотвращение стихийных бедствий, освоение космического пространства и мирового океана, создание коллективных систем безопасности, борьба с терроризмом и массовыми и угрожающими болезнями, решение демографических проблем и др.” [9, с. 663].

Главным делом общественных объединений является обеспечение возможностей гражданам проявления инициативы (чувство политической дееспособности), способности к пониманию политических вопросов на общественную пользу. Большое значение здесь имеет приобретению гражданами политической культуры, что возможно при условии укоренения в обществе демократических традиций, в том числе готовности власти действовать демократично и открыто, ее настроенности на публичное обсуждение и компромисс.

В демократических западноевропейских государствах наиболее распространенными являются такие формы сотрудничества общественности и власти: информирование общественности, консультации с общественностью, общественные совещательные комитеты, круглые столы, опросы общественного мнения, фокус-группы, социальный мониторинг, общественные слушания, общественная просвещение, организация общины, создания общественных коалиций и др [2, с. 17].

Из них чаще всего применяется опрос, который является относительно пассивной формой изучения пожеланий граждан через анкетирование. Как правило, такую форму используют при необходимости выяснить качество предоставляемых государственными (бюджетными) учреждениями услуг или с целью изучения целесообразности принятия определенного управленческого решения. Инициаторами опроса становятся преимущественно местные органы власти и другие организации, занимающиеся решением данного вопроса [4, с. 173].

Общественные слушания являются ключевым инструментом обсуждения решений, принимаемых местной властью. Инициировать общественные слушания могут и органы местной власти, и представители общины. Все стороны, участвующие в них, имеют возможность обмениваться информацией и тем самым повысить свою осведомленность. Совместное участие представителей общественности и власти создает атмосферу ответственности и легитимности решений власти, усиливает социально-политическую состоятельность общественности.

Совещательные комитеты – это группы волонтеров из представителей общины, которые работают на постоянной основе в режиме проведения заседаний и помогают выяснять интересы общины в тех вопросах, решением которых занимается данная организация или орган местной власти. Совещательные комитеты-это одна из самых ак-

тивных форм участия общины, которая одновременно нуждается от участников-представителей общины незаурядной самоотверженности общественному делу. Такой орган включает несколько ограниченный круг граждан, способных полно и адекватно отразить мнение общества. Совещательные комитеты являются чрезвычайно эффективными в сочетании с формой опроса общественного мнения. Они выполняют миссию своеобразного пилота в решении актуальных проблем общества. Создание совещательных комитетов иницируется, как правило, местными органами власти, органами местного самоуправления или профильными негосударственными организациями [6, с. 163].

В 1958 году большинство французов проголосовали за новую конституцию, и 13 мая 1958 года генерал Ш. де Голль был избран президентом Франции. Политик-генерал для усиления своей власти довольно часто пользовался формой прямой демократии – референдумом. А в 1969 году он вынужден был уйти в отставку после общенационального референдума, когда 52,4% французов сказали “нет” предложенной президентом административной реформы и проекта реорганизации сената.

В целом, анализ Конституции дает основания сделать вывод, что граждане России имеют достаточно широкие права и возможности в различных формах участвовать в процессе принятия решений государственными органами. Но в реальной жизни картина несколько иная. Информационно-аналитические материалы проведенного Центром исследований Разумкова в 2017 году, показывают, что отношение граждан к институтам, призванным представлять их интересы в общественно-политических процессах, является в основном негативным. Граждане признают в качестве такого представителя политические партии (21,1%) и общественные организации (18,6%). Но уровень доверия к политическим партиям (33,1%) и оценки их деятельности является очень низким.

Лишь треть граждан (33%) считают, что их личное участие есть необходимой для того, чтобы изменить ситуацию в стране к лучшему. Несмотря на понимание относительным большинством респондентов того, что для достижения общих целей граждане должны объединяться в общественные организации, практическую готовность к этому выражают значительно меньше респондентов (31%), а практическое участие в мероприятиях таких организаций за последний год принимал лишь каждый девятый.

Гражданское общество – это общество равноправных граждан с высоким уровнем экономической, социальной, политической культуры и нравственных свойств, которое совместно с государством образует развитые правовые отношения [2, с. 26]. Указанная дефиниция требует широкого толкования. Поэтому ученые выделяют широкий перечень факторов, которые позиционирует гражданское общество. Обобщенно к ним можно отнести следующие:

– функционирования системы власти и управления на основе строгого соблюдения принципов разделения властей, их взаимодействия и взаимоконтроля, на основе сочетания широко развитой полноправной системы представительных органов, избираемых дееспособным населением, ему подотчетны и выражают его волю и органов государственного управления, что образуются представительными органами в пределах, определенных законом;

– неукоснительное соблюдение принципов построения демократического государства: обеспечение права граждан страны участвовать в формировании государственных институтов (прежде всего представительных) через осуществляемые периодически в сроки, определенные Конституцией, всеобщие выборы, плебисциты, референдумы (без каких-либо ограничений по имущественным, национальным, религиозным и другими дискриминационными мотивами), на основе равного и прямого избирательного права при тайном голосовании;

– широкое обеспечение юридическими гарантиями правового статуса граждан, их личной и имущественной гражданской неприкосновенности, политических и юридических прав, определенных Конституцией и другими законами РФ, их человеческого достоинства [3, с.88].

Отметим, что указанный перечень признаков гражданского общества является неисчерпаем, и одной из прерогативных признаков и важнейшей предпосылкой является существование зрелой, уполномоченной, компетентной и активной личности. Отдельный член общества не является «пешкой» в политической и правовой жизни, он даже индивидуально в правовом государстве наделен широким перечнем форм политико-правовой активности, способен настаивать на защите своих прав и свобод, является право сознательным и наделен другими право почтенными качествами. Задачей современного государства является выработка такой правовой политики, чтобы не только обеспечивала различные формы участия граждан в управлении, как то выборы, референдумы и тому подобное, но и формирование такого гражданина, который бы смог и имел желание участвовать в управлении.

Нивелировать влияние государства на общество означает сужать научную проблематику. В тоталитарном или авторитарном государстве развиваться полноценное, эффективно функционирующее гражданское общество не может. Учитывая возможность силового воздействия на общество возможна деформация института участия граждан в управлении государственной власти. Эта деформация приобретает таких форм:

1) отсутствие политического участия;

2) формальное участие, при которой органы государственной власти «прикрываются» ответственностью для реализации собственных целей и интересов.

В противовес государственная власть через формы своей деятельности, как правотворчество,

правоприменение, правоохранительную деятельность, может «воспитывать» гражданское общество.

Гражданское общество, как уже отмечалось позиционируется с правовым, демократическим государством, поэтому следует согласиться с ученым, когда ученый утверждает, что гражданское общество является базисом государства, иницирует в ней необходимые изменения” [4,с.79-80]. Правовой, социальной и демократической государство может считаться лишь тогда, когда она взаимодействует, сотрудничает с гражданским обществом, отражает в целях и направлениях общественного развития реальные потребности и интересы данного общества, его народа, его традиции и культуру [5, с. 5]. Понятным является тот фактор, что человек с высоким уровнем правового и политического сознания склонен требовать должного уровня эффективности и легальности государственной власти. В целом общество с надлежащим уровнем правовой культуры и политико-правовой активности формирует государственные органы по правовым принципам. Участие таких членов общества в государственно-властной деятельности и в функционировании органов местного самоуправления повышают уровень демократичности и социальной справедливости в государстве.

Автор доказывает, что поскольку государство – это всеобщее, можно сказать, Глобальное образование в пределах определенной территории, то соответственно ему свойственно учитывать в основном интересы и проблемы крупных социальных групп, которые могут оказывать влияние на ее политику. Поэтому интересы личности в такой ситуации становятся прерогативой гражданского общества, которое и обязано сосредоточить внимание государства на решении общих вопросов через индивидуальные, поставить взаимоотношения субъектов (личность – общество – государство) на один уровень и четко осознать, что и общество, и государство созданы и функционируют для нее, ведь не государство строит гражданское общество, а оно создается самими гражданами. Гражданское общество не вводится законом, оно возникает, формируется в общественной истории путем суверенизации жизни личностей и обществ. Государство же определенным образом регламентирует деятельность институтов гражданского общества, поддерживая их развитие, либо тормозя его [6, с.46].

Подытоживая, укажем, что сочетание гражданского общества и правового государства обуславливаются реализацией принципа участия граждан в управлении государственным делами. Исследуемый принцип является средством стимулирования и развития демократичности государства, выступает возможностью контроля за государственной властью; формирует реальное распределение власти за ветвями; является фактором реализации принципа «сдерживания и противовесов», устраняет возможность тоталитаризма в государстве. Нарушение баланса между государ-

ством и гражданским обществом приводит обычно к кризису этих институтов, и нивелирует фактор участия граждан в управлении государственными делами.

### Литература

1. Давронова Д.С. Воспитание идейно-политической культуры молодежи в семье на основе национальных ценностей // Педагогическое образование и наука. 2016. № 3. С. 157-160.

2. Даракчян Г.О. Новейшие тренды политической культуры в современной политологии // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 9. С. 16-18.

3. Звягина Д.А. Ритуализация повседневной жизни как механизм осуществления политической власти в незападных культурах // В книге: Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследований 2016. С. 55.

4. Зимин В.А. "Образ будущего" в политической культуре современной России // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 9. С. 172-175.

5. Ковальска-Стус Х. Политическая культура польских журнальных статей о России (в оценке русских специалистов) // В книге: Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира Главные редакторы: Т.А. Сеньюшкина, А.В.Баранов. 2016. С. 109-112.

6. Корнильцева Е.Г., Кузнецов А.Ю. Политическая культура как основа демократии // В сборнике: Инновации в современном мире: цели, приоритеты, решения Материалы Международного научно-практического форума. 2016. С. 162-166.

7. Соколовский К.Г. Вопросы сохранения межконфессиональной толерантности: ислам и православие в политической культуре республики Казахстан // В сборнике: Наука и общество: проблемы современных исследований Сборник статей в 2 частях. 2016. С. 211-214.

8. Толхадова М.А.З. Толерантность основа политической культуры общества // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 235-236.

9. Халилова-Чуваева Ю.А. Креативность современных политтехнологий: культура и стиль в политической имиджологии // Молодий вчений. 2016. № 4 (31). С. 662-666.

10.Хорошкевич Н.Г. История изучения политической культуры на этапе становления русской социологии // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 8. С. 153-159.

### Participation of citizens in the process of creating a state and implementing state policy as a component of the political culture of an individual

Gavrilov O .M.

Far Eastern Federal University

The main problem of democratizing political life is the formation of the political culture of citizens, because the life of modern society is largely determined by the achieved level of political culture, its interaction with other political phenomena, with the global world.

Taking into account the interests of various groups of the population, the competence and responsibility of the ruling elite, depends on the conscious choice and activity of the majority of citizens. Political culture encompasses the entire set of relations that develop between the participants in the political process of modern society and is the factor that directly affects its democratic development.

During the upbringing of the personality, there is a constant influence of the global information environment.

Key words: activity, choice, political culture, democratic development, personality.

### References

1. Davronova D.S. Raising the ideological and political culture of youth in the family on the basis of national values // Pedagogical education and science. 2016. No. 3. S. 157-160.

2. Darakchyan G.O. The latest trends in political culture in modern political science // Society: politics, economics, law. 2016.No. 9.P. 16-18.

3. Zvyagina D.A. Ritualization of everyday life as a mechanism for exercising political power in non-Western cultures // In the book: Power and Violence in Non-Western Societies: Current Issues of Research 2016, p. 55.

4. Zimin V.A. "Image of the future" in the political culture of modern Russia // Successes of modern science and education. 2016.Vol. 2.No. 9.P. 172-175.

5. Kowalska-Stus H. Political culture of Polish magazine articles about Russia (assessed by Russian experts) // In the book: political space and social time: identity and everyday life in the structure of the life world Editors-in-chief: T.A. Senyushkina, A.V. Baranov. 2016.S. 109-112.

6. Korniltseva E.G., Kuznetsov A.Yu. Political culture as the basis of democracy // In the collection: Innovations in the modern world: goals, priorities, solutions Materials of the International Scientific and Practical Forum. 2016.S. 162-166.

7. Sokolovsky K.G. Questions of preserving interfaith tolerance: Islam and Orthodoxy in the political culture of the Republic of Kazakhstan // In the collection: Science and society: problems of modern research Collection of articles in 2 parts. 2016.S. 211-214.

8. Tolkhadova M.A.Z. Tolerance is the basis of the political culture of society // Eurasian scientific journal. 2016. No. 5. S. 235-236.

9. Khalilova-Chuvaeva Yu.A. Creativity of modern political technologies: culture and style in political imageology // Molodiy Vcheniy. 2016. No. 4 (31). S. 662-666.

10. Khoroshkevich N.G. History of the study of political culture at the stage of formation of Russian sociology // Successes of modern science. 2016.Vol. 3.No. 8, pp. 153-159.

# МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

**Егоров Владимир Георгиевич**

д.и.н., д.э.н., профессор, кафедра политологии, РЭУ им. Г.В. Плеханова, korrka@yandex.ru

В условиях глобализационных изменений, актуальными являются поиски модели эффективного функционирования социально-экономической системы на государственном уровне, принципов и методов управления ею (в частности, относительно экономических, финансовых, социальных, организационных аспектов деятельности). Важной формой реализации указанных аспектов развития является стратегическое управление на государственном уровне. Необходимость стратегического управления на государственном уровне следует из необходимости обеспечения реализации государственной политики, направленной на эффективное использование природных, трудовых, материальных, информационных ресурсов, гарантирования прав и свобод человека. Сегодня Российскому государству необходимо сформировать такую стратегию развития, которая бы позволила поддерживать устойчивые конкурентные преимущества в долгосрочном периоде.

Начало XXI века в России отмечилось ростом внимания к проблеме стратегического управления, ведь от эффективного стратегического управления будет зависеть его будущее развитие, прибыльность, возможность конкурировать с другими предприятиями в отрасли.

**Ключевые слова:** внимание, проблема, преимущества, долгосрочный период, рост.

В России стратегическое управление развития государства определяется законодательно и является общенациональным ориентиром для разработки соответствующих стратегий развития ее территорий.

Однако сегодня, к сожалению, еще не все регионы осознают необходимость и важное значение стратегического планирования. Основу нормативно-правового обеспечения стратегического планирования социально-экономического развития региона составляют

На протяжении последних нескольких десятилетий сущность и методологическая нагрузка понятия стратегического управления подвергалось определенному теоретическому корректировке, довольно часто его понимание было диаметрально противоположным тому, которое укладывалось у него традиционно.

В соответствии с этим проанализируем отдельные исследовательские подходы к пониманию сущности стратегического управления, чтобы в таком ракурсе раскрыть его теоретико-практическую ценность и выяснить методологическое противоречие по определению его содержания.

Предвидеть, прогнозировать, программировать, планировать всегда трудно: переменные жизненные обстоятельства, потребности людей; а решение одних общественных проблем побуждает возникновение других. Однако ни одному человеку, ни одному обществу не удастся нормально жить, не заглядывая в будущее и не готовясь к его созданию.

И здесь помогает знание определенных тенденций и закономерностей общественного развития, движения, логики тех или иных процессов, типичных явлений и их последствий, опыта прошлых поколений, взаимозависимостей между поведением, действиями и их результатами [12, с. 138].

В данном контексте вполне можно считать, что XXI вв. постепенно ставит государственного стратегического управления повышенные жесткие требования, к которым нужно готовиться, поскольку, как отмечает В. Гошовская, развитие любого государства детерминируется изменениями ее функциональной структуры [10, с. 95].

Субъектом стратегического управления выступает органическая структурно-функциональная составляющая социальной системы управления, в широком смысле - государство. Фактически госу-

дарственное стратегическое управление, акцентирует В. Голубь, выражается как деятельность ОГВ и должностных лиц, подчиненных политическому руководству, с более ограниченными делегированными полномочиями по принятию решений, использование общественных ресурсов и отвлеченных от непосредственного использования силовых и информационных структур государства.

В условиях последовательного перехода к более развитых социально ориентированных форм рыночной экономики интенсивного типа возникают радикальные изменения в подходах к выбору стратегий управления и плановой деятельности.

По условиям распространения глобализационных процессов современные управленцы используют методы стратегического управления, которые ориентированы на долгосрочный срок пребывания страны на международной арене, постоянно повышая эффективность хозяйствования и более полно задействуя имеющийся потенциал.

Процесс совершенствования стратегического управления требует: переосмысление самого процесса управления изменениями в условиях рыночной экономики и негармоничных демократических традиций; разработка последовательной и четкой нормативно-правовой регламентации; внедрение современных процедур и технологий, применяемых в ведущих странах.

Следовательно, учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным разработать модель оценки уровня социально-экономического развития, основанная на группах показателей, характеризующих ее текущее состояние и стратегической.

Основная задача заключается в расчете интегральных показателей социально-экономического развития страны, которые также можно использовать на уровне других стран, социально-экономических систем, экономических районов.

Итак, современное стратегическое управление невозможно представить без действенного проведения структурно-функционального анализа [8, с. 92]. Структурно-функциональный анализ помогает в подготовке комплексного плана развития страны, ведь с экономической точки зрения, структурно-функциональный анализ – это принцип системного исследования социально-экономических явлений и процессов в экономике, при котором целостная экономическая система, то есть стратегическое управление, подразделяется на определенные структурные элементы (планирование, организация, координация, мотивация и контроль), каждый из которых выполняет отдельную функцию, а обеспечение целей происходит за счет высокого профессионализма руководства, тесной взаимосвязи с учетом внешней среды и взвешиванием на уровень неопределенности окружения [14, с. 240].

Большинство ученых считает, что структурно-функциональный анализ наиболее целесообразно применять к социальным системам. Однако, человеческий фактор в стратегическом управлении, по нашему мнению, играет не менее важную роль, именно поэтому считаем, что применение этого

вида анализа в стратегическом управлении является необходимым [4, с. 118].

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что успех в любой деятельности в основном определяется правильно выбранной стратегией на государственном уровне.

Процесс разработки и реализации стратегии государства предусматривает необходимость разработки и внедрения интегрированной системы стратегического управления, основой которой должно выступать управление стратегическим потенциалом [3, с. 20].

Структурно-функциональный анализ дает возможность оценить состояние и поведение процесса в будущем, что позволит принять наиболее рациональные перспективные решения для обеспечения устойчивой высокоэффективной деятельности. Он должен развиваться и совершенствоваться в соответствии с развитием и совершенствованием стратегического управления [13, с. 102].

Сейчас, в сегодняшних условиях функционирования, характеризуется высоким уровнем неопределенности и появлением новых видов рисков достижения стратегических целей и планов становится почти невозможным без создания эффективного стратегического управления. Разрабатывая стратегию развития государства, следует учитывать и то, что процессы глобализации мирового хозяйства

Итак, как было упомянуто выше, на основе анализа выше приведенных стратегий можно прийти к выводу, что к 2020 году наблюдается рост всех показателей социально-экономического развития данных областей. Однако, согласно проведенного прогнозирования основных показателей социально-экономического развития можно сделать вывод, что не все показатели к 2020 году возрастут.

В частности, негативная динамика будет присутствовать численности населения, количества малых предприятий.

Кроме указанного, для улучшения действенности стратегического управления необходимо [11, с. 70]:

- усиление обоснованности стратегических планов на этапе планирования;
- учет особенностей социально-экономического развития отдельных регионов и государства в целом;
- разработка комплексной программы по формированию будущего стратегического развития государства с применением структурно-функционального анализа;
- привлечение высококвалифицированных работников к структурно-функциональному анализу со всесторонней и своевременной поддержкой принятия стратегических управленческих решений;
- повышение образовательного уровня управленцев, причастных к принятию будущих управленческих решений, координации деятельности и избранию стратегии развития.

Теоретический анализ современного состояния функционирования механизмов стратегического

управления в сервисно-ориентированном государстве.

1. Выявлено, что действующее законодательство, при наличии многообразия и неструктурированности, нуждается в систематизации и упорядочении, существенных корректировок и согласований по формированию стратегий, стратегических планов как на федеральном уровне, так и на уровне развития территориальных общин. Выработки действенной государственной политики в обществе практически невозможно без стратегического управления. Актуальность стратегического управления объясняется его рациональностью и глобальной мировой интеграцией [9, с. 136].

2. Осуществлен мониторинг организационно-правового механизма стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве и выяснено, что организационно-правовой механизм стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве объединяет группу инструментов прямого воздействия на общественные отношения, в который входят нормативные, контрольные, разрешительные и планировочная пространственные инструменты.

Основным преимуществом применения таких инструментов является непосредственное и целенаправленное воздействие на субъекта механизма отношений, его состояние или деятельность [7, с. 152].

Выяснено, что выбор такого механизма заключается в точном учете отраслевых особенностей, содержания и состава решаемых социально-экономических задач, что позволяет объективно установить связи между результатами деятельности и характеристиками каждого отдельного элемента сред субъекта [5, с. 8].

Такая субъективация обуславливает ориентацию на определенный общественный уровень целое рациональных субъектов, а в идеале реализации «сервисной» модели государства – ценностно рациональных. Эффективное стратегическое управление в сервисно-ориентированном государстве предусматривает применение действенных механизмов контроля, проведение которых улучшает обратную связь между установлением стратегических целей и достигнутыми результатами.

3. Проанализировано современное состояние и дальнейшие перспективы развития структурно-функционального анализа стратегического управления. Эффективность функционирования, конкурентоспособность на мировом рынке напрямую зависит от стратегического управления, а структурно-функциональный анализ является важной составляющей управления, поскольку помогает в принятии стратегических решений, которые помогают в постановке стратегических целей и решении целого ряда задач, является неотъемлемой частью планирования и организации управления [1, с. 75].

Структурно-функциональный анализ дает возможность оценить состояние и поведение процесса в будущем, что позволит принять наиболее рациональные перспективные решения для обеспе-

чения устойчивой высокоэффективной деятельности.

## Литература

1. Анисимов М.Ю. Дело о строительстве российской крепости Святой Елизаветы в международной политике середины XVIII в // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 71-80.

2. Васильева З.С., Зорин А.Л., Касаткина А.К., Кочухова Е.С., Хандожко Р.И. Международная конференция "локальные политики большой науки: человек и социальные порядки производства знания в позднем СССР" // Шаги-Steps. 2016.

3. Виноградова Е.В. Экономические санкции как инструмент международной политики // Экономические и социальные проблемы России. 2016. № 2. С. 9-23.

4. Грушин Ф.В. Влияние правоприменительной практики международных организаций на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства // Юридическая мысль. 2016. № 2 (94). С. 115-119.

5. Дружиловская Т.Ю. Нормативное регулирование учетной политики коммерческих и некоммерческих организаций в системах российских и международных стандартов // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2016. № 24 (408). С. 2-10.

6. Каштанова О.С. Польский вопрос в международной политике 1830-х -начала 1860-х гг // В книге: Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-е -50-е годы XIX в Каштанова О.С., Макарова Г.В., Марней Л.П., Носов Б.В., Фалькович С.М. Москва, 2016. С. 383-460.

7. Киреев В. Транснациональные террористические сети как инструмент международной политики // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10 (292). С. 150-155.

8. Музыка А.С. Влияние международной миграции населения на фискальную политику стран Евросоюза // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 91-94.

9. Передистая А.А., Кузнецова Н.В. Формирование учетной политики в условиях перехода к международным стандартам финансовой отчетности // В сборнике: внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы сборник статей международной научно-практической конференции. 2016. С. 135-138.

10. Плаксина И.А. Международная конкурентоспособность российской системы высшего образования: особенности государственной политики // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2016. № 2-2. С. 92-98.

11. Понаморенко В.Е. Организационно-правовые основы макропруденциальной политики на международном и национальном уровнях // Международное право. 2016. № 3. С. 54-71.

12. Родионова М.Е. Международное позиционирование российского вуза: особенности коммуни-

кационной политики // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 1. С. 135-140.

13. Сивохина Ю.С. Международное правосудие в реалиях международной политики // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 11-4. С. 101-104.

14. Случевский А.А., Зорабян С.Э. Проблема взаимосвязи деятельности международной федерации футбола (ФИФА) с событиями в мировой политике // В сборнике: Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультуральном пространстве современного общества. Материалы V международной научной конференции молодых ученых, аспирантов, студентов, магистрантов. Ответственные научные редакторы: Л.В. Тарасенко, В.П. Свечкарёв, Н.Х. Гафиятулина. 2016. С. 239-242.

#### **Models of effective functioning of the socio-economic system at the state level**

**Egorov V.G.**

PRUE G.V. Plekhanov

In the context of globalization changes, the search for a model of effective functioning of the socio-economic system at the state level, the principles and methods of managing it (in particular, regarding the economic, financial, social, organizational aspects of activity) are relevant. An important form of implementation of these aspects of development is strategic management at the state level. The need for strategic management at the state level follows from the need to ensure the implementation of state policy aimed at the effective use of natural, labor, material, information resources, guaranteeing human rights and freedoms. Today, the Russian state needs to formulate a development strategy that would allow maintaining sustainable competitive advantages in the long term.

The beginning of the 21st century in Russia was marked by an increase in attention to the problem of strategic management, because its future development, profitability, and the ability to compete with other enterprises in the industry will depend on effective strategic management.

Key words: attention, problem, benefits, long-term period, growth.

#### **References**

1. Anisimov M.Yu. The case of the construction of the Russian fortress of St. Elizabeth in international politics of the mid-18th century // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2016. No. 5. S. 71-80.
2. Vasilyeva Z.S., Zorin A.L., Kasatkina A.K., Kochukhova E.S., Khandozhko R.I. International Conference "Local Politics of Big Science: Man and Social Orders of Knowledge Production in the Late USSR" // Steps-Steps. 2016.
3. Vinogradova E.V. Economic sanctions as an instrument of international politics // Economic and social problems of Russia. 2016. No. 2. S. 9-23.
4. Grushin F.V. Influence of law enforcement practice of international organizations on the formation of criminal executive policy and legislation // Legal thought. 2016. No. 2 (94). S. 115-119.
5. Druzhilovskaya T.Yu. Normative regulation of the accounting policy of commercial and non-commercial organizations in the systems of Russian and international standards // Accounting in budgetary and non-commercial organizations. 2016. No. 24 (408). S. 2-10.
6. Kashtanova O.S. The Polish question in international politics of the 1830s - early 1860s // In the book: Between two uprisings. Kingdom of Poland and Russia in the 30s-50s of the XIX century Kashtanova O.S., Makarova G.V., Marnei L.P., Nosov B.V., Falkovich S.M. Moscow, 2016. S. 383-460.
7. Kireev V. Transnational terrorist networks as an instrument of international politics // Russia and the Muslim world. 2016. No. 10 (292). S. 150-155.
8. Music by A.S. The influence of international migration of the population on the fiscal policy of the European Union countries // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2016. No. 2. S. 91-94.
9. Peredistaya A.A., Kuznetsova N.V. Formation of accounting policy in the context of the transition to international financial reporting standards // In the collection: implementation of the results of innovative developments: problems and prospects collection of articles of the international scientific and practical conference. 2016. S. 135-138.
10. Plaksina I.A. International competitiveness of the Russian system of higher education: features of state policy // Science of the XXI century: current directions of development. 2016. No. 2-2. S. 92-98.
11. Ponamorenko V.E. Organizational and legal foundations of macroprudential policy at the international and national levels // International Law. 2016. No. 3. S. 54-71.
12. Rodionova M.E. International positioning of a Russian university: features of communication policy // Communicology. 2016. T. 4. No. 1. P. 135-140.
13. Sivokhina Yu.S. International justice in the realities of international politics // New Science: From Idea to Result. 2016. No. 11-4. S. 101-104.
14. Sluchevsky A.A., Zorabyan S.E. The problem of the relationship between the activities of the International Football Federation (FIFA) and events in world politics // In the collection: Actual problems of modeling, design and forecasting of social and political processes in the multicultural space of modern society Proceedings of the V international scientific conference of young scientists, graduate students, students, undergraduates. Responsible scientific editors: L.V. Tarasenko, V.P. Svechkarev, N.Kh. Gafiatulin. 2016. S. 239-242.

# МОНИТОРИНГ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕ

**Голубева Вероника Викторовна,**  
канд.полит.наук, доцент кафедры политологии, КФУ,  
golubeva\_VV12@gmail.com

Россия находится на этапе поиска собственной модели СОД, которая бы отвечала требованиям времени, мировым темповым социально-экономическим развития и учитывала бы внутреннюю национальную специфику прошлого и настоящего страны. Обновление государственной управленческой деятельности в условиях общемировой тенденции перехода к модели общества сервисного типа предъявляет повышенные требования к оценке организационно-правового механизма стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве.

Стоит заметить, что в международной практике одним из значимых методов такого внедрения является оценка комплексного анализа и идентификации основных преимуществ и возможных «провалов» стратегии развития и отдельных ее частей.

Однако в современной практике стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве оценка организационно-правового механизма пока что не нашла своего полноценного применения. Без внимания отечественных исследователей остается анализ возможностей его использования. Необходимость преодоления существующего разрыва между состоянием научной разработанности этой темы и потребностями очерчиванию возможностей использования в практике.

**Ключевые слова:** специфика, потребности, практика, преодоление, мировые стандарты.

Россия стала на путь самостоятельного развития с целью построения эффективной социально направленной рыночной экономики с уровнем благосостояния населения, что соответствует мировым стандартам. Социальная политика государства воплощается в реализации ее инструментов – социальных программ и мероприятий, которые направляются на реализацию потребностей человека и общества. Эти инструменты должны способствовать обеспечению надлежащего материального и социального положения граждан (социальная защита) и учитывать обязанности государства по удовлетворению социальных потребностей (социальные гарантии) [10, с. 12].

Сервисная логика взята за основу современного реформирования сектора государственного управления многих стран мира, в том числе и России.

Как известно процесс стратегического управления является многоэтапным. А этапы его организационно-правового механизма совпадают с этапами стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве. При этом общим его циклом является планирование и проведение исследования, составление отчетов, отслеживание результатов и др. [7, с. 110].

Учитывая значение стратегического управления, которое сформировалось в процессе длительного эволюционного развития мы понимаем под понятием стратегического управления развитие корпоративного планирования как реакции на усложнение управленческих задач, успешность его применения при решении проблем на различных уровнях управления и сферах деятельности. А ориентированность стратегического управления СОД и требования к предупреждению негативных общественных тенденций позволяют сделать вывод о содержательной тождественности государственного и стратегического управления.

Следовательно, организационно-правовой механизм стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве объединяет группу инструментов прямого воздействия на общественные отношения, в который входят нормативные, контрольные, разрешительные и планировочно-пространственные инструменты. Основным преимуществом применения таких инструментов является непосредственное и целенаправленное воздействие на субъекта механизма отношений, его состояние или деятельность.

Суть выбора такого механизма заключается в точном учете отраслевых особенностей, содержа-

ния и состава решаемых социально-экономических задач, что позволяет объективно установить связи между результатами деятельности и характеристиками каждого отдельного элемента сред субъекта.

При этом в качестве объекта стратегического управления следует выделять процесс предоставления услуг, как элемент функционирования различных сфер СОД, заключающийся в непосредственном взаимодействии организации и потребителя услуг (населения).

Необходимо отметить, что при анализе внешней среды каждой отрасли СОД необходимо исходить из разделения на две составляющие [5, с. 200]:

- среда косвенного воздействия (общее окружение), со стороны которого факторы, формирующие перспективные и текущие условия функционирования, изменение которых в общем случае лежит вне возможностей влияния;

- среда прямого воздействия, включающая элемент, связанный с совокупностью прямой и обратной связи.

Значение такого разделения для построения стратегических механизмов государственного управления определяется тем, что, если влияние факторов среды косвенного воздействия создает объективные ограничения сферы рациональных стратегических управленческих решений, то среда прямого воздействия во многом является объектом управления организациями любой сферы и не только может, но и должно рассматриваться в аспекте трансформации в соответствии с выбранной стратегией и конкретной стратегической целью.

Иными словами, составляющими системы оценки организационно-правового механизма стратегического управления в сервисно-ориентированном государстве должна быть: усиление нормативной базы; внедрение системы структурирования новых социальных программ и проектов; развитие государственно-частного партнерства; применять предварительное инновационно-маркетинговое прогнозирование, планирование, моделирование и макетирование на основе современных концепциях развития, анализе ситуаций и алгоритмов принятия государственных управленческих решений; разработать отечественную систему рисков проектов; ввести критериальный аппарат оценки проектов и программ; – за использование передовых технологий государственного управления (Форсайт в разработке отдельных проектов, пул типовых программ и проектов, единый Интернет-портал о свободных площадках и имеющихся объектов инфраструктур и др) и др [3, с. 412].

Широкое понимание понятия «анализ политики» как сферы профессиональной деятельности – процесс и процедуры выработки рекомендаций органам власти (заказчикам анализа) о лучшие среди возможных варианты действий /без действий, которые решают общественные проблемы, о оценивания, мониторинг результатов и последствий этих действий. Анализ политики должен

быть публичным и базироваться на общественных ценностях.

Стратегическое управление тесно связано с анализом политики. [2, с. 150] Действенность стратегического управления, связь теории и практики анализа политики обеспечивается их прикладным характером и соблюдению научно обоснованных принципов. Бюджет является основой, общей для процедур стратегического управления и анализа политики звеном. В то же время существуют и отличия между стратегическим управлением и анализом политики [1, с. 20].

Стратегическое управление сегодня является предметом отдельного анализа в многих отраслях, в частности, в государственном управлении.

Нынешние традиционные подходы к государственному управлению не соответствуют объективным реалиям современного мира. Поэтому, дальнейшее развитие государственного управления требует новых подходов, среди них особое место в этом процессе занимает стратегическое управление. Сейчас тенденции перспективного развития страны указывают на поиск новых механизмов формирования общественного развития. Такой процесс обычно обуславливается углублением диспропорций в уровнях регионального развития и развития городов, а также отсутствием у государства достаточного ресурсного запаса на то или иное выравнивание показателей жизнеобеспечения территориальных общин. Указанные проблемы были поставлены и в предыдущих периодах развития стран в мире, которые также нуждались в качественных преобразованиях. Важно отметить, что одной из особенностей Второй мировой войны стало то, что много ученых и исследователей начали работать на оборону государства, исследуя новые сферы знаний, что впоследствии способствовало значительным достижениям в области стратегического управления.

В современном мире, инновации находятся в центре любой стратегии, кроме того они могут рассматриваться как стратегия выживания во многих высокотехнологичных секторах.

Стратегия постепенного совершенствования является стремлением к постоянному прогрессу в процессе ежедневной деятельности.

Стратегия обновления отличается значительно меньшими интеллектуальными и организационными затратами, относительно постепенного совершенствования временным ресурсом.

Ход перемен в этом контексте выделяет основную суть стратегического управления и связь субъекта с его окружением. Что в свою очередь, порождает различную трактовку этого процесса.

Формулировка определения «стратегического управления» приобретает различную смысловой трактовки в зависимости от выбранного за основу стратегии типа.

Для эффективного управления организацией и успешной реализации государственной политики в любом секторе и на любом уровне (местном, региональном, национальном, европейском, глобаль-

ном) необходимо применять стратегическое управление.

Главными предпосылками внедрения системы управления с ориентацией на результат есть поддержка со стороны руководства организации; определена миссия и обеспечения непрерывного процесса управления стратегическим планом; базовая способность учреждения к обработке информации. К решающим факторам успеха относятся также наличие активной сплоченной команды сотрудников; достаточные финансовые ресурсы; экспертная поддержка в соответствующей сфере; опыт внешних лидеров по внедрению системы с ориентацией на результаты; демонстрация успеха в улучшении деятельности организации.

Для внедрения управления с ориентацией на результаты, необходимо создать систему организационных стимулов и регуляторов и «вписать» этот подход в организационную культуру. Центральная организация или управляющий подразделение, ответственные за внедрение оценивания с ориентацией на результаты, должны быть активным действенным лидером.

Также важно отметить, что стратегическое управление позволяет прогнозировать проблемы, характерные при переходе от одного этапа к другому, предупреждая гибель организации за выявлением первых проявлений потенциальной организационного кризиса. Как отмечает Л. Льюис, применения стратегического управления генерирует варианты организационного поведения при изменении внешних и внутренних факторов влияния на нее. Оно предлагает управленцам альтернативные стратегии или упрощает их поиск по принятию действенного адекватного управленческого решения для решения проблем, которые провоцируют кризис, из-за переломного момента трансформации организации [2].

Разработка альтернативных видений и действий предупреждения проблемы требует не поверхностного установления определенной стратегии при формировании организации, а полноценного учета угроз возникновения недостатков в деятельности организации.

Большинство исследователей стратегического управления (Р. Кэтрин и А. Гаригана и Г. Саланчик и Дж. Префефер) соглашается, что его использование требует сбалансирования внутреннего развития организации, путем заблаговременной выработки стратегии преодоления будущего кризиса. Кроме того, они отмечают сложности управленческих действий по этому поводу, поскольку каждая стратегия развития организации уникальна.

Исследователь Г. Шепард отмечает, что подготовка целостных стратегий развития потенциала организации предполагает разработку совокупности взаимосвязанных плановых документов, в которых отображены принятии стратегические решения и распределение ресурсов. То есть не существует универсальных приемов решения стратегических задач согласования интересов в кри-

зисных условиях том, что не существует одинакового набора ресурсов даже для подобных управленческих ситуаций.

Продолжительность каждого из этапов развития организации, ее жизнь определяется истощением ресурсов и потерей баланса интересов в распределении ресурсов. Следовательно, стратегическое управление (стратегические действия управленцев) призвано обеспечивать баланс и возобновление ресурсов для предупреждения наступления критического момента. Именно тогда любые антикризисные меры нивелируются скоростью разворачивания организационного кризиса, наступает гибель организации или изменение предыдущей формы становится неподвластным для действий управленцев [6]. Стратегическое управление придает постоянной управляемости развитию организации на каждом этапе ее развития.

Любое развитие организации – это следствие стратегической деятельности ее создателей или управленцев, направленная на избежание краха организации, ее полной гибели.

Развитие организации – это явление политико-инновационной трансформации организации, которое возникает в результате выбора на основе креативной дискуссии и проявления стратегического мышления создателями и/или управленцами заблаговременного пути преодоления организационной патологии, сбалансирования интересов участников организации и распределения ресурсов в процессе ее деятельности

Стратегическое управление в развитии организации при таких условиях предстает как технология, что позволяет производить заблаговременные альтернативные решения управленцев по решению организационной патологии как совокупности противоречий удовлетворения интересов и распределения имеющихся ресурсов. Благодаря стратегическому управлению функционирование организации приобретает свойства постоянного развития (роста уровня развития) на каждом этапе становления организации и предупреждение организационной кризиса с появлением первых симптомов ее возникновения.

Применение стратегического управления имеет универсальный смысл для предупреждения и преодоления организационной патологии любой организации и коммерческой, и государственной, и общественной. Также разноуровневых организационных образований, союзов и государства как совокупности органов власти.

Необходимость преодоления ряда противоречий в развитии государства поднимает вопрос об обеспечении организационного развития в условиях меняющейся общественной среды.

Организационное развитие государственного управления в условиях меняющейся общественной среды – это определенные целенаправленные изменения, вводимые функциональных процессов организации для достижения роста эффективности и результативности их деятельности.

В целом различают три основных подхода к активации организационного развития.

1) первый подход предполагает, что организационное развитие - это естественный процесс качественных изменений в организации, производных от ее возраста;

2) второй – изменение, способствующее росту численности служащих или увеличению размеров организации, и определяется нововведениями в уровне выполнения целей и задач организации;

3) третий – стратегия управленческого консультирования, рассчитанная на изменение социальных отношений, взглядов людей и структуры организации с целью улучшения адаптации организации к общественным требованиям.

Все три подхода укладываются в формат протекания жизненного цикла организации и часто зависит от этапов, через которые проходит организация. Это позволяет управленцам прогнозировать проблемы, характерные при переходе от одного этапа к другому на основе некоторого обобщения организационного развития.

Управление, как повторяющийся процесс, в рамках разработки стратегии предусматривает использование технократических принципов согласования организационных ценностей в рамках управленческой вертикали: формальность, операбельность, гибкость, системность, ориентация на долгосрочную перспективу. Чем выше будут показатели соблюдения технократических принципов, тем уместнее будут учитываться ценности всех субъектов в организационной структуре государственных организаций. Возникает стратегическая культура в деятельности организации, определяется рядом стратегических критериев: управленческая действенность, конструктивность управленческих решений, стратегическая адаптивность управленческих структур и подобные.

Сочетание стратегий, методов, подходов на каждом этапе и реорганизации и развития организации формирует корпоративную культуру путем сочетания ее базовых ценностей, которые возникают в следствие повторяемости процесса управления в деятельности организации. Под такими ценностями, как правило понимают набор стандартов, критериев и норм управленческой деятельности, направляют ее на достижение целей развития и функционирования организации в общественной среде.

Итак, путем незначительной реструктуризации существующей системы и избежания полного пересмотра накопленных разноуровневых целеполагающих документов, было достигнуто новое качество стратегического управления и планирования и бюджетирования в России, их определенного согласования.

Однако это не означает, что все перечисленные проблемные вопросы одновременно было решено. Они остаются, хотя их острота постепенно нивелируется.

## Литература

1. Ахмед Абу Бакр Ф.А. Политика финансовой репрессии: международный опыт // Финансы и кредит. 2016. № 47 (719). С. 15-26.

2. Васильева М.М., Манохин И.В. Сетевые информационные технологии, перспективы использования в международной политике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 10 (749). С. 141-152.

3. Гаврилова Л.В., Афиногентова Н.В. Культурная политика в области индустрии моды в контексте международного сотрудничества // В сборнике: Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. 2016. С. 410-414.

4. Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики // И.М. Кулишер. Москва, Челябинск, 2016. Сер. Выпуск 8 Русский тариф

5. Кутырев Г.И. Международная военная политика стран пиренейского полуострова (Португалия, Испания) в условиях российского кризиса // В сборнике: проблемы европейской безопасности Сборник научных трудов. Сер. "Европа XXI век" РАН. ИНИОН. Отд. европ. безопасности, Отд. Зап. Европы и Америки; Ред. кол.: Пархалина (гл. ред.) и др.. Москва, 2016. С. 192-215.

6. Лесников Г.П., Манохин И.В. Диалектика взаимосвязи и взаимозависимости мировой политики и экономики в современной системе международных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 10 (749). С. 182-198.

7. Рублевский И.Ю. Роль и место международных организаций во внешней политике федеративной республики Бразилия // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. № 15. С. 104-111.

8. Сабиров А.Х. Государственная политика республики Узбекистан по развитию и внедрение международных стандартов корпоративного управления // Электронный научный журнал. 2016. № 11-2 (14). С. 177-181.

9. Тулеуова К.Ш., Шерьязданова К.Г. Внешняя культурная политика и ее роль в международных отношениях // В сборнике: Россия и Европа: связь культуры и экономики Материалы XVI международной научно-практической конференции. Отв. редактор Уварина Н.В.. 2016. С. 273-278.

10. Хейфец Б. Антиофшорная политика международного сообщества: реакция на "Панамские документы" // Общество и экономика. 2016. № 12. С. 5-17.

**Monitoring of the organizational and legal mechanism of political activity in the state**  
**Golubeva V.V.**

Kazan Federal University

Russia is at the stage of searching for its own model of SOD, which would meet the requirements of the time, world pace of socioeconomic development and would take into account the internal

national specifics of the past and present of the country. The renewal of state management activities in the context of the global trend of transition to a model of a service-type society imposes increased requirements on the assessment of the organizational and legal mechanism of strategic management in a service-oriented state.

It should be noted that in international practice one of the most significant methods of such implementation is the assessment of a comprehensive analysis and identification of the main advantages and possible "failures" of the development strategy and its individual parts.

However, in modern practice of strategic management in a service-oriented state, the assessment of the organizational and legal mechanism has not yet found its full-fledged application. The analysis of the possibilities of its use remains without attention of domestic researchers. The need to bridge the existing gap between the state of scientific elaboration of this topic and the need to outline the possibilities of use in practice.

Key words: specificity, needs, practice, overcoming, world standards.

## References

1. Ahmed Abu Bakr F.A. Financial repression policy: international experience // Finance and credit. 2016. No. 47 (719). S. 15-26.
2. Vasilyeva M.M., Manokhin I.V. Network information technologies, prospects of use in international politics // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2016. No. 10 (749). S. 141-152.
3. Gavrilova LV, Afinogentova NV. Cultural policy in the field of the fashion industry in the context of international cooperation // In the collection: Modernization of culture: from cultural policy to the power of culture Materials of the IV International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Edited by S.V. Solovieva, V.I. Ionesova, L.M. Artamonova. 2016.S. 410-414.
4. Kulisher I.M. The main issues of international trade policy // I.M. Kulischer. Moscow, Chelyabinsk, 2016. Ser. Issue 8 Russian tariff
5. Kutyrev G.I. International military policy of the countries of the Iberian Peninsula (Portugal, Spain) in the conditions of the Russian crisis // In the collection: problems of European security Collection of scientific papers. Ser. "Europe XXI century" RAS. INION. Dept. European security, Dept. Zap. Europe and America; Ed. Col. : Parkhalina (chief editor) et al. Moscow, 2016. S. 192-215.
6. Lesnikov G.P., Manokhin I.V. Dialectics of the relationship and interdependence of world politics and economics in the modern system of international relations // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2016. No. 10 (749). S. 182-198.
7. Rublevsky I.Yu. The role and place of international organizations in the foreign policy of the federal republic of Brazil // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. 2016.No. 15.P. 104-111.
8. Sabirov A.Kh. State policy of the Republic of Uzbekistan for the development and implementation of international standards of corporate governance // Electronic scientific journal. 2016. No. 11-2 (14). S. 177-181.
9. Tuleuova K.Sh., Sheryazdanova K.G. Foreign cultural policy and its role in international relations // In the collection: Russia and Europe: the relationship between culture and economy Materials of the XVI international scientific-practical conference. Resp. editor Uvarina N.V. 2016.S. 273-278.
10. Heifetz B. Anti-offshore policy of the international community: reaction to the "Panama Papers" // Society and Economy. 2016. No. 12. S. 5-17.

# ОСЕТИНСКИЙ И АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТЫ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Гарипов Михаил Георгиевич,  
соискатель, ДГУ, Michael\_1994@gmail.ru

В конце 80-х - начале 90-х годов XX века. на территории Северного Кавказа с новой силой и интенсивностью начинает разворачиваться грузинско-абхазский -осетинский конфликт, который впоследствии перерос в открытую российско-грузинскую войну, что привело к оккупации российскими войсками территорий независимого государства. Фактически последние 26 лет мы стали свидетелями безрезультатных поисков и механизмов урегулирования этого северокавказского конфликта.

Его современная история началась в 1989 г. с принятием решения советом народных депутатов Югоосетинской автономной области Грузинской ССР о ее преобразовании в республику с автономным статусом. В сентябре следующего года совет народных депутатов Южноосетинской автономной области провозгласил Южноосетинскую Советскую Демократическую Республику, которая с 1 сентября 1991 г. переименована в Республику Южная Осетия.

**Ключевые слова:** механизм урегулирования, законодательный орган, государство, конфликт, противостояние.

По схожему сценарию развивались события на территории Абхазии, где в августе 1990 г. законодательный орган Абхазии принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазской ССР. Этим решением Абхазия фактически провозглашена суверенным социалистическим государством, имеющим всю полноту власти на своей территории. А уже буквально через два года – 23 июля 1992 г. Верховный Совет Республики возобновил действие Конституции Абхазской Советской Республики 1925

г., согласно которой Абхазия определяется суверенным и независимым государством. Вследствие таких законодательных действий центральная власть Грузинской Советской Социалистической Республики приняла решение в силовой способ восстановить контроль над данными регионами, в связи с чем конфликт из фазы законодательного противостояния перерос в фазу открытого вооруженного противостояния.

Глубже анализируя всю предысторию этого конфликта и возвращаясь к истокам причин его возникновения, стоит отметить: в течение всего XX века наблюдалась чрезвычайно сложная этнополитическая ситуация во взаимоотношениях между абхазами, осетинцами и центральной властью Грузии. С одной стороны, это объяснялось тем, что Тбилиси всегда стремилось иметь полный и полный контроль над проблемными регионами, иногда даже пренебрегая их законными правами [1].

С другой стороны, кроме непростой этнополитической составляющей, существует и другая причина появления такого рода конфликтов – сугубо политическая. Сегодня большое количество исследователей и ученых придерживаются мнения и акцентируют на том, что основную причину появления этнополитических конфликтов на территориях бывших советских республик стоит сводить к целенаправленной политике высшего руководства СССР, которое оказывалось в жесткой миграционной политике и массовом переселении граждан на протяжении всего периода существования СССР. Так, например, по состоянию на конец 90-х годов на территории Абхазии проживало около 20% коренных жителей региона, остальные и основную массу составляли армяне и грузины. Похожей была ситуация на территории Южной Осетии и других проблемных для Москвы регионах.

Вследствие реализации таких действий тогдашнее высшее руководство Советского Союза, с

одной стороны, еще больше усиливало свое влияние и позиции в регионах, полностью завися их от центральной власти, а с другой – подавляло в них любые демократические стремления.

Возвращаясь, собственно, к активной фазе течения событий во время грузино-абхазско-осетинского конфликта, подчеркнем: в течение 1990-1992 гг межэтнические столкновения переросли в открытое вооруженное противостояние; Москва вмешалась в конфликт, выступая на стороне сепаратистских регионов и предоставляя им всестороннюю военную и финансовую поддержку.

Кульминационным моментом такого перехода стало подписание 24 августа 1992 г. в Дагомысе Б. Ельциным и Е. Шеварнадзе, а также представителями Северной и Южной Осетии Соглашения о принципах урегулирования конфликта.

На территории Абхазии боевые действия продолжались дольше и завершились в 1993 г. поражением Тбилиси и подписанием в 1994 г. базового Договора о прекращении огня. Того же года на территории Абхазии были размещены миротворческие силы СНГ, представленные преимущественно российскими военными.

Рассматривая основные положения указанных договоров, отметим, что положительным моментом их подписания стало то, что за их счет удалось прекратить активную фазу боевых действий, стабилизировать ситуацию в зонах конфликта и создать условия для возвращения беженцев. К сожалению, минусом стало то, что по большому счету не было разработано никаких конкретных шагов и механизмов, которые бы способствовали окончательному разрешению конфликта, а не просто остановили активные боевые действия.

Итак, в конце 1994 г. Грузия фактически полностью потеряла контроль над территориями Абхазии и Южной Осетии. Конфликт постепенно начал перерастать в фазу затяжного замороженного противостояния, характеризуясь, с одной стороны, постепенным вхождением этих регионов под полный контроль России, а с другой – их полным игнорированием на международной арене. Скажем, независимость Абхазии и Южной Осетии признала только Россия и еще четыре страны – Венесуэла, Никарагуа, Науру и Вануату.

За последние годы зависимость Абхазии от России только усилилась. Так, Москва гарантирует безопасность самопровозглашенной республики, дотирует бюджет, открывает российский рынок для абхазских товаров. Но постепенно Абхазия инкорпорируется в состав России. На сегодня около 80% жителей этой республики имеют российское гражданство. Абхазский язык постепенно исчезает, на смену ему приходит русский. Высший командный состав армии и органов безопасности формируется за счет российских военных и сотрудников спецслужб. Растет и экономическая зависимость Сухуми от Москвы [4, с. 41]. Такая ситуация "замороженности" продолжалась до августа 2008 г. до начала "пятнадцатидневной" войны между Грузией и Россией. Именно с тех пор, на наш взгляд, конфликт с внутрорегионального уровня превра-

тился на уровень геополитики и геополитического противостояния.

Сейчас существует чрезвычайно большое разнообразие взглядов и мнений по поводу того, почему тогдашнее руководство Грузии, возглавляемое Н. Саакашвили, решило вернуться к силовому сценарию развития событий. Хотя, детально анализируя ситуацию, которая складывалась до августовских событий можно утверждать, что все выглядит не так однозначно. Приведем пример краткой хронологии событий, предшествовавших трагическим событиям 8 августа 2008 г.

Апрель – российский истребитель сбивает в небе Грузии беспилотный самолет грузинского МВД.

Май – Тбилиси посылает на встречу с лидерами сепаратистов официального представителя для прямых переговоров, как избежать военного конфликта. Россия наращивает военное присутствие в мятежных регионах Грузии.

Июнь – Европарламент призывает к изменению российских войск в Южной Осетии и Абхазии, поскольку они «утратили свою роль нейтрального и беспристрастного миротворца».

Июль-российские самолеты снова нарушают воздушное пространство Грузии.

Совет Безопасности ООН и ЕС осуждают этот шаг.

Начало августа – завершаются учения ВМС РФ «Кавказ-2008». Значительная часть кораблей ЧФ готова к боевому выходу. На старте и части постоянной готовности Сухопутных войск, ВДВ и морской пехоты. Железнодорожные войска заканчивают в Абхазии ремонт железнодорожных путей, по которым в сторону Западной Грузии перебрасываются танки, тяжелая техника и снаряжение для примерно 10тысячного группировки. В первых числах месяца российская армада дислоцируется у грузинской границы. Еще к приказу Михаила Саакашвили атаковать Цхинвали, который якобы вызвал миротворческую операцию или, как ее назвали кремлевские стратеги, «принуждение к миру» на территорию Южной Осетии входят 58-я армия и 135-и мотострелковая дивизия. Об этом свидетельствуют не только очевидцы и данные грузинской разведки, но и информация из Минобороны РФ [5].

На следующий день после начала конфликта российские войска вошли в Южную Осетию, используя бронетанковые, мотострелковые и военнопленные силы.

Российские войска продолжили наступление, атакуя на двух направлениях – на юг от Южной Осетии до города Гори и до морских портов. Они бомбили военные аэродромы в Марнеули и Вазисани, что спровоцировало отключение радаров в международном аэропорту в Тбилиси. Эти наступательные действия позволили российским силам приблизиться на короткое расстояние к грузинской столице, что делало невозможным поступление подкрепления извне.

Факт превентивного вторжения не миротворческих даже, а регулярных частей российской армии

на территорию независимой Грузии, а Южная Осетия и Абхазия согласно нормам международного права были и остаются неотъемлемыми частями подтверждает перехваченный телефонный разговор двух южноосетинских военных: «Так, бронетехника и люди уже прибыли» - доложил пограничник, который дежурил у Рокского ущелья, начальнику в штабе по фамилии Гасиев. Случилось это, повторяем, до грузинского обстрела российских позиций в Цхинвали.

Фактически можно предположить, что российское руководство таким образом умышленно пыталось спровоцировать Грузию к активизации. Ведь, кроме указанных выше военных действий, Россия также предприняла ряд политических шагов, которые не только не способствовали деэскалации и разрешению конфликта, но и значительно повышали градус противостояния.

Еще до «пятидневной войны» в августе российское руководство сделало ряд шагов, которые приблизили его к официальному признанию двух отделившихся от Грузии республик: отменило санкции против Абхазии, введенные Советом глав государств СНГ в 1996 г., объявило об установлении прямых отношений России с Абхазией и Южной Осетией. Такие шаги России были продиктованы, во-первых, стремлением не допустить втягивания Абхазии и Южной Осетии в процесс возможного вступления Грузии в НАТО; во-вторых, попыткой дать ответ на активизацию дипломатии Евросоюза и США в абхазском конфликте, направленную на изменение формата урегулирования и в конечном итоге – на вывод российских миротворцев и замену их международным контингентом. Усиление опеки России над непризнанными республиками вырисовывали черты «тайваньского варианта», согласно которому отношения между Российской Федерацией и непризнанными республиками будут строиться по модели, которая существует между США и Тайванем [6, с. 160].

Как бы парадоксально это не звучало, во внутренней и внешней политике Россия за принцип взяла на вооружение высказывание одного из отцов-основателей США Томаса Джефферсона, которое звучит следующим образом: «для выгодного духа коммерции не существует ни родины, ни чувств, ни принципов – одна нажива».

Все это подтверждает, что Россия не заинтересована в решении северо-кавказского конфликта. Кремль сознательно шел на конфронтацию в отношениях с Грузией, пытаясь использовать методы и действовать по схожему сценарию, который отработывало кремлевское руководство во время конфликта в Приднестровье.

Совокупность доступной информации по этому вопросу свидетельствует о том, что главным фактором раздражения Москвы, которое привело к значительно более жесткой политике в отношении Грузии (в сравнении с Молдовой) стало, очевидно, четко высказанное желание первой из них присоединиться к НАТО. Это вытекает, частности, из резолюции Госдумы, принятой 21 марта 2008 года – за две недели до Бухарестского саммита НАТО,

где должен был рассматриваться вопрос о предоставлении Грузии ПДЧ как первого реального шага к членству. В этой резолюции (которая, однако, не имела юридической силы и была сугубо политическим документом), откровенно сказано, что в случае ускоренного продвижения Грузии в направлении НАТО, России необходимо принять меры для ускоренного обретения суверенности Южной Осетией и Абхазией, в связи с чем депутаты обращаются к Президенту и правительству с просьбой рассмотреть этот вопрос. Тогда Кремль формально не среагировал на это обращение (которое, впрочем, никак не могло состояться без детальных с ним консультаций), а подавляющее большинство и западных, и российских аналитиков считали, что эти декларативные политические заявления вовсе не означают желание предпринять какие-то реальные шаги в направлении признания независимости сепаратистских регионов Грузии. Однако, единодушные голосования (440 голосов «за», 0 – «против», 2 – «воздержались»), должна была бы привлечь больше внимания международного сообщества и служить предостережением о возможности разворачивания дальнейших сценариев [7].

В связи с этим Президент РФ Д. Медведев издал Указ от 26 августа 2008 г., согласно которому российская власть признает независимость Абхазии и Южной Осетии, устанавливая с ними дипломатические отношения, однако размещая на их территории многочисленные военные базы. Циничность таких действий заключалась также и в том, что они происходили параллельно с деятельностью ЕС, направленной на поиск эффективных механизмов решения этого конфликта.

Так, 12 августа 2008 г. к миротворческому процессу приобщился Президент Франции Н. Саркози, предлагая шесть пунктов плана мирного урегулирования согласно которому каждая сторона обязалась:

- не прибегать к применению силы;
- окончательно прекратить все военные действия;
- обеспечить свободный доступ гуманитарной помощи;
- вернуть вооруженные силы Грузии в места постоянной дислокации;
- вернуть вооруженные силы РФ на линию, предшествующую началу боевых действий;
- начать международное обсуждение вопроса будущего статуса Южной Осетии и Абхазии, а также путей обеспечения их безопасности.

Кроме того, по инициативе французской стороны было достигнуто соглашение о продолжении дальнейшего раунда переговоров в Женевском формате.

Таким образом РФ демонстративно проигнорировала план Саркози, засвечивая всеми своими действиями, что она не заинтересована в урегулировании Кавказского конфликта [8, с. 275].

Доказательством этого стала одна из многочисленных женевских встреч, во время которой представители США, Грузии и ЕС активно пытались убедить участников дискуссии в целесооб-

разности и необходимости расширения полномочий международной мониторинговой миссии. В ответ на это российская сторона в дерзкой форме отвергла это предложение, аргументируя такими положениями:

«Во-первых, договоренности Д.А. Медведева и Н. Саркози прямо говорят о размещении наблюдателей ЕС в зонах, прилегающих к Южной Осетии и Абхазии, и никак иначе. Во-вторых, нужно посмотреть на цель присутствия международных наблюдателей. Их основная задача сегодня – обеспечить безопасность югоосетинского и абхазского населения от силовых рецидивов грузинской стороны. Ни Цхинвали, ни Сухуми не угрожали и не собираются угрожать грузинскому народу. Именно Тбилиси является источником агрессии в августе этого года, а Цхинвали стало ее невинной жертвой» [9, с. 132].

Кроме того, в одном из своих интервью глава российского МИДА Сергей Лавров и вовсе заявил, что Россия не согласится ни на какие компромиссы в вопросах относительно возможного пересмотра статуса Абхазии и Южной Осетии [10, с. 94].

Следовательно, подобного рода заявления еще раз подтверждают тезис о том, что РФ перестала быть посредником в конфликте. Москва является непосредственным участником конфликта, открыто поддерживая одну из сторон конфликта, оказывая ей военную, политическую и экономическую поддержку.

## Литература

1. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях // учебное пособие / Москва, 2016. (Издание 4-е, переработанное и дополненное)

2. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Отечественная конфликтология как междисциплинарная наука // В сборнике: социальный мир человека материалы VI Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация в интеркультурном мире». Сер. "Язык социального" Под редакцией Н. И. Леонова. 2016. С. 14-17.

3. Гашкова Е.М. Методологический потенциал этикета и протокола в конфликтологии // В сборнике: Философия. Социальные конфликты: теоретико-дисциплинарные подходы Березовская И.П., Быльева Д.С., Гашкова Е.М., Гура В.А., Ершова Н.А., Заморев А.С., Краузе А.А., Никифорова Н.В., Попов Д.Г., Серкова В.А., Шипунова О.Д., Тимерманис Е.Б. учебное пособие. Министерство образования и науки РФ; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, 2016. С. 66-74.

4. Герашенко И.Г., Герашенко Н.В. Актуальные проблемы педагогической конфликтологии // В сборнике: Актуальные вопросы социально-экономического развития организаций в научных исследованиях Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2016. С. 36-41.

5. Ермолина М.А. Экологическая конфликтология и глобальное управление // Учебно-методическое пособие / Санкт-Петербург, 2016.

6. Заморев А.С. Правила практической диалектики и их основания в рамках конфликтологии // В сборнике: Философия. Социальные конфликты: теоретико-дисциплинарные подходы Березовская И.П., Быльева Д.С., Гашкова Е.М., Гура В.А., Ершова Н.А., Заморев А.С., Краузе А.А., Никифорова Н.В., Попов Д.Г., Серкова В.А., Шипунова О.Д., Тимерманис Е.Б. учебное пособие. Министерство образования и науки РФ; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, 2016. С. 150-161.

7. Иванова О.А., Суртаева Н.Н. Конфликтология в социальной работе // Учебник и практикум / Москва, 2016. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (1-е изд.)

8. Руженская Е.В. Актуальные вопросы конфликтологии в медицинской организации психиатрического профиля // В сборнике: Вопросы медицинской реабилитации при оказании психиатрической помощи сборник научных трудов. под общ. ред. Е. В. Руженской. Иваново, 2016. С. 272-276.

9. Рябинина Е.В. Актуальные проблемы конфликтологии: теоретико-методологический анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 126-141.

10. Фролова Д.А. Конфликтология - как передовая наука современности // В сборнике: Актуальные вопросы и перспективы развития современных гуманитарных и общественных наук Материалы II Международного электронного симпозиума. Под общ. ред. М.И. Абакарова. 2016. С. 90-95.

## Ossetian and Abkhazian conflicts as an important component of the Russian-Georgian confrontation

Garipov M.G.  
DSU

In the late 80s - early 90s of the twentieth century. On the territory of the North Caucasus, the Georgian-Abkhazian-Ossetian conflict begins to unfold with renewed vigor and intensity, which later escalated into an open Russian-Georgian war, which led to the occupation of the territories of the independent state by Russian troops. In fact, over the past 26 years, we have witnessed fruitless searches and mechanisms for resolving this North Caucasian conflict.

Its modern history began in 1989 with the adoption of a decision by the Council of People's Deputies of the South Ossetian Autonomous Region of the Georgian SSR on its transformation into a republic with an autonomous status. In September of the following year, the Council of People's Deputies of the South Ossetian Autonomous Region proclaimed the South Ossetian Soviet Democratic Republic, which, on September 1, 1991, was renamed the Republic of South Ossetia.

Key words: settlement mechanism, legislative body, state, conflict, confrontation.

## References

1. Antsupov A.Ya., Baklanovsky S.V. Conflictology in diagrams and comments // study guide / Moscow, 2016. (4th edition, revised and enlarged)
2. Antsupov A.Ya., Proshanov S.L. Domestic conflictology as an interdisciplinary science // In the collection: the social world of man, materials of the VI International scientific-practical conference "Man and the world: world creation, conflict and mediation in the intercultural world." Ser. "Language of the Social" Edited by N. I. Leonov. 2016.S. 14-17.
3. Gashkova E.M. Methodological potential of etiquette and protocol in conflict management // In the collection: Philosophy. Social conflicts: theoretical and disciplinary approaches Berезovskaya

- I.P., Bylyeva D.S., Gashkova E.M., Gura V.A., Ershova N.A., Zamorev A.S., Krauze A.A., Nikiforova N.V., Popov D.G., Serkova V.A., Shipunova O.D., Timermanis E.B. tutorial. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg, 2016.S. 66-74.
4. Gerashchenko I.G., Gerashchenko N.V. Actual problems of pedagogical conflictology // In the collection: Actual issues of the socio-economic development of organizations in scientific research Collection of articles on the results of the International scientific and practical conference. 2016.S. 36-41.
  5. Ermolina M.A. Environmental conflictology and global governance // Teaching aid / St. Petersburg, 2016.
  6. Zamorev A.S. The rules of practical dialectics and their foundations in the framework of conflictology // In the collection: Philosophy. Social conflicts: theoretical and disciplinary approaches Berezovskaya I.P., Bylyeva D.S., Gashkova E.M., Gura V.A., Ershova N.A., Zamorev A.S., Krauze A.A., Nikiforova N.V., Popov D.G., Serkova V.A., Shipunova O.D., Timermanis E.B. tutorial. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg, 2016.S. 150-161.
  7. Ivanova O.A., Surtaeva N.N. Conflictology in social work // Textbook and workshop / Moscow, 2016. Ser. 58 Bachelor. Academic Course (1st ed.)
  8. Ruzhenskaya E.V. Topical issues of conflictology in a medical organization of a psychiatric profile // In the collection: Questions of medical rehabilitation in the provision of psychiatric care, a collection of scientific papers. under total. ed. E.V. Ruzhenskaya. Ivanovo, 2016.S. 272-276.
  9. Ryabinina E.V. Actual problems of conflictology: theoretical and methodological analysis // Theories and problems of political research. 2016. No. 1. S. 126-141.
  10. Frolova D.A. Conflictology - as an advanced science of our time // In the collection: Topical issues and prospects for the development of modern humanities and social sciences Materials of the II International Electronic Symposium. Under total. ed. M.I. Abakarov. 2016.S. 90-95.

# ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

**Гаспарян Михаил Леонович**

канд.полит.наук, ст. преподаватель, ЮФУ,  
gasparyan\_ML@list.ru

Ареной серьезного этнополитического противостояния на территории Южного Кавказа стал армяно-азербайджанский вооруженный конфликт, вызванный определением статуса и территориальных претензий в отношении Нагорно-Карабахского региона.

Как и в случае с приднестровским и абхазско-осетинским конфликтами, нагорно-карабахский имеет не менее сложную историю, причины и источники возникновения.

Территориальные претензии Армении к Азербайджану имеют историческое и геополитическое корни. Эта "бомба замедленного действия" была заложена значительно раньше 1988 года еще в начале XIX века. От конца XVII века царская Россия постоянно вела войны против Турции и Ирана с целью передела земель Османского государства, получение выхода к Средиземному морю и на Восток. В результате войн 1813 и 1828 годов царская Россия и Иран заключили соответственно Гюлистанский и Туркменчайский мирные договоры. Их трагическим итогом стало разделение азербайджанского народа и его исторических земель между двумя государствами.

**Ключевые слова:** стратегическое значение, исторические земли, войны, выселение, мирные договоры.

Туркменчайский договор начал далеко идущие геополитические игры и будущие трагедии. После заключения его началось массовое переселение армян, проживавших в Иране и Турции, в оккупированный Россией Закавказье (на Южный Кавказ). В последующие два года после войны, с 1828 по 1830 год, из Ирана на Южный Кавказ было переселено более 40 тыс., из Турции – свыше 84 тыс. армян. Их расселяли в Елизаветпольской (Гянджинской) и Иреванской губерниях, которые имели стратегическое значение. Российский исследователь Н.П. Шавров писал в связи с этим, что «нагорная часть Елизаветпольской губернии и берега озера Гейча заселены этими армянами». Далее он отметил, что в 1908 году «более 1 млн из 1 млн 300 тыс. армян, проживающих в

Закавказье, не были коренными жителями края, а были расселены там нами» [10, с. 70].

Итак, массовое переселение царской Россией армян на Южный Кавказ, в том числе в горную часть Карабаха, оказало серьезное влияние на демографическую ситуацию в регионе и заложило основу будущих территориальных претензий Армении. Вследствие политики, которую проводила сначала царская Россия, а затем Советский Союз, за последние 200 лет демографическая ситуация на Южном Кавказе серьезно изменилась. Азербайджанцев, которые вытесняли из их исторических земель, были подвергнуты принудительному выселению. Только в течение XX в. азербайджанцев по меньшей мере пять раз подвергались гонениям и депортациям [9, с. 162].

Нагорно-карабахский конфликт был фактически первым межнациональным и этнотерриториальным столкновением на советском пространстве, перед падением тоталитарной системы, был спланирован и инициирован Москвой. Армянские партийные руководители никогда бы не решились на свои агрессивные провокации без разрешения Кремля, на сегодня этот факт является абсолютно доказанным. В феврале 1988 года начались открытые требования с армянской стороны о присоединении Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР к Армянской ССР.

Вследствие этого 1 декабря 1989 г. Верховный Совет Армянской ССР принял постановление «Об объединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», а 23 августа 1990 г. – Декларацию о государственном суверенитете Армении. Согласно этому документу, вопреки и пренебрегая нормами международного права, Армения фактически объявила Нагорно-Карабахский регион Азербайджанской

Республики неотъемлемой частью Армянской Республики.

Могучий этнической мобилизации и быстрой эскалации конфликта в Нагорном Карабахе способствовал духовный фактор, составными частями которого были глубокие религиозные и культурно-цивилизационные различия между азербайджанским и армянским этносами. Недоразумение одного этноса с другими усугублялись религиозными мировоззренческими разногласиями ислама и христианства. Следовательно, иррациональное восприятие угрозы потерять собственную самоценность и гипертрофированное чувство опасности стимулировали жесткие позиции сторон, экстремизм, крайние действия, неадекватны существующим угрозам. Этим и объясняется быстрый переход враждующих сторон к наиболее радикальным средствам, убийствам и насилию [8, с. 67].

Об аналогичных явлениях сообщает бывший бакинец Роман Бабаян: «Внешне все было по-старому, но какая-то зловещая аура, некий фантом будущих огромных бед, трагедий и крови уже витал над Баку. Бакинцы ходили подавленные, рассказывая друг другу об ужасах, совершаемые с азербайджанцами в Армении и с армянами в Сумгаите. Словно по желанию какого-то злого волшебника, бакинцы вдруг начали делить себя по национальному признаку. Все мои знакомые обсуждали проблему Нагорного Карабаха. И это при том, что на тот момент никто из них даже не бывал там. Словом, сложилось ощущение, что все массово избавились от ума».

В 1985 г. в г. Афины (Греция) состоялся XXIII съезд партии «Дашнакцутюн». Его делегаты призывали армян всего мира эффективно использовать благополучную ситуацию, которая сложилась на международной арене, объединить силы и «зано-во расширить борьбу за создание Великой Армении». После съезда усилилась антитурецкая пропаганда и мобилизация армян к террору. Уже с 1986 г. армянская национально-сепаратистская пропаганда в Нагорно-карабасском регионе Азербайджана приобрела открытый, наступательный и широкий характер. Значительное влияние на формирование антитурецкого духа, настроениям в советских официальных кругах оказывали лица армянской национальности (А. Аганбекян, К. Шахназаров и др.), находившиеся в окружении М. Горбачева [6, с. 590].

В результате агрессивных действий Армении и подконтрольной ей террористическим группам, в течение 1988-1994 гг. удалось оккупировать 20% территории Азербайджанской Республики, а также ряд населенных пунктов включительно с территорией Нагорного Карабаха и семи прилегающих к нему районов.

В начале 2019 г. ситуация выглядит следующим образом: территория Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов, в соответствии со всеми нормами международного права считается суверенной территорией Азербайджана, хотя де-факто контролируется Арменией. Причем, послед-

няя, если следовать логике и нормам международного права, должна рассматриваться как страна-агрессор и оккупант, ведь в Хельсенском заключительном акте 1975 года четко говорится следующее: «Страны-участницы должны воздержаться от оккупации территории друг друга, не должны оккупировать территории применяя силу или угрозы в противовес нормам международного права. Ни одна попытка оккупации или подобного рода захват земель не будет считаться законной» [5, с. 427]. Однако, несмотря на положения многих международных договоров, критику и предостережения со стороны международного сообщества, Армения и дальше продолжает считать и отстаивать позицию, согласно которой территория Нагорного Карабаха является очагом зарождения именно армянского этноса и культуры, которые в результате целенаправленной политики Азербайджана подверглись притеснениям и вынуждены были эмигрировать в другие районы Кавказа. Хотя современные факты и цифры, удостоверяют совсем другое.

Возвращаясь от исторических аналогий до современного состояния дел, отметим: активная фаза боевых действий между Арменией и Азербайджаном завершилась в середине 1994 г. Этому способствовало, в частности, подписания 5 мая 1994 г. Арменией, Азербайджаном и руководством непризнанной республики Бишкекского протокола, основой и ключевым условием которого стало положение о прекращении огня. Фактически именно с этого времени конфликт переходит на стадию «замороженного противостояния, характеризующаяся политическим соперничеством и борьбой между Арменией и Азербайджаном, желанием обеих сторон получить как можно более выгодные позиции в процессе этого противостояния.

Анализируя следующие этапы развития армяно-азербайджанского конфликта, стоит, на наш взгляд, выделить ключевые этапы, которые непосредственно повлияли на ход дальнейших событий:

1. 3 апреля 1996 г. состоялось заседание саммита ОБСЕ, где 54 страны-члены этой организации, за исключением Армении, подписали Лиссабонское соглашение. Ее основные положения закрепляют и определяют следующие критерии: территориальную целостность Армении и Азербайджана; юридический статус Нагорного Карабаха как территории с максимальной степенью самоуправления в составе Республики Азербайджан; гарантии безопасности Нагорного Карабаха и его населения.

2. декабрь 1997 г. Минская группа (в составе Франции, США и России) предложила поэтапный план разрешения Нагорно-Карабахского конфликта. В его основу положены положения, которые должны были бы способствовать процессу прекращения вооруженного противостояния. Как отмечалось, вооруженные подразделения обеих враждующих сторон нужно выводить из своих позиций поэтапно, зато в районе боевых действий должны быть размещены миротворцы ОБСЕ. Кро-

ме того, в этом плане, отмечается, что стратегический для обеих сторон Лачинский коридор, соединяющий Армению и Карабах должен оставаться под контролем вооруженных сил НКР; окончательный статус Нагорно-Карабахского региона должен быть определен совместным армяно-азербайджанской комиссией.

3. 3 ноября 1998 г. Минская группа выступила с предложением о союзном государстве, на основе которой Азербайджан и Нагорный Карабах остаются в пределах одной государства, с получением равного правового статуса. Это предложение категорически отклонило азербайджанское руководством, которое аргументировало это тем, что, во-первых, она противоречит базовым положениям принятого ранее Лиссабонского договора, во-вторых, повлечет фактическую федерализацию страны, с усиленным воздействием армянской стороны.

4. 29 ноября 2007 г. провозглашаются так называемые Мадридские принципы, которые в окончательном виде отражены в совместном заявлении президентов США, России, Франции, во время саммита Большой восьмерки (G8) 10 июля 2009 г. в Аквиле (Италия).

5. Ноябрь 2008 г. Президенты Азербайджана, Армении и России подписали в Москве декларацию о нагорно-карабахского конфликта, подтверждая тем самым путь политического и мирного урегулирования конфликта.

6. Апрель 2016 г. произошло очередное обострение вооруженного конфликта в районе Нагорного Карабаха, которое завершилось для обеих сторон многочисленными жертвами и разрушениями. В результате боевых действий под контроль Азербайджана перешла стратегическая высота Лала в Джебраильском районе.

Кроме того, следует отметить, что, начиная с 1993 г. Советом Безопасности ООН было принято четыре резолюции, касающихся нагорно-карабахского конфликта, и закреплены в них важнейшие положения.

Так, первая резолюция СБ ООН по армяно-азербайджанскому конфликту «Резолюция СБ ООН № 822» принята 30 апреля 1993 г. В ней отмечалось: «стабильность и безопасность региона под угрозой», высказывалась обеспокоенность растущим потоком беженцев и принудительно переселенных. СБ ООН призвал к прекращению огня путем приостановления оккупации и военных операций, требовала вывода войск с оккупированных земель. Следующая резолюция СБ ООН «Резолюция СБ ООН № 853» была принята 29 июля 1993 г. и предусматривало вывод войск из оккупированного Агдамского района Азербайджанской Республики. Третья резолюция № 874 СБ ООН утвердил подготовленный Минской группой «обновленный график неотложных мер», а также отметила возможность достижения урегулирования конфликта на основе этого плана. В ноябре 1993 г. была принята четвертая резолюция СБ ООН № 884, в которой высказывалась озабоченность оккупацией Зенгиланского района Азербайджанской

Республики. Совет Безопасности ООН выражала свою обеспокоенность относительно ухудшения отношений между Арменией и Азербайджаном. СБ призвал правительство Армении использовать свое влияние для обеспечения соблюдения армянами нагорно-карабахского региона Резолюций (№ 822, № 853). Совет осуждал нападения на регионы Азербайджана, вторжение в Агдамский, Физулинский и Кельбеджарский районы, требовал немедленного прекращения военных действий.

Однако, несмотря на многочисленные заявления, принятые резолюции и договоры, нагорно-карабахский конфликт и продолжает существовать в форме «замороженного» противостояния, негативно сказываясь на безопасности ситуации во всем Кавказском регионе.

Отсюда, на наш взгляд, возникает вопрос: почему, несмотря на, казалось бы, вполне очевидные вещи, все-таки не удается решить этот конфликт?

Проблема заключается в другом. Как уже упоминалось, этот конфликт с самого начала вступил в геополитические контуры, став аренной геополитического противостояния, поэтому соответственно и решение его в основном зависит от позиций, интересов и отношения к нему третьих стран. Речь идет прежде всего о России, Турции, США, в меньшей степени об Иране и ЕС.

В Карабахском конфликте с самого начала всегда были третьи стороны. То есть еще во времена Советского Союза, накануне конфликта, это были интересы Москвы и советского руководства, которое утверждало, что чрезмерная демократия и свобода приводит к этому. Они демонстрировали Карабах как негативное последствие перестройки, пытались использовать его со своей целью. Дальше это были уже интересы российского руководства, которое пыталось удержать под своим контролем и Армению, и Азербайджан, попеременно обеспечивая ту или ту сторону вооружениями. После развала СССР это уже были геополитические интересы – и Западу, и России, и других соседей, которые в той или иной степени пытались использовать и сейчас это делают, ради того, чтобы получить решения, которые устроят в большей степени интересы этой стороны. То есть внешнее воздействие всегда [2].

Не случайно известный американский политолог С. Бжезинский назвал Закавказье составляющей «евразийских Балкан». По мнению исследователя, соответствующие ассоциации вызываются как наличием этнических конфликтов, так и соперничеством великих держав в регионе.

Следовательно, попробуем проанализировать мотивы и цели как непосредственно участников конфликта, так и третьих сторон, вовлеченных в него.

Следовательно, позиция Республики Азербайджан вполне очевидна и не меняется на протяжении существования конфликта. Баку отмечает, что конфликт вокруг Нагорного Карабаха должен быть решен в рамках суверенитета и с соблюдением территориальной целостности страны. Причем,

позиция Азербайджана совпадает с основными рекомендациями и положениями, сформированными ООН и Минской группой, в которых акцентировано на мирном способе решения нагорно-карабахского конфликта.

В то же время нужно четко осознавать: Азербайджан начале 90-х годов и современный – это фактически две разные страны. За последние 20 лет страна существенно трансформировалась, ее военные, экономические ресурсы значительно выросли. В связи с этим Баку, хоть и придерживается мирного плана решения конфликта, но не исключает возможности силового сценария освобождения оккупированных территорий.

Относительно позиций Армении, то сегодня складывается впечатление, что и для Еревана, и для руководства непризнанной республики нынешний status quo вполне благоприятный. С одной стороны, Армения может рассчитывать на российскую поддержку в случае активизации боевых действий, ведь на ее территории размещена 102 - я военная база ВС РФ в Гюмри, да и сама она является членом военно-политического объединения ОДКБ. С другой стороны, такая зависимость Еревана от Москвы, фактически превращает позиции Армении в этом конфликте со статуса субъектного на объект геополитической игры Москвы. Сейчас с уверенностью можно констатировать: Армения стала заложником нагорно-карабахской проблемы, поскольку теперь ее как внутренняя, так и внешняя политика напрямую зависит от решения нагорно-карабахского конфликта.

Анализируя позицию России в этом конфликте, можно утверждать, что она фактически ничем не отличается от той, которой Москва придерживается в приднестровском и абхазско-осетинском конфликтах. Геополитические интересы РФ вполне очевидны. Мы уже отмечали, что Кремль рассматривает территорию постсоветского пространства исключительно как зону своего геополитического влияния. В связи с этим, основной целью России является недопущение евроинтеграционных и евроатлантических стремлений стран ближнего зарубежья. Для реализации такой цели, она прибегала и в дальнейшем будет прибегать к разжиганию подобного рода конфликтов.

«И такие утверждения небезосновательны, – нестабильность в Карабахе выгодна России», – пишет журнал «The Wall Street Journal». По мнению издания,

Владимир Путин, зная, что война ослабляет Азербайджан и Армению, нарушает резолюции ООН, запрещающих продажу оружия обеим участникам конфликта и одновременно продает наступательную оружие Баку и Ереван. Таким образом увеличивается зависимость этих стран от Москвы как поставщика оружия и посредника в переговорном процессе. «Для реализации мечты о евразийскую империю Путину нужен слабый Южный Кавказ, где Москва будет главной внешней силой, которая оказывает военную помощь и контролирует потоки каспийской нефти в регионе», – пишет издание. Итак, именно Россия сейчас является глав-

ным медиатором в этом конфликте, и без ее воли решение карабахского конфликта невозможно.

В современной геостратегии России Южный Кавказ занимает важное место. Этот субрегион выступает как связующее звено транзита энергоносителей из Прикаспия в Европу, а РФ как «энергетическая супердержава» и ныне стремится максимально влиять на европейский энергетический рынок. Именно через Южный Кавказ пролегает путь из России к стратегически важному Большого Ближнего Востока. С точки зрения безопасности, первоочередная роль Южного Кавказа для России определяется тем, что «он является пограничным регионом, который прилегает к наиболее сложной в этнополитическом плане части РФ – Северного Кавказа». Очевидно, что Южный Кавказ считается сферой «жизненных интересов» для РФ. В то же время манифестируется ее уникальное значение для поддержания мира и безопасности: «именно России суждено играть первоочередную геополитическую роль в обеспечении стабильности во всем кавказском, включая Южный Кавказ, регион».

Другие страны, от позиций которых зависит судьба нагорно-карабахского конфликта, – Турция и Иран.

Региональная держава Турция рассматривает Южный Кавказ как один из приоритетных векторов своей геостратегии. Имея границы с Грузией и Арменией и выход к Нахичеванскому эксклаву Азербайджана, Турция способна непосредственно влиять на геополитическую и геоэкономическую ситуацию в субрегионе. Она заинтересована во всесторонней поддержке тюркского Азербайджана (еще и имеет с ним общего противника – Армению), реализации транзитных транспортно-энергетических проектов, выгодных инвестициях в экономики Азербайджана и Грузии. Как член НАТО, Турция является военнопленным союзником Запада, однако заботится, прежде всего, о собственных интересах [1, с. 27].

В общем геостратегические цели Турции заключаются в том, чтобы как можно больше ограничить и ослабить влияние Ирана и России в указанном регионе. Причем, защищая собственные интересы, Анкара неоднократно прибегала к достаточно жестким действиям, и даже к прямой конфронтации по отношению к РФ. Особенно ярко это прослеживалось в сирийской войне, когда турецкой системой ПРО был сбит российский истребитель. Имея достаточно тесные исторические, политические, экономические и военные связи с Азербайджаном, сегодня не возникает никаких сомнений в том, что Анкара и впредь будет поддерживать в этом конфликте азербайджанскую сторону.

## Литература

1. Бендюков М.А. Конфликтология в контексте критического дискурс-анализа // В сборнике: Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Московский госу-

дарственный университет дизайна и технологии. 2016. С. 22-28.

2. Ветрова Е.А. Экономическая конфликтология // Рабочая программа учебной дисциплины "Экономическая конфликтология". Уровень бакалавриата. Очная и заочная формы обучения / Москва, 2016.

3. Ветрова Е.А. Экономическая конфликтология // Фонд оценочных средств для промежуточной аттестации для обучающихся по дисциплине "Экономическая конфликтология" направления подготовки: 37.03.02 - Конфликтология / Москва, 2016.

4. Игнатова О.А., Меньшикова Л.И., Хабарова Л.Г. Возрастная психология и конфликтология в обучении работников учреждений социального профиля // В сборнике: Проблемы геронтологии в условиях проживания в приарктическом регионе Сборник статей всероссийской научной конференции "Серебряный возраст": проблемы геронтологии в условиях проживания в приарктическом регионе". 2016. С. 92-93.

5. Керимов М.М. Социальный конфликт как предмет исследования юридической конфликтологии // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 427-428.

6. Киндеркнехт А.С. Количественный анализ отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики // Научный альманах. 2016. № 6-1 (19). С. 589-592.

7. Маруховская-Картунова О.А. Структура этнополитической конфликтологии как новой отрасли научного знания и учебной дисциплины // Academy. 2016. № 8 (11). С. 56-61.

8. Маруховская-Картунова О.О. Этнополитическая конфликтология в полиэтнических обществах: многофакторный анализ её актуализации // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 7-8 (64-65). С. 65-69.

9. Резникова А.В. Когнитивная близость концептов "экстремизм" и "радикализм" в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). С. 161-163.

10. Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 69-75.

#### **Geopolitical component of the Nagorno-Karabakh conflict**

**Gasparyan M.L.**

SFedU

The Armenian-Azerbaijani armed conflict caused by the determination of the status and territorial claims against the Nagorno-Karabakh region became the arena of serious ethnopolitical confrontation in the South Caucasus.

As in the case of the Transnistrian and Abkhaz-Ossetian conflicts, the Nagorno-Karabakh one has an equally complex history, causes and sources of origin.

Armenia's territorial claims to Azerbaijan have historical and geopolitical roots. This "time bomb" was planted much earlier than 1988, at the beginning of the 19th century. From the end of the 17th century, Tsarist Russia constantly waged wars against Turkey and Iran with the aim of redistributing the lands of the Ottoman state, gaining access to the Mediterranean Sea and the East. As a result of the wars of 1813 and 1828, Tsarist Russia and Iran concluded the Gulistan and Turkmenchay peace treaties, respectively. Their tragic result was the division of the Azerbaijani people and its historical lands between the two states.

Key words: strategic importance, historical lands, warriors, eviction, peace treaties.

#### **References**

1. Bendyukov M.A. Conflictology in the context of critical discourse analysis // In the collection: Humanitarian foundations of social progress: Russia and the present, collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Moscow State University of Design and Technology. 2016.S. 22-28.
2. Vetrova E.A. Economic conflictology // Working program of the academic discipline "Economic conflictology". Undergraduate level. Full-time and part-time education / Moscow, 2016.
3. Vetrova E.A. Economic Conflictology // Fund of evaluation tools for intermediate certification for students in the discipline "Economic Conflictology" areas of training: 03/37/02 - Conflictology / Moscow, 2016.
4. Ignatova O.A., Menshikova L.I., Khabarova L.G. Developmental psychology and conflictology in training employees of social institutions // In the collection: Problems of gerontology in living conditions in the Arctic region Collection of articles of the All-Russian scientific conference "Silver age": problems of gerontology in living conditions in the Arctic region. 2016, pp. 92-93 ...
5. Kerimov M.M. Social conflict as a subject of research in legal conflictology // Eurasian scientific journal. 2016. No. 5. S. 427-428.
6. Kinderknecht A.S. Quantitative analysis of domestic publications on conflict resolution in the field of linguistics // Scientific Almanac. 2016. No. 6-1 (19). S. 589-592.
7. Marukhovskaya-Kartunova O.A. The structure of ethnopolitical conflictology as a new branch of scientific knowledge and academic discipline // Academy. 2016. No. 8 (11). S. 56-61.
8. Marukhovskaya-Kartunova O.O. Ethnopolitical conflictology in polyethnic societies: multifactorial analysis of its actualization // New University. Series: Actual problems of the humanities and social sciences. 2016. No. 7-8 (64-65). S. 65-69.
9. Reznikova A.V. Cognitive proximity of the concepts "extremism" and "radicalism" in the context of modern ethno-linguistic conflictology // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 9-3 (63). S. 161-163.
10. Tsoi L.N., Ivanov O.B. Mediation and Conflictology: Methodological and Subject-Content Differences // Power. 2016.Vol. 24.No. 10.P. 69-75.

# УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РФ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

**Крысанов Алексей Михайлович**

студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

**Елинский Валерий Иванович,**

д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье исследуется проблема недостаточно активного участия граждан в выборах Президента России. Отмечается, что выборы Президента – это главные выборы в стране, определяющие нашу жизнь. По мнению автора, главная задача государства на ближайшее время – убедить граждан в конкурентоспособности существующей избирательной системы и ее способности определять саму суть государственной политики.

**Ключевые слова:** выборы Президента России, избирательное право граждан, доверие к выборам, избирательная система.

На сегодняшний день одной из главных и актуальных проблем, с которой сталкивается институт выборов в России, является проблема участия в выборах граждан и в первую очередь молодежи. Проблема аполитичности молодого поколения и демонстративного абсентеизма вызывает большую озабоченность власти, поскольку именно молодежь в возрасте примерно от 16 до 30 лет представляет собой наиболее социально активную часть населения. Представители такой социальной группы могли бы, работая на свое будущее, внести большой и ценный вклад в развитие общества и государства, членами которого они являются. Однако в современной ситуации молодые граждане чаще отказываются от участия в общественной жизни и сторонятся политической активности.

Несмотря на некоторое повышение процента участия молодежи в выборах, на сегодняшний день по сравнению с ситуацией пяти-шестилетней давности, проблема негативного электорального поведения молодежи остается такой же ярко выраженной и имеет, в основном, те же проявления. Так, выделяют три основные модели негативного электорального поведения молодежи, с которыми мы сталкиваемся и по сей день. Большинство политически активных молодых людей предпочитают воздерживаться от участия в выборах, не веря в то, что голос одного из них способен как-то повлиять на результат<sup>1</sup>. В условиях сложившейся на сегодняшний день ситуации с выборами Президента Российской Федерации эта модель представляется особенно актуальной.

Многие молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет не просто убеждены в том, что их голоса либо заранее отданы в пользу «нужного» кандидата, либо будут изменены при подсчете голосов, либо просто затеряются среди преобладающего большинства «подставных» бланков, – они упорно верят в то, что изменить эту систему они не в силах. Именно по этой причине молодежь чаще всего предпочитает не участвовать в выборах, демонстрируя свое пренебрежение к существующему электоральному процессу. Так, выборы Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года сопровождались молодежными акциями с негативным электоральным настроением: например, были введены хэштеги «неголосую», «этоневыборы» и

<sup>1</sup> См.: Сербин М.В. Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29. С. 14.

«невыборы2018» (и другие интерпретации), которыми представители молодежи сопровождали свои посты в социальных сетях, призывая своих ровесников «открыть глаза» на происходящее и увидеть, наконец, что выборы сегодня – ни что иное как обычная фикция, «показательное мероприятие», участие в котором молодежи государству в принципе не нужно.

В Российской Федерации институт Президента был учрежден по результатам всенародного голосования, проведенного 17 марта 1991 г. Статус Президента изначально определялся Законом «О Президенте РСФСР» от 24 апреля 1991 года № 1098-1, основные положения которого затем были включены в текст Конституции России 1993 года.

По Конституции 1993 года Президент Российской Федерации является главой государства. Кроме того, многие полномочия президента либо имеют непосредственно исполнительный характер, либо привязаны к полномочиям исполнительной власти. Наряду с этим, он осуществляет координирующие функции и имеет право отправить в отставку Правительство и распустить Государственную Думу. Президент Российской Федерации является также гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина и верховным главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

Президент России избирается сроком на шесть лет на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. По результатам голосования на выборах, Президентом РФ становится кандидат, набравший абсолютное большинство голосов (50 % + хотя бы один голос). Эта система наиболее приемлема при проведении выборов такого уровня: соблюдается принцип большинства, победитель выборов получает мандат от большинства граждан. В случае, если ни один из кандидатов не получил свыше половины голосов в первом туре, победитель определяется во втором туре, в который выходят кандидаты, занявшие первое и второе места в первом туре голосования. Выборы Президента России регулируются Конституцией 1993 года, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральным законом «О выборах Президента Российской Федерации».

Выборы главы государства – это главное политическое событие, определяющее вектор развития страны на ближайшие годы. Именно поэтому эксперты уделяют особое внимание электоральной активности граждан в период проведения именно данного типа выборов.

Первые выборы Президента в нашей стране (на тот момент РСФСР) состоялись 12 июня 1991 года. В них приняли участие 76,66 % от числа зарегистрированных избирателей. Такие высокие показатели электоральной активности россиян характеризуются тем фактом, что это были первые всенародные выборы на данный пост в нашей стране, хоть она являлась еще республикой в составе СССР. Кроме того, в этом случае просто

сработал психологический фактор у людей, называемый любопытством, а также сыграла свою роль привычка, поскольку в советское время явка на выборы традиционно составляла порядка 90 %.

Вторые президентские выборы 1996 года проводились в два тура. Явка в первом туре составила 69,81 %. Чтобы одержать победу в первом туре, кандидат должен был набрать 50 % голосов. Так как ни один из кандидатов не смог переступить порог в 50 % голосов, был объявлен второй тур, который состоялся 3 июля 1996 года. Во время второго тура явка составила 68,88 %. Далее в 2000 году явка составила 68,64 %. В 2004 году – 64,38 %, в 2008 году – 69,6 %, в 2012 году – 65,34 %. На выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года явка избирателей составила 67,54 %<sup>2</sup>.

Таким образом, в Российской Федерации показатель электоральной активности граждан на выборах Президента – главных выборах страны – в среднем колеблется в диапазоне 65 – 70 %. Вместе с тем, по сравнению с парламентскими выборами, проводившимися в нашей стране примерно в тот же временной период, данные выборы имеет всегда большую явку (на 5–9 %), что доказывает более позитивное отношение граждан к выборам главы государства, нежели к выборам в Государственную Думу. Это свидетельствует о том, что граждане имеют большее доверие к главе государства, нежели к коллегиальному представительному органу в составе 450 человек.

Однако изменения явки на парламентских и президентских выборах в каждом периоде направлены в одну и ту же сторону: если активность повышается – то и на тех, и на других выборах, если снижается – то так же. Данный факт подтверждает, что все-таки активность избирателей является результатом социально-психологических, мотивационных и социально-перцептивных процессов, актуализирующихся у избирателей в ходе проведения выборов. Логично предположить, что на выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва электоральная активность россиян может вновь вырасти. Более высокая активность граждан на выборах Президента России объясняется тем, что граждане в ходе президентских выборов в большей мере имеют понимание за кого они голосуют, кто будет представителем страны и какие все-таки основные идеи представляются в предвыборной кампании.

С другой стороны, возникает все-таки вопрос, почему имеет место средняя явка в 65 %? Если задуматься, то это всего лишь чуть больше половины населения, имеющего право голосовать. Сегодня многие сомневаются, стоит ли идти ли на выборы. Многие остаются дома с мыслью, что они в любом случае ничего не смогут изменить.

Социологические опросы, проведенные среди населения, определили самые распространенные причины, почему люди не ходят на выборы:

<sup>2</sup> См.: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983> (дата обращения: 04.03.2019).

- незаинтересованность людей в политике;
- отсутствие перемен в экономике и политике страны;
- неисполнение политиками своих обещаний в ходе предвыборной кампании;
- убежденность в фальсификации избирательных бюллетеней и в том, что итоги голосования уже определены до окончания предвыборной гонки;
- недоверие к кандидатам<sup>3</sup>.

Именно по этим причинам важнейшей задачей государства является остановить существование подобных сомнений среди граждан и оправдание их ожиданий по результатам голосования. В этой связи президентские выборы в России наглядно отражают не только уровень доверия к данному институту, но и служат показателем доверия ко всем институтам публичной власти. Высокие показатели электоральной активности россиян на выборах 18 марта 2018 года объясняются многими причинами, среди которых особое место занимают равнодушие к судьбе своей страны, личная популярность действующего главы государства, желание поддержать политический курс Президента России, а также стремление отдать свой голос за будущую лучшую жизнь. Вероятно, в будущем интерес к выборам Президента РФ будет только расти, а их результаты будут укреплять доверие граждан к существующей избирательной системе.

### Литература

1. Сербин М. В. Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29.
2. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983>

### Participation of citizens in the elections of the president of the Russian Federation as an indicator of the efficiency of the election system

Krysanov A.I., Elinsky V.I.

RTU MIREA.

The article examines the problem of insufficient active participation of citizens in the presidential elections in Russia. It is noted that the presidential elections are the main elections in the country that determine our life. According to the author, the main task of the state in the near future is to convince citizens of the competitiveness of the existing electoral system and its ability to determine the very essence of state policy.

Key words: elections of the President of Russia, citizens' suffrage, confidence in elections, electoral system.

### References

1. Serbin MV Problems of increasing the electoral activity of youth in the context of the modern multiparty system in the Russian Federation // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011. No. 29.
2. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983>

<sup>3</sup> См.: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983> (дата обращения: 04.03.2019).

# ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ЮСТИНИАНА I, СОСТАВ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОДОВ

**Черногорова Виктория Степановна**  
студентка Института экономики и права РТУ МИРЭА.

**Шагаев Виктор Алексеевич,**  
к.ю.н., доцент, доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье кратко изложены предпосылки осуществления систематизации римского права, история и порядок ее осуществления. Далее дана характеристика составных частей систематизации: Институций, Кодекса, Дигест и Новелл и в каком виде они дошли до нашего времени.

**Ключевые слова:** римское право, кодификация, Свод гражданского права, Юстиниан I, Дигесты, Институции, Новеллы.

С середины III века в Римской империи юриспруденция быстро теряет свою популярность. Юридическое преподавание еще существует, но юридическая литература этого периода скудна и количественно и качественно. Она ограничивается теперь только чисто компилятивной работой, пытаясь на основании выдержек из наиболее распространенных сочинений старых юристов и императорских конституций создавать сборники для того, чтобы облегчить применение права судьями, уже неспособными овладеть всей массой классической литературы.

Все это вызывает потребность иметь какой-либо единый сборник права, единый свод, в котором было бы суммировано как все право, созданное прежним законодательством и разработанное юриспруденцией классического периода (*ius vetus*), так и императорское законодательство (*leges*) и который мог бы служить твердым основанием при отправлении правосудия. И чем дальше, тем эта потребность ощущалась все сильнее и сильнее. Таким образом, назрела острая необходимость в полном и официальном пересмотре всей правовой системы, в подведении итогов всего многовекового развития. Решением этой не простой проблемы явилась кодификация Юстиниана.

С падением в конце V в. Западной Римской империи хранителем традиции римского права осталась Византия. В период правления императора Юстиниана (527–565 гг.) там были предприняты важные политические и правовые реформы, осуществленные во многом благодаря личной инициативе самого императора. Одним из наиболее последовательных стремлений Юстиниана было желание возродить правила древней римской юридической культуры, вернуть юстицию к канонам классического права. Особый блеск такому юридическому архаизму должна была придать новая юридическая культура, носителями которой были известнейшие юридические школы в Константинополе, Афинах, Бейруте. Главнейшим путем, которым можно было бы достичь таких целей, по идее Юстиниана, должна стать всеобъемлющая систематизация источников старого и нового права, причем этой систематизации изначально предполагалось придать значение единственно дозволенного на будущее свода права, чтобы устранить разночтения, противоречия и субъективные толкования, не согласующиеся с самим духом централизованной императорской юстиции.

В феврале 528 г. для этих целей была учреждена государственная комиссия из 10 администраторов и юристов – «людей науки, опыта, неутомимого и похвального усердия к общественному делу». Официально возглавил комиссию правитель дворца Иоанн. Однако подлинным руководителем работ стал юрист и бывший квестор, префект претория Трибониан, известный как своими юридическими познаниями, так и литературной деятельностью.

К апрелю 529 г. комиссия завершила составление сборника императорских конституций в 12 книгах – Кодекса. Основой для него стал известный Кодекс Феодосия, но многое было дополнено и прибавлено из иных императорских постановлений, а кроме того, опущено все, что Юстиниан считал утратившим силу. Сложнее обстояло дело с систематизацией «старого права».

В декабре 530 г. Юстиниан направил на имя Трибониана особый указ, которым тому было поручено провести параллельную кодификацию основных источников «старого права». Эта работа должна была стать поистине новаторской, поскольку не имела исторических предшественников, а, кроме того, самые принципы ее только предстояло разработать. Новая комиссия была составлена уже самим Трибонианом, куда он включил 15 знатоков права – адвокатов и профессоров самых знаменитых юридических школ того времени. Комиссия пошла по пути систематизации главным образом выдержек из трудов наизнаменнейших правоведов-классиков – тех, сочинениям которых еще в V в. была придана обязательная сила. А через эти сочинения комиссия воспроизводила основные принципы преторского эдикта, древней юридической практики, отраженной в советах классиков, а также большого числа других правоведов, на которых ссылались первые. Выбор литературных источников иногда носил случайный характер и определялся, по-видимому, тем, что было реально в распоряжении комиссии Трибониана и пользовалось особым успехом в восточных провинциях; влияла и поспешность работы. По некоторым наблюдениям, комиссия Трибониана разделилась на три части, и каждая работала над своим кругом литературы. А затем они свели все воедино по стандартной схеме. Так появились Дигесты (или Пандекты) в 50 книгах, обнародованные в декабре 533 г. Это была наиболее объемная часть всей кодификации, и именно кодификация права, поскольку большинство правил были впервые изложены в сокращенном виде и систематизированы по совершенно новой схеме, абсолютно не присущей первоначальным источникам.

Параллельно Юстиниан повелел комиссии подготовить единое руководство для юридических школ, которое бы впредь стало общеобязательным и единым, устранив тем самым ненужный субъективизм в изучении права: «Чтобы дать начинающим основные сведения о праве, с помощью которых они могли бы приступить к более глубокому его изучению». Работу по составлению такого обобщающего учебника под руководством Трибо-

ниана менее чем за год выполнили профессоры Феофил и Дорофей. Как было предписано указом императора, основой для свода они выбрали типичные для классической юриспруденции «Институции», но многое было внесено и по собственному усмотрению членов комиссии.

К 533 г., когда в основном завершилась работа комиссии над самыми объемными частями свода, количество новоизданных за правление Юстиниана постановлений и законов превысило несколько сот. Изданный четыремя годами ранее кодекс основательно устарел, а главное – он не отражал новой правовой политики императора Юстиниана. К ноябрю 534 г. было завершено создание новой редакции кодекса, куда было включено свыше 4.600 императорских конституций преимущественно христианской эпохи и соответствующих главным линиям законодательной деятельности Юстиниана. Первый кодекс был аннулирован.

И начало работ над каждой частью систематизации, и окончание их сопровождалось изданием специальных конституций Юстиниана, в которых отмечались принципы составления каждой части, а по окончании, юридическое значение. Наиболее важной стороной проведенной систематизации стало то, что после ее завершения Юстиниан указал считать три составленные части единственным впредь источником правовых норм, имеющим силу наравне с императорскими законами. Также запрещалось подвергать Институции, Дигесты и Кодекс истолкованию; выраженные в них правила следовало понимать строго буквально и применять, придерживаясь текста и буквы древних правил.

Со времени составления многих источников права, сочинений древних юристов, использованных при кодификации, прошло несколько веков: наиболее ранние из использованных работ относились к I в. до н. э. Повинуясь и замыслу императора, и собственным представлениям, и реальности практики своего времени, комиссия проводила систематизацию, подновляя терминологию, заменяя уж очень архаичные термины (например, манципацию, которой уже не было в ходу со II в.) на принятые в Византии в VI в. Многие комиссии подправляла, подчиняясь собственным, не очень выверенным представлениям о том, что должны были якобы сказать древние авторы. Эти обновления получили название интерполяций. Интерполяции, сделанные комиссией Трибониана, в истории римского права получили двойное значение. С одной стороны, они затемнили подлинные тексты исторических источников римского права, особенно высказывания древних юристов и их субъективные рассуждения. С другой – и это был очень важный исторический шаг – они придали разрозненным источникам римского права характер единой и почти во всем логически связанной системы, а всей кодификации Юстиниана – значение цельного свода.

Изначально Свод Юстиниана (Кодификация Юстиниана) включал три части:

а) официальный учебник римского частного права (Институции);

б) сборник извлечений из сочинений римских юристов (латинское название - Дигесты, и греческое - Пандекты);

в) сборник распоряжений (конституций) римских императоров от Андриана (II в.) до самого Юстиниана, касающихся административного, уголовного, финансового, церковного и частного права (Кодекс Юстиниана). С изданием последнего были отменены все предшествующие правовые акты императоров.

Последняя, четвертая часть Свода Юстиниана - новеллы - представляет собой сборник законов, изданных в Византийской империи в 534-556 гг. в дополнение к основному тексту кодификации. Составные части Свода Юстиниана сохранились лишь в рукописях, обращавшихся среди средневековых ученых-юристов.

Все указанные части Юстиниановской кодификации должны были, по мысли Юстиниана, составлять одно целое, один *Corpus* права, хотя они и не были тогда соединены под одним общим названием. Лишь в средние века, когда возродилось изучение римского права (начиная с XII ст.), весь Юстиниановский Свод стал называться общим именем *Corpus Juris Civilis*, под которым название он известен и теперь.

В 1583 г. все четыре части Свода Юстиниана появляются в издании Дионисия Готофреда, под названием *Corpus juris civilis* (Свод гражданского (цивильного) права), сохраняющимся за ними до настоящего времени. Кодификация Юстиниана оказала влияние на развитие права многих европейских стран, создав предпосылки для последующей рецепции римского права. Свод Юстиниана действовал вплоть до падения Византийской империи в 1453 г. Свод Юстиниана являлся вспомогательным источником права в одной из частей Российской Империи - Бессарабии (ныне Молдова) вплоть до начала XX в. В ряде стран, чья правовая система основана на римско-голландском праве (ЮАР, Ботсвана, Зимбабве), на Свод Юстиниана ссылаются как на авторитетный источник права до сих пор.

1. Институции (*Institutiones*). Хотя они созданы были в качестве элементарного руководства для учебных целей, однако они не стоят ниже других частей в смысле своей юридической силы. Главным источником их послужили Институции Гая (хотя были использованы также Институции и других авторов); они дали Юстиниановским Институциям и свое внешнее деление на 4 книги и свой план (*personae, res, actiones*); сплошь и рядом даже самый текст взят у Гая.

Каждая из 4 книг делится на титулы с особым заглавием; каждый титул в современных изданиях для удобства цитирования разделен на параграфы, причем нумерация параграфов начинается не с самого начала титула, а несколько дальше; начальная же, не нумерованная, часть титула носит название *principium*.

Институции представляли систематизированное изложение основ права: общие начала правоприменения и систематическое изложение догматических принципов главным образом частного права. С этого времени аналогичная схема систематизации права стала называться институционной. В числе наиболее принципиальных понятий правовой культуры «Институции» заключали исходное определение смысла правоприменения и знания права как постоянного стремления воздавать каждому его должное.

2. Дигесты (*Digesta*), или Пандекты (*Pandectae*), были самой объемной частью свода. *Digesta* или *Pandectae* представляют собрание цитат из сочинений юристов, расположенных в известном систематическом порядке. Всего в составе «Дигест» насчитывают до 9200 отрывков из 2 тыс. работ, принадлежавших перу 39 известных юристов I-V вв., причем в большинстве случаев составители приводили достаточно определенные указания на названия и даже разделы использованных трудов. Это была своего рода энциклопедия римской юриспруденции. Являясь таким образом суммированием всей классической юридической литературы, *Digesta* представляют центральную часть Юстиниановского Свода, самую обширную по размерам и наиболее ценную по своему содержанию.

Вся масса цитат разделена на 50 книг приблизительно по системе *Digesta* классических юристов. Каждая книга делится на большее или меньшее количество титулов с особым заглавием («*De actionibus empti venditi*», «*Locati conducti*» и т. д.); только книги 30-я, 31-ая и 32-я не имеют этого деления на титулы, ибо все они посвящены одному вопросу и потому носят общее заглавие «*de legatis*» (о легатах, т. е. завещательных отказах).

Внутри каждого титула (кроме кратких) цитаты также расположены в известном порядке: сначала идут цитаты из сочинений, комментировавших цивильное право, т. е. в большинстве случаев из комментариев *ad Sabinum* - так называемая масса Сабина; затем следуют цитаты из сочинений *ad edictum* - масса эдикта, и наконец выдержки из сочинений, возникнувших на почве юридической практики (*responsa* и т. д.); а так как во главе сочинений этой группы стояли *responsa Papiniani*, то эту массу называют массой Папиньяна. Иногда в самом конце находятся еще добавочные цитаты - *Appendix*.

Предполагают поэтому, что комиссия при производстве своих работ разделилась на 3 подкомиссии, распределив между собою указанным образом просмотр сочинений. Затем сделанные каждой подкомиссией выдержки сводились воедино в общих заседаниях.

Каждая цитата начинается с указания автора и сочинения, из которого она взята. В современных изданиях эти цитаты внутри каждого титула перенумерованы, а более длинные из них разделены на параграфы (причем и здесь начало каждой цитаты стоит вне нумерации и обозначается словом *pr.* = *principium*). Поэтому, при цитировании Дигест надо указать книгу, титул, номер цитируемой вы-

держки и ее параграф - напр. fr. (fragmentum) или l. (lex) 1 § 2 Dig. 43 (книга) 6 (титул).

Разоблачение интерполяций и восстановление подлинного текста классических юристов имеет огромное значение для истории развития римского права; но как действующее право Юстиниана должно считаться не то, что юрист действительно говорил, а то, что ему вложено в уста Юстиниановскими компиляторами.

3) Кодекс (Codex) был систематизацией 4600 императорских конституций, начиная со 117 г., в 12 книгах и 765 титулах. При систематизации сохранялись даты издания конституций и имена даровавших их государей. Кодекс состоит из 12 книг, причем каждая книга, как и в других частях Свода, делится на титулы с особым заглавием:

- книга 1 содержит конституции, касающиеся церковного права, источников права и officia различных императорских чиновников;
- книги 2-8 - гражданское право;
- книга 9 - уголовное право;
- книги 10-12 - положения о государственном управлении.

Внутри титула расположены отдельные конституции в хронологическом порядке. Каждая конституция имеет в начале inscriptio - т. е. указание имени издавшего ее императора и имени того, кому она была адресована, а в конце subscriptio - т. е. обозначение даты, когда она была издана, причем эта дата обозначается именами бывших в то время консулов. В современных изданиях конституции внутри каждого титула перенумерованы, а более длинные разделены на параграфы.

В общем подходе, тексты предположительно сохранялись неизменными, но однозначно судить об этом тождестве невозможно из-за отсутствия сопоставительных текстов.

4. Четвертую часть Юстиниановского законодательства составляют Новеллы (Novellae). Собрание Новелл, которые считаются условно дополнительной четвертой частью Свода Юстиниана, было связано уже с частной систематизаторской деятельностью после смерти императора. Помимо обобщения императорских постановлений, в них есть эдикты начальников крупных провинций и вообще многое в их содержании касалось управления провинциями.

Официального собрания новелл, изданных Юстинианом, мы не имеем, но до нас дошли некоторые частные сборники их. Древнейший сборник этого рода принадлежит Константинопольскому профессору Юлиану, составлен он был около 556 г. и содержит в себе 122 новеллы Юстиниана; сборник этот обычно называется *epitome Juliani*. Кроме него, уже глоссаторам было известно другое собрание из 134 новелл, изданных между 535-556 гг., собрание, которому дано было имя *Authenticum*. Наконец, еще позже стало известно третье собрание, содержащее 168 новелл на греческом языке. В современных изданиях новеллы перенумерованы; каждая из них состоит из введения (*praefatio*), текста и заключения (*epilogus*);

текст разделяется на главы (*caput*). Способ цитирования: Nov 118 cap. 4.

Таков общий состав Юстиниановского *Corpus Juris Civilis*. Целиком - в одной рукописи он до нас не дошел, но мы имеем рукописи отдельных частей его.

*Institutiones* дошли до нас во множестве рукописей, не восходящих, впрочем, далее IX века. Наиболее ценной является рукопись Туринская: в ней, кроме текста Юстиниановских Институций, мы находим глоссы, т. е. толкования к тексту, из которых некоторые восходят ко времени самого Юстиниана.

Для Дигест мы имеем прекрасную рукопись VI или начала VII века. До 1406 г. она находилась в г. Пизе, а в этом году была отнята Флоренцией, где и хранится до сих пор, почему называется *Florentina*. Когда в XI столетии возобновилось изучение римского права и возник большой спрос на списки Дигест, появилось большое количество рукописей, многие из которых дошли и до нас; все эти позднейшие списки носят название *lectio Vulgata*. Источником своим они имеют Флорентину, но есть следы пользования рядом с Флорентиной и какой-то другой рукописью, нам неизвестной. В это время, однако, Дигесты циркулируют не как нечто единое и цельное, а в виде трех разорванных частей: *Digestum vetus*, *Infortiatum* и *Digestum novum*. Чем вызвано такое странное разделение, неизвестно.

Рукописи Кодекса очень рано стали подвергаться различным сокращениям: выпускались греческие конституции, вычеркивались и многие латинские. Тогда же были вовсе заброшены 3 последние книги, и под именем Кодекса разумелись только первые 9 книг. Когда же эти 3 последние книги стали снова циркулировать, то еще долго носили особое заглавие *Tres libri*. Рукописей кодекса мы тоже имеем довольно много, так что из сопоставления их можем устранить все сокращения и выпуски и установить более или менее подлинный текст. Лучшими из рукописей признаются Веронская VIII столетия, Парижская и Дармштадтская.

Тотчас же после изобретения книгопечатания рукописи отдельных частей *Corpus* заменяются печатными изданиями, причем первые из них являются простой перепечаткой циркулировавших рукописей, так что древнейшие печатные издания состоят из 5 томов: I том содержит *Digestum vetus*, II - *Infortiatum*, III - *Digestum novum*, IV - девять первых книг Кодекса, V - три последние книги Кодекса, Новеллы и *Institutiones*. Эти печатные издания воспроизводят текст с глоссами, т. е. с толкованиями средневековых ученых, которые писались на полях вокруг текста. В 1525 г. появляется первое издание одного текста без глосс.

В V веке в результате многовекового развития назрела насущная необходимость в полном и официальном пересмотре всей правовой системы, потребность иметь какой-либо единый сборник права, единый свод, в котором было бы суммировано все предыдущее законодательство и который

мог бы служить твердым основанием при отправлении правосудия.

Огромная заслуга в переработке как существующих конституций, так и юридической литературы в единый, цельный свод, притом в очень широком масштабе, принадлежит Юстиниану. Свод Юстиниана или Кодификация Юстиниана по праву считается наиболее ценным памятником юриспруденции. Кодификацию Юстиниана отличали широкая творческая основа, огромное количество источников, серьезность, последовательность их обработки.

Начиная с XII в. весь Юстиниановский Свод стал называться общим именем *Corpus Juris Civilis*, под которым названием он известен и теперь. Законодательство Юстиниана завершило развитие римского права.

### Литература

1. Покровский И. А. История римского права. - М.: Статус, 2004.
2. Омельченко Олег Анатольевич - Всеобщая история государства и права. Том 1. 2000
3. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. - М., 1956.
4. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. - М., 1996
5. Кулаковский Ю. А. История Византии. 518-602 гг. - СПб., 1996. Т. 2.

### History of codification of justinian i, composition and general characteristic of the vacas

Chernogorova V.S., Shagaev V.A.

RTU MIREA.

The article briefly outlines the prerequisites for the implementation of the systematization of Roman law, the history and procedure for its implementation. The following is a description of the constituent parts of the systematization: Institutions, Codex, Digest and Novellas and in what form they have come down to our time.

Key words: Roman law, codification, Civil Code, Justinian I, Digests, Institutions, Novels.

### References

1. Pokrovsky I. A. History of Roman law. - M.: Status, 2004.
2. Omelchenko Oleg Anatolyevich - General history of state and law. Volume 1.2000
3. Peretersky IS Digests of Justinian: Essays on the history of compilation and general characteristics. - M., 1956.
4. Agathius of Mirine. On the reign of Justinian / Per. M.V. Levchenko. - M., 1996
5. Kulakovskiy Yu. A. History of Byzantium. 518-602 biennium - SPb., 1996.Vol. 2.

# ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЯВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ», ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ И РАЗНОВИДНОСТИ.

**Шахимарданов Эркинжон Тулкунович**  
студент Института экономики и права РТУ-МИРЭА

**Бабаев Рафаэль Гюльмамед оглы,**  
к.ю.н., старший преподаватель кафедры Интеллектуальных  
прав РТУ-МИРЭА

Происходящие в мире события не могут не отразиться на политической жизни общества. От политического режима в стране зависит многое: степень обеспеченности граждан правами и свободами, методы и способы осуществления государственной власти и т. д. И все это касается каждого из нас. В настоящей статье будет рассмотрен исторический аспект появления понятия «антидемократический режим», выявлены его характерные признаки и разновидности.

**Ключевые слова:** антидемократический режим, политический режим, авторитаризм, тоталитаризм, теория государства и права.

«Изучение такого понятия как «политический режим» на протяжении значительного времени привлекает к себе интерес общественных наук, в частности, теории государства и права. Такое внимание объясняется тем, что современная научная общественность стремится к разработке нового и прогрессивного его видения. Политический режим представляет собой социально значимый и необходимый элемент формы государства, который оказывает влияние не только на теорию, но и на практику. Стремительные поиски прослеживаются также и со стороны политической науки, что способствует всестороннему изучению проблемы.»<sup>4</sup>

Впервые, понятие «политический режим» было употреблено в западной литературе, уже в XIX веке. В научном обороте, оно появилось позднее, лишь во второй половине XX в. Одним из первых, кто дал определение «политического режима», стал французский юрист, профессор социологии – Морис Дюверже. Он писал: «В широком смысле политическим режимом называют форму, которую принимает в данной социальной группе различие управителей и управляемых... Режим – это также определенное сочетание системы партий, способа голосования, одного или нескольких типов принятия решений, одной или нескольких групп давления.»<sup>5</sup> Французский ученый-политолог Жан-Луи Кермонн дополнил определение Дюверже, добавив в понятие «политический режим» партийную систему, форму и роль государства, структуру институтов принцип легитимности.

С течением времени рассматриваемое определение видоизменилось, но в целом смысл остался прежний: «Политический режим – система приемов, методов, форм, способов осуществления политической (включая государственную) власти в обществе.»<sup>6</sup> Таким образом, понятие «политический режим» в узком смысле слова (совокупность приемов и способов государственного руководства) и в широком своем понимании (уровень гарантированности демократических прав и политических свобод личности, степень соответствия официальных конституционных и правовых форм

<sup>4</sup> См.: Горелов А.А., Горелова Т.А. Предпосылки становления гражданского общества // Politbook, 2012-№2. – С. 36

<sup>5</sup> См.: Мельвиль А.Ю. [и др]. Политология: учеб. –М.: Изд-во Проспект, 2008. – С. 90

<sup>6</sup> См.: – URL: [http://yuridicheskaya\\_encyclopediya.academic.ru/8011/ПОЛИТИЧЕСКИЙ](http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8011/ПОЛИТИЧЕСКИЙ). (дата использования 23.04.19)

политическим реалиям, характер отношения властных структур к правовым основам государственной и общественной жизни).»<sup>7</sup>

Для того чтобы понять какой политический режим установлен в той или иной стране, нужно рассмотреть основные признаки политического режима, а именно:

1. Степень участия граждан в политической сфере;
2. Гарантированность прав и свобод человека, баланс между правами и свободами человека/гражданина и государства;
3. Характеристика механизмов осуществления власти;
4. Характер взаимоотношений между центром и органами местного самоуправления;
5. Разделение властей. Соотношение между собой ветвей власти;
6. Степень свободы слова в обществе, положение СМИ;
7. Характер политического лидерства;
8. Доминирование определенных методов при осуществлении политической власти;
9. Степень политического плюрализма;
10. Положение и роль в обществе «силовых» структур (органы государственной безопасности, армия, органы внутренних дел).

«Учёный М. Н. Марченко справедливо констатирует, что особенностью государственного режима, представляется умение с правовой позиции, оперативно реагировать на социально-политические и другие виды изменений, происходящие внутри деятельности всего государства в целом. Непосредственно о характере режима, существующего в той или иной стране, могут свидетельствовать разнообразные факторы. Однако наиболее важными являются: во-первых способы и порядок образования государственной власти, управление и правосудие; во-вторых, порядок распределения между различными государственными органами компетенции и характер их взаимоотношений; в-третьих, степень реальности прав и свобод граждан; роль права в жизни общества и в решении государственных дел. Основная его направленность заключается в том, чтобы максимально охватить возможные способы, при помощи которых будут функционировать государственные органы, уполномоченные от имени государства властью осуществлять контроль над обеспечением правопорядка в обществе.»<sup>8</sup>

А сколько же в современном мире существуют политических режимов? На сегодняшний день правовой науке известно более двух десятков разновидностей политических режимов, каждый из которых имеет свои специфические особенности. «Типология политических режимов может строиться на основании различных подходов к определению данной категории. В этом вопросе существует

очень много мнений, часто противоположных. Например, Роберт Даль, определяя типы политических режимов, опирается на следующие критерии: степень участия граждан в управлении страной и возможность конкурировать в борьбе за власть. Он различает полиархию, соревновательную олигархию и гегемонию двух видов – закрытую и открытую. Последняя накладывает самые жесткие ограничения. Гегемонии запрещают даже малейшее проявление оппозиции. Олигархии допускают конкуренцию, но только такую, которая не выходит за рамки элиты. К демократии ближе всего стоят полиархии. Кроме того, существуют еще и смешанные типы политических режимов.»<sup>9</sup>

«Широкое распространение получила типология политических режимов, предложенная американским политологом Хуаном Линцем, который в качестве критериев выбирает степень политического участия граждан, уровень политического плюрализма, степень идеологизированности масс и, наконец, конституционность самой власти, то есть степень соответствия декларируемой политической «формы» реальному политическому «содержанию.»<sup>10</sup>

Но чаще всего политический режим разделяют на: демократический и антидемократический (который включает в себя тоталитарный и авторитарный). «Политический режим прежде всего зависит от того, какими методами в государстве осуществляется политическая власть. Если это методы убеждения, согласования, законности, парламентаризма, если применяется только правовое принуждение, то налицо прогрессивный, демократический режим. Когда же на первый план выходят методы насилия, в государстве складывается режим реакционный, антидемократический.»<sup>11</sup>

«Сущность демократии проявляется в том, что государственная власть выражает волю большинства населения при обязательном признании и защите прав меньшинства. Права и свободы человека не только закреплены законом в качестве высшей ценности, но и реализуются в качестве таковых на практике. Государство не вмешивается в частную жизнь граждан. Регулярно проводятся выборы должностных лиц, функционируют институты непосредственной демократии. Для демократического режима характерны независимые средства массовой информации, многопартийность, отсутствие единой официальной идеологии, политическое и идеологическое многообразие, существование легальной оппозиции действующей власти, реальное разделение властей. Обязательный атрибут демократии - рыночная экономи-

<sup>7</sup> См.: Лазарев В.В. Общая теория права и государства: Учебник /3-е изд., перераб. и доп. –М.: Юрист, 2001. – С. 162

<sup>8</sup> См.: Назаренко О.А. Политический режим: теоретико-правовая характеристика // Politbook, 2013-№2. – С. 168

<sup>9</sup> См.: Бабина И. Типы политических режимов // 2012. URL: <http://fb.ru/article/43807/typy-politicheskikh-rejimov> (дата обращения 23.04.19)

<sup>10</sup> См.: Обухов И. Большие братья: классификация политических режимов // 2016. URL: <https://sputnikpogrom.com/politics/54015/big-brothers/> (дата обращения 23.04.19)

<sup>11</sup> См.: Алексеев С.С. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / 3-е издание, Изд. – НОРМА, 2005 г. – С. 161

ка, гарантирующая право частной собственности и свободу предпринимательской деятельности.»<sup>12</sup>

Антидемократический режим – политический режим, при котором органы власти (чаще всего это диктатор или узкая правящая группировка) не учитывают интересы населения и не соблюдают права и свободы граждан.

Характерные признаки такого режима:

1. Власть осуществляет правящая группировка или диктатор;
2. Ограничение прав и свобод человека и отсутствие гарантий их соблюдения;
3. Полный контроль государства над различными сферами общественной жизни;
4. Жесткая цензура в обществе, СМИ;
5. Огосударствление общественных организаций;
6. Применение методов насилия, принуждения;
7. Запрет любых идеологий, кроме официально установленной;
8. Ярко выраженный монополизм, как правило, опирающийся на плановую экономику;
9. Не учитываются религиозные убеждения людей;
10. Отсутствует политический плюрализм.

Антидемократические режимы могут внешне имитировать верховенство демократических ценностей, а по факту игнорируют их. Виды антидемократических режимов, а также их характерных признаках мы подробнее рассмотрим чуть ниже.

Авторитарный режим

«Одним из наиболее распространенных в истории типов политической системы является авторитаризм. По своим характерным чертам он занимает промежуточное положение между тоталитаризмом и демократией. С тоталитаризмом его роднит обычно автократический, не ограниченный законами характер власти, с демократией – наличие автономных, не регулируемых государством общественных сфер, особенно экономики и частной жизни, сохранение элементов гражданского общества.»<sup>13</sup>

Авторитарный режим – недемократический государственный строй, власть в котором осуществляет конкретное лицо (класс, партия элитная группа и другие) при минимальном участии граждан. Термин «авторитаризм» впервые был введен в научное обращение учёными Франкфуртской школы.

Советский и российский учёный-юрист Нерсесянц В. С. считает, что: «В том или ином виде авторитарный режим складывается везде там, где нет достаточно развитого гражданского общества и правового государства с присущими им формами, принципами, нормами, процедурами и механизмами утверждения господства права и правовой законности, гарантий защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина, пресечения

и обуздания произвола государственной власти, постоянного и эффективного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц.»<sup>14</sup>

«Руководство различными сферами жизни общества при авторитаризме не столь тотально, нет строго организованного контроля над социальной и экономической инфраструктурами гражданского общества, над производством, профсоюзами, учебными заведениями, массовыми организациями, средствами массовой информации. Авторитария не требует демонстрации преданности со стороны населения, как при тоталитаризме, ей достаточно отсутствия открытого политического противостояния. Однако режим беспощаден к проявлениям реальной политической конкуренции за власть, к фактическому участию населения в принятии решений по важнейшим вопросам жизни общества, поэтому авторитаризм подавляет основные гражданские права.»<sup>15</sup>

Исходя из вышеизложенного, перечислим характерные авторитаризму черты:

1. Власть сосредоточена в руках одного человека или группы лиц. Носитель власти, как правило, монарх, харизматический лидер или военная хунта;
2. Существует официальная идеология (хотя и не всегда), однако допускаются иные политические течения, которые лояльны к правящему режиму;
3. Государство, как правило, контролирует исключительно политическую сферу общества, не затрагивая иные (культурную сферу, частную жизнь);
4. Существует цензура над СМИ;
5. Права и свободы граждан ограничены в политической сфере;
6. Используются силовые структуры для удержания власти;
7. Полный или частичный запрет оппозиционных сил (как правило, допускается оппозиция, которая сохраняет лояльность правящему режиму);
8. Гражданское общество, профсоюзы и др. могут существовать, но зависят от власти;
9. Применяется практика избирательного террора;
10. Элита формируется путем назначения сверху;
11. Режим, как правило, существует при унитарной форме государственного устройства с жесткой централизацией власти.

Авторитарных режимов довольно много. Например, военно-диктаторский режим, который существовал во многих странах Латинской Америки, а также в Испании, Греции, Португалии. Другим подвидом авторитаризма является теократический режим, суть которого понятна из названия: власть принадлежит религиозной группе. Примером дан-

<sup>12</sup> См.: Дяконов В.В. Учебное пособие по теории государства и права. // Учебное пособие, 2010. – С. 33

<sup>13</sup> См.: Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. // 4-е изд., перераб. и доп. –М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 196

<sup>14</sup> См.: Нерсесянц В.С. Теория права и государства: Краткий учебный курс // –М.: изд. Норма, Инфра-М, 2013. – С. 66

<sup>15</sup> См.: Баранов Н.А., Пикалов Г.А. Теория политики: Учебное пособие // В 3-х ч. –СПб.: Изд-во БГТУ, 2003. – С. 150

ного режима может служить Иран. Деспотический режим, высший руководитель в котором опирается на произвол и клановые, семейные структуры (примером деспотии являются: Древний Египет, Китай, Индия). Другой разновидностью является персональная тирания. При этом режиме неограниченная власть принадлежит лидеру (тирану) - режим М. Каддафи в Ливии и С. Хусейна в Ираке до 2003 года. Конституционно-авторитарный режим подразумевающий сосредоточение власти в руках одной партии (хотя формально действует многопартийная система). Этот режим существует в современной Мексике. Еще одной категорией авторитарных режимов является абсолютная монархия (в основном это арабские страны: Саудовская Аравия, Иордания, Марокко).

Преимущество авторитарного режима в том, что в условиях кризисной ситуации он способен решать прогрессивные задачи, такие как: обеспечение политической и экономической стабильности, наведение общественного порядка, мобилизация общественных ресурсов для решения задач связанных с последующим выходом страны из кризиса. Так, авторитаризм был «популярным» во многих странах после Второй Мировой, на фоне сложившихся в мире острых экономических и социальных противоречий.

Тоталитарный режим

«Тоталитарный режим – крайнее проявление авторитарного режима, в котором государство стремится абсолютно (полно) контролировать различные аспекты жизни каждого человека и общества в целом, достигая своей цели посредством принуждения населения.»<sup>16</sup>

Понятие «тоталитаризм» было введено в оборот идеологом итальянского фашизма Дж. Джендилье в первой половине XX в. А в 1925 году это слово прозвучало в итальянском парламенте во время выступления лидера итальянского фашизма Бенито Муссолини.

«Становление тоталитаризма осуществлялось по следующим основным направлениям: открытое нарушение и попрание демократических прав и свобод; преследование и запрещение оппозиционных политических партий, общественных организаций; слияние государственного аппарата с монополиями; огосударствление частного капитала; милитаризация государственного аппарата; упадок роли центральных и местных представительных учреждений; рост дискреционных полномочий исполнительных органов государственной власти; консолидация ранее разрозненных фашистских и реакционно-экстремистских партий и организаций; возникновение различного рода правоэкстремистских движений (Итальянское социальное движение и др.); сращивание партий и профсоюзов с государственным аппаратом.

Наиболее откровенной, циничной и жестокой формой тоталитарного режима является фашизм.

При установлении фашизма к власти приходит самая реакционная часть общества, которая устанавливает режим прямого произвола и беззакония. Социальной базой фашистских движений является прежде всего мелкая буржуазия. К ней примыкают различного рода деклассированные элементы, а также значительная часть безработных. Но это вовсе не означает, что при установлении фашизма к власти приходит мелкая буржуазия. Власть остается в руках наиболее реакционных элементов все той же политической и экономической элиты. Что же касается мелкобуржуазного происхождения многих фашистских вождей (Муссолини - сын кузнеца, Гитлер - сын сапожника, ставшего затем таможенным чиновником), наличия выходцев из этой среды на важных государственных постах, то это никак не меняет сущности механизма фашистской диктатуры.

Фашизм не только уничтожает демократию целиком, но и теоретически "обосновывает" необходимость установления тоталитаризма.»<sup>17</sup>

В каждой стране, где возникал тоталитарный режим, он имел свои особенности. Однако можно сформулировать общие черты для всех форм тоталитаризма. К их числу можно отнести:

1. Установление единой государственной идеологии, наличие других идеологий запрещено;
2. Жёсткая цензура в СМИ;
3. Государство контролирует все сферы общественной жизни;
4. Культ личности вождя;
5. Однопартийность;
6. Права и свободы человека и гражданина носят формальный характер, отсутствуют четкие гарантии их реализации;
7. Преследование инакомыслия, применение тотальных репрессий;
8. Доминирующим методом управления становится насилие, принуждение, террор;
9. В государстве, как правило, существует командно-административная экономика.

Как и у авторитарного режима, тоталитарный режим имеет множество разновидностей, однако многие ученые, в том числе и политолог В. А. Белаяев, выделяют 3 основных вида:

«Коммуно-большевизм (военный коммунизм 1918-21 гг. и сталинизм 1929-56 гг. в СССР; его аналоги вплоть до маоизма в Китае и полпотовщины в Кампучии, обычно называемые социалистическими обществами (socialist societies));

Фашизм (fascism – корпоратистская политическая система, существовавшая в муссолиниевской Италии в 1922-43 гг., и ее аналоги: фалангизм в Испании и салазаризм в Португалии, связанные с наличием крупной колониальной империи, подпитывавшей эти режимы);

Национал-социализм (господствовавший в нацистской Германии в 1933-45 гг.). Его специфика во многом сходна с итальянским фашизмом (край-

<sup>16</sup> См.: Юкласова А.В. Типология политического режима // Вестник Самарского государственного университета, 2014-№8. – С. 205

<sup>17</sup> См.: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов // 17-е издание, исправленное и дополненное. Издат. «Статут», 2013. –С. 73

ний национализм, попытки регулирования экономики и религии при сохранении частной собственности и монополий, традиции прусской военщины, опора на бюргеров, ликвидация массовой преступности и безработицы), кое в чем – с коммуно-большевизмом (“социалистическая” атрибутика и символика: красный флаг, обращение “геноссе”, строение партии, название партии НСДАП как “рабочей и социалистической”), но имелись и экзотические признаки.»<sup>18</sup>

В настоящее время термин «тоталитаризм», чаще всего, применяют к режимам И. Сталина в СССР, А. Гитлера в Германии и Б. Муссолини в Италии. Многие авторы также относят к тоталитарным режимы Франко в Испании, Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в Северной Корее, Салазара в Португалии, Хомейни в Иране, талибов в Афганистане, Мао Цзэдуна в КНР, Саддама Хусейна в Ираке, Хо Ши Мина во Вьетнаме, Ахмета Зогу и Энвера Ходжи в Албании, Сапармурата Ниязова в Туркменистане («Ниязов был образцом советского политика, носителем советской политической культуры, притом что общество, которым он управлял, являлось квинтэссенцией традиционности. Это превратило постсоветскую Туркмению в симбиоз восточной деспотии и тоталитаризма. Термин „тоталитаризм“ на постсоветском пространстве приемлем только для Туркмении при правлении Сапармурата Ниязова.»<sup>19</sup>), и другие.

Подведем итоги. В теории государства и права термин «политический государственный режим» имеет два значения: в узком смысле слова – это совокупность приемов и способов государственного руководства; в широком понимании – уровень гарантированности демократических прав и политических свобод личности, степень соответствия официальных конституционных и правовых форм политическим реалиям, характер отношения властных структур к правовым основам государственной и общественной жизни.

Большинство ученых выделяют три основных типа политического режима: демократический и два антидемократических: авторитарный и тоталитарный соответственно.

Авторитарный политический режим имеет такие особенности: власть сосредоточена в руках одного человека или группы лиц; государство контролирует в большей степени политическую сферу общества; существует цензура в СМИ; допускаются различные политические течения, которые лояльны к правящему режиму; Полный или частичный запрет оппозиционных сил (как правило, допускается оппозиция, которая сохраняет лояльность правящему режиму); существуют гражданское общество, профсоюзы и др., которые подвластны государству; характерна практика избирательного террора. Но это не значит, что тоталитаризм и ав-

торитаризм единое целое, ведь между ними имеются существенные различия.

Для тоталитаризма характерны следующие особенности: неправовой характер государства; отсутствие принципа разделения властей; монопольный контроль над производством и экономикой, СМИ, полицией, армией, органами государственной безопасности и всеми сферами жизни общества; срастание воедино партийной и государственной власти; культ личности вождя; однопартийная монопольная система; запрет любых идеологий кроме официально установленной; система массового террора; контроль над СМИ.

Также не всегда можно однозначно определить какой политический режим установлен в определенном государстве, так как почти все государства кроме основных черт, влияющих на политический режим, имеют различные черты характерные для других режимов.

Политический режим – динамичное, постоянно дополняющееся и изменяющееся явление. Он развивается в зависимости от условий в современном мире, и в отдельной стране в целом. Как показывает практика последних десятилетий в мире происходит демократизация государств, в которых присутствуют жесткие формы правления, это можно заметить и по России, в которой не так давно существовал жесткий тоталитарный режим.

## Литература

1. Алексеев С. С. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / 3-е издание, Изд. – НОРМА, 2005 г. – 458 с.
2. Баранов Н. А., Пикалов Г. А. Теория политики: Учебное пособие // В 3-х ч. –СПб: Изд-во БГТУ, 2003. – 411 с.
3. Беляев В. А. Политология. Учебный курс. Часть 1. // В 2-х частях. Изд.3-е, доп. –Казань: КГТУ им.Туполева, 2004. – 127 с.
4. Диаконов В. В. Учебное пособие по теории государства и права. // Учебное пособие, 2010. – 147 с.
5. Лазарев В. В. Общая теория права и государства: Учебник / 3-е изд., перераб. и доп. –М.: Юрист, 2001. – 520 с.
6. Мельвиль А. Ю. [и др]. Политология: учеб. – М.: Изд-во Проспект, 2008. – 618 с.
7. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов // 17-е издание. Издат. «Статут», 2013. – 520 с.
8. Нерсисянц В. С. Теория права и государства: Краткий учебный курс // –М. изд. Норма, Инфра-М, 2013. – 210 с.
9. В. П. Пугачев, Соловьев А. И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. // 4-е изд., перераб. и доп. –М.: Аспект Пресс, 2004. – 479 с.
10. Горелов А. А., Горелова Т. А. Предпосылки становления гражданского общества // Politbook, 2012-№ 2.

<sup>18</sup> См.: Беляев В.А. Политология. Учебный курс. Часть 1. // В 2-х частях. Изд.3-е, доп. – Казань: КГТУ им.Туполева, 2004. – С. 102

<sup>19</sup> См.: Малашенко А. В. Туркмения: была ли оттепель? // Брифинг. Т. 14. вып. 4. –М.: Московский центр Карнеги, 2012. – С. 2

11. Малашенко А. В. Туркмения: была ли оттепель? // Брифинг. Т. 14. вып. 4. – М.: Московский центр Карнеги, 2012.

12. Назаренко О. А. Политический режим: теоретико-правовая характеристика // Politbook, 2013-№ 2.

13. Юкласова А. В. Типология политического режима // Вестник Самарского государственного университета, 2014-№ 8.

14. Бабина И. Типы политических режимов // 2012. – [электронный ресурс] – URL.: <http://fb.ru/article/43807/tipyi-politicheskikh-rejimov> (дата обращения 25.04.17)

15. Обухов И. Большие братья: классификация политических режимов // 2016. – [электронный ресурс] – URL.: <https://sputnikipogrom.com/politics/54015/big-brothers/> (дата обращения 25.04.17)

16. Юридическая энциклопедия: «политический режим» // 2015. – [электронный ресурс] – URL.: [http://yuridicheskaya\\_encyclopediya.academic.ru/8011/POLITICHESKIY](http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8011/POLITICHESKIY) (дата обращения 23.04.17).

**The historical aspect of the emergence of the concept of "anti-democratic regime", its characteristic features and varieties.**

**Shakhimardanov E.T., Babaev R.G.**  
RTU-MIREA

The events taking place in the world cannot but affect the political life of society. Much depends on the political regime in the country: the degree of provision of citizens with rights and freedoms, methods and ways of exercising state power, etc. And all this concerns each of us. This article will consider the historical aspect of the emergence of the concept of "anti-democratic regime", identify its characteristic features and varieties.

**Key words:** anti-democratic regime, political regime, authoritarianism, totalitarianism, theory of state and law.

#### References

1. Alekseev S. S. Theory of state and law: Textbook for law schools and faculties / 3rd edition, Ed. - NORMA, 2005 - 458 p.
2. Baranov N. A., Pikalov G. A. The theory of politics: a textbook // In 3 hours - St. Petersburg: Publishing house of BSTU, 2003. - 411 p.
3. Belyaev V. A. Political science. Training course. Part 1. // In 2 parts. 3rd edition, add. –Kazan: KSTU named after Tupolev, 2004. - 127 p.
4. Diakonov VV Textbook on the theory of state and law. // Tutorial, 2010. -- 147 p.
5. Lazarev VV General theory of law and state: Textbook / 3rd ed., Revised. and add. –M.: Jurist, 2001. - 520 p.
6. Melville A. Yu. [And others]. Political science: textbook. –M.: Publishing house Prospect, 2008. - 618 p.
7. Mishin A. A. Constitutional (state) law of foreign countries: Textbook for universities // 17th edition. Publisher. "Statute", 2013. - 520 p.
8. Nersesyants VS Theory of law and state: A short training course // –M. ed. Norma, Infra-M, 2013. -- 210 p.
9. VP Pugachev, Soloviev AI Introduction to political science: A textbook for university students. // 4th ed., Rev. and add. –M.: Aspect Press, 2004. - 479 p.
10. Gorelov A. A., Gorelova T. A. Prerequisites for the formation of civil society // Politbook, 2012-№ 2.
11. Malashenko A. V. Turkmenistan: was there a thaw? // Briefing. Т. 14. isp. 4. –M.: Carnegie Moscow Center, 2012.
12. Nazarenko O. A. Political regime: theoretical and legal characteristics // Politbook, 2013-№ 2.
13. Yuklasova A. V. Typology of the political regime // Bulletin of the Samara State University, 2014-№ 8.
14. Babina I. Types of political regimes // 2012. - [electronic resource] - URL.: <http://fb.ru/article/43807/tipyi-politicheskikh-rejimov> (date of access 25.04.17)
15. Obukhov I. Big Brothers: classification of political regimes // 2016. - [electronic resource] - URL.: <https://sputnikipogrom.com/politics/54015/big-brothers/> (date of access 25.04.17)
16. Legal encyclopedia: "political regime" // 2015. - [electronic resource] - URL.: [http://yuridicheskaya\\_encyclopediya.academic.ru/8011/POLITICAL](http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8011/POLITICAL) (date of access 23.04.17).

# АДМИНИСТРАТИВНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО

**Комилжонов Рафаэль Исламович**

студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

**Шагаев Виктор Алексеевич,**

к.ю.н., доцент, доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

Статья посвящена одному из самых выдающихся государственных деятелей средневековой Франции королю Людовике IX Святом и комплексу осуществленных им административных, правовых и судебных реформ, обеспечивших в итоге формирование единого централизованного национального государства во Франции.

**Ключевые слова:** Франция, Людовик IX, реформы, баллы, легисты, парламент.

В истории бывают люди, которые собой, своей жизнью и деятельностью, определяют лик целой эпохи, и когда они уходят из жизни, то как будто меняется дух времени. К таким людям относится, несомненно, и король Людовик IX (1214-1270), без которого трудно себе представить не только французский, но и вообще западноевропейский XIII век и который был символом французской монархии на протяжении всех лет ее существования после него. Приобретая ореол святости еще при жизни и канонизированный Католической Церковью вскоре после смерти (1297 г.), он воплощал в себе лучшие черты феодального сюзерена, рыцаря и христианина. Поэтому уже для многих современников он был идеальным королем, и со временем притягательность его личности только возрастала, причем не вовсе потому, что он был причислен к лику святых. Как писал в начале XX в. французский историк О. Молинье, «в суждениях о Людовике Святом царит полное единодушие, все отдавали дань уважения его благоразумию и чувству чести; в отличие от большинства своих предшественников и потомков он всегда прислушивался к голосу совести и в политике следовал нормам справедливости»<sup>20</sup>. Даже современные историки, имеющие возможность критически оценить на основании многих документов политическую деятельность этого короля (что, конечно, они и делают), не вносят диссонанса в традиционно пиететное отношение к нему.

Людовик IX, король Франции, сын Людовика VIII и Бланки Кастильской. После того как в 1226 умер Людовик VIII, его искусенная в делах управления вдова стала регентом на время несовершеннолетия короля. С 1236 Людовик правил самостоятельно, но продолжал советоваться с матерью до самой ее смерти. Однако в 1244 он – вопреки желанию матери и министров – принял обет отправиться в крестовый поход. В 1248 Людовик с 35-тысячным войском отплыл из Франции и прибыл вначале на Кипр, откуда после колебаний направился в Египет, с тем чтобы разгромить мусульман и вынудить их ослабить давление на христианские области в Палестине. Вначале крестоносцам удалось овладеть Дамьеттой в дельте Нила, но попытки продвинуться в глубь страны закончились в 1250 сокрушительным поражением при Эль-Мансуре, в результате которого король и его войско попали в плен. После долгих переговоров ко-

<sup>20</sup> Цитата по Альберт Гарро. Людовик Святой и его королевство. 2002, 34 с.

ролю и его приближенным удалось выкупиться, и тогда Людовик отправился в Палестину, где провёл ещё четыре года, укрепляя города и пытаясь обеспечить позиции христиан дипломатическим путем. Лишь в 1254 Людовик вернулся в Париж; возвращение было отчасти ускорено смертью в 1252 его матери, остававшейся регентом на время отсутствия короля. В начале правления Людовика его мать подавила мятеж знати и распространила королевскую власть на владения крупных феодалов. Под прямую власть короны попало крупное графство Тулузское.

Людовик был известен набожностью, милосердием, строгими нравами. 44 года правления Людовика оказались достаточно мирными для Франции. В 1297 он был канонизирован при папе Бонифации VIII.

При Людовике улучшилась система внутреннего управления. Хотя было заведено не так уж много новых учреждений, происходило развитие прежних, расширялись их полномочия. В частности, стремительно развивались королевское судопроизводство, налогообложение, совершенствовалась организация военного дела. Феодалный двор короля, разделялся на группы, каждая из которых выполняла свои функции. Развивалось местное самоуправление, на места рассылались королевские чиновники для проверки и рассмотрения жалоб. Хотя Людовик многое делал для укрепления королевской власти, ему все же не удалось воспользоваться слабостью английского короля Генриха III, чтобы завершить отвоевание т.н. Ангевинской державы (английских владений во Франции). Вместо этого он пошел на заключение Парижского мира (1259), по условиям которого Аквитания и Гасконь признавались ленами английского короля в обмен на его отказ от притязаний на Нормандию, Анжу, Пуату и другие владения на севере Франции. В 1270 Людовик, уже будучи больным, настоял на том, чтобы встать во главе еще одного крестового похода против мусульман – на этот раз в Тунис. Но вскоре после прибытия в Африку, 25 августа 1270 г., Людовик умер от вспыхнувшей в лагере крестоносцев эпидемии чумы.

После краткой справки по биографии Людовика IX перейдем к его реформаторской деятельности. В 1247 году король предпринял обширные следствия по всем частям королевской администрации, приказав предоставить ему жалобы от населения на чиновников, собрать справки о злоупотреблениях чиновников. При королевском дворе появились должности следователей и ревизоров. Следствия производилось публично и стали далее проводиться регулярно.

В 1254 году были определены правила назначения на административные должности в королевстве. По этим правилам балье (королевский чиновник, обладающий судебной властью) был обязан при вступлении в должность давать клятву, что будет тщательно соблюдать права короля и местные вольности, что будет надзирать за подчиненными ему чиновниками и случае надобности ка-

рять их. Балье запрещалось получать подарки от населения и самому дарить подарки вышестоящим чиновникам и т. д.

В 1256 году вышел приказ, обязывающий ежегодно отдавать отчет о своих доходах и расходах королевским людям, назначенным на должность.

В 1258 году Людовик 9 своим указом запретил «судебный поединок» и «апелляцию путем вызова судей на дуэль» и установил право апелляции к королю. Роль апелляционного трибунала стал играть парламент.

В 1262 году совместно с участием глав городов составил «ордонанс о денежной системе», который упорядочил заведование коммунальной казной и определял правила взаимодействия между администрацией короля и администрацией коммун. Финансовые документы того времени говорят, что расходы в королевской семье были равны получаемым доходам. Если были излишки, их направляли на строительство церквей и благотворительность.

Монетная реформа состоялась в 1263 году. Людовик IX восстановил обращение золотой и серебряной монеты, которая к этому времени почти исчезла, были определены их проба и вес, а также узаконено внешнее оформление. Сеньорские монеты, которые выпускали некоторые вассалы короля, должны были отличаться от королевских. Сеньоры должны были обеспечить хождение королевской монеты на своей территории.

Законодательным актом короля было запрещено ростовщичество. Законы предписывали частичную конфискацию имущества ростовщиков-иудеев и имущества задолжавших христиан. Несколько раз евреи-ростовщики изгонялись из королевства. Запрет на ростовщичество коснулся так же христиан-итальянцев, их так же изгоняли из королевства, если они нарушали закон.

Была создана городская полиция, формировались отряды наемников. В результате король в меньшей степени стал зависеть от феодального ополчения, более эффективно использовал вооруженные силы в борьбе с непокорными вассалами. Стремясь обуздать феодальную междоусобицу, Людовик IX запретил частные войны в королевском домене. На остальной территории вводились так называемые 40 дней короля. В течение этого срока феодалы не могли начинать военные действия, с тем, чтобы любая из спорящих сторон могла перенести спор в суд короля. Новый порядок существенно усиливал позиции королевской власти.

Из указов Людовика IX: «Мы всем возбраняем побоища во всех наших владениях, но отнюдь не отменяем исков, возражений, договоров, ни всяких иных условий, какие заключаются в светском суде, но только отменяем бои и взамен битв устанавливаем доказательства через свидетелей».<sup>21</sup>

Много сделал Людовик и для реформы судебного производства. Он ввел в Парижском парла-

<sup>21</sup> Цитата по Альберт Гарро. Людовик Святой и его королевство. 2002. 91 с.

менте **инквизиционный процесс со стадией предварительного следствия**, отказавшись от обвинительного процесса. Качество рассмотрения дел в королевском суде было значительно лучше, чем в местных феодальных судах, что способствовало повышению престижа и авторитета королевской власти. В судебном процессе в королевском суде стали принимать участие **адвокаты**, что положило начало развитию **института адвокатуры**. Людовик также создал во Франции и институт юрисконсультов, задачей которого стало оказание юридической помощи населению.

В 1260 году на базе королевской курии был создан специальный судебный орган - парламент, который собирался на сессии в Париже четыре раза в год и стал высшим судом во Франции, который рассматривал только тяжелые уголовные дела и земельные иски. Он состоял из назначаемых королем духовников, рыцарей, легистов - выпускников юридических факультетов университетов, активно поддерживавших королевскую власть. Первоначально короли участвовали в заседаниях Парижского парламента, но затем перестали их посещать.

Людовик Святой впервые в истории ввел институт апелляции. Он ввел правило, согласно которому недовольные решением местным судом получили право обжалования в высшем королевском суде. Таким образом, впервые в истории государства и права была создана судебная система с судами первой инстанции в лице местных судов и судами второй апелляционной инстанции в лице Королевского суда (парламента).

В судебных делах вошла в обиход письменная процедура, заимствованная из римского права. В курии образовался совет специалистов, куда привлекались главным образом правоведы - легисты для подготовки законов и судебных решений. Влияние легистов на государственную и правовую жизнь Франции все более возрастало, и в последующие столетия оно стало важным фактором перемен в институтах власти и доктрине власти короля.

Чтобы не допустить возможность баронам нарушать королевские законы, Людовик впервые в истории ввел **институт контроля и надзора**, создав новый институт государственной власти - **прокуратуру**. Первоначально была создана должность Парижского Прокурора. Однако вскоре стало ясно, что один Парижский прокурор не сможет обеспечить соблюдение законов во всей стране. Поэтому вскоре были учреждены должности прокуроров на местах. Таким образом, была создана централизованная система органов надзора за соблюдением законов.

**Таким образом**, в результате проведения многочисленных реформ Людовика IX Святого была создана **модель системы правоохранительных органов**, которая в последующее время была заимствована другими европейскими странами и в общих чертах продолжает существовать и в настоящее время.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить ту пылкость, активность и настойчивость Людовика Святого при осуществлении своего долга. Ведь вся его политическая и административная деятельность требовала огромного количества энергии.

Количество важных и необходимых реформ, проведенных Людовиком IX, положившие начало преодолению феодальной раздробленности и формирование единого централизованного национального государства во Франции, демонстрируют нам его любовь и патриотическое чувство по отношению к своей Родине.

## Литература

1. Альберт Гарро. Людовик Святой и его королевство. М., 2002. 154 с.
2. М. Н. Прудников. История государства и права зарубежных стран. Учебник. М., 2016, 791 с.
3. О. А. Омельченко. Всеобщая история государства и права. Том 1. М., 2000. 162 с.

## Administrative, legal and judicial reforms of St. Louis IX Komiljonov R.I., Shagaev V.A.

RTU MIREA.

The article is devoted to one of the most prominent statesmen of medieval France, King Louis IX Saint and the complex of administrative, legal and judicial reforms carried out by him, which eventually ensured the formation of a single centralized national state in France.

Key words: France, Louis IX, reforms, bailly, legists, parliament.

## References

1. Albert Garro. Saint Louis and his kingdom. M., 2002. 154 p.
2. M. N. Prudnikov. History of the state and law of foreign countries. Textbook. M., 2016, 791 p.
3. O. A. Omelchenko. General History of State and Law. Volume 1. M., 2000. 162 p.

# ПРОБЛЕМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Мустафаев Арслан Нариманович,**  
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

**Носов Денис Григорьевич,**  
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

**Рыжов Захар Александрович,**  
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

**Яицкий Александр Николаевич**  
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

Кравченко Олег Александрович,  
к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматривается дискриминация в сфере труда в Российской Федерации, правовые нормы, затрагивающие дискриминацию в сфере труда, а также судебная практика, связанная с дискриминацией в сфере труда. Отмечается, что в России существует реальная проблема дискриминации и от её решения будет зависеть производительность труда и рост экономики.

**Ключевые слова:** трудовое право, права и свободы человека, дискриминация в сфере труда, правовая культура, правовое сознание, коррупция, преступность, несовершенство законов.

Трудовое право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере трудовой деятельности. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ является основополагающим нормативным актом в этой сфере и основным источником российского трудового права. Нормы ТК РФ, касающиеся запрещения дискриминации в сфере труда, запрещения принудительного труда, социального партнерства в сфере трудовых отношений, трудового договора, времени труда и времени отдыха, ответственности работника и работодателя, и подобные являются обязательными для всех работодателей (юридических или физических лиц) независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

В Трудовом кодексе РФ содержатся нормы, касающиеся запрещения дискриминации в сфере труда. Согласно ст. 3 Трудового кодекса РФ каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника.

Несмотря на все законодательные запреты дискриминация остается актуальной проблемой в РФ. Еще несколько лет назад в объявлениях о приеме на работу многие работодатели прямо писали, кого ищут на ту или иную должность: мужчину или женщину, а также указывали «подходящий» возраст. В 2009-2010 годах Центр социально-трудовых прав и ВШЭ провел несколько исследований в крупных российских городах и выяснил, что такие требования встречались примерно в 70 % вакансий.

В Российской судебной практике довольно малое количество дел о дискриминации, статистика, в том числе судебная, по фактам дискриминации отсутствует. Дел, рассматриваемых по этим статьям, мало, а выигранных – единицы, в связи с этим некоторые считают, что в России нет дискриминации. Но малое количество дел можно обосновать несовершенностью судебной системы. Доказать факт дискриминации очень сложно, бремя доказывания лежит на пострадавшем, а не на том, кто эту дискриминацию допустил, а в качестве компенсации морального вреда в случае выигрыша дела

назначаются небольшие суммы. Но несмотря на это, люди пытаются отстаивать свои права и дела о дискриминации всё же можно найти в судебной практике. Одним из самых известных дел о дискриминации является дело Юрия Ступко в 2006 г.<sup>22</sup> Мужчина в возрасте 57 лет проходил собеседование на должность бухгалтера и получил отказ от работодателя, который заявил, что Юрий не подходит по возрастной категории. Подав заявление в суд, мужчина проиграл дело, но подав апелляцию, ему удалось выиграть дело в суде второй инстанции. 28 января 2008 года суд признал, что имела место дискриминация истца по возрастному признаку, и, следовательно, предприятие должно выплатить Ступко 290 тысяч рублей в счет возмещения материального ущерба и морального вреда. В конечном итоге, получить выигранную в суде сумму Юрию не удалось из-за действий фирмы-должника, но несмотря на это, дело в суде мужчины выиграл, что в делах о дискриминации встречается крайне редко. Так же одним из выигранных дел о дискриминации является дело бортпроводниц «Аэрофлота» Евгении Магуриной и Ирины Иерусалимской, которые обвинили авиакомпанию в дискриминации по внешности.<sup>23</sup> По словам женщин, для бортпроводниц старше 40 лет и крупнее 48 размера устанавливался более тяжёлый график работы. Женщинам удалось выиграть дело, доказав дискриминацию с помощью критериев, среди которых был возраст и физические данные, заработная плата бортпроводницам назначалась исходя из них. Оппоненты пытались доказать, что это не дискриминация, а требования к деловым качествам, но женщинам всё же удалось выиграть дело в суде второй инстанции, который обязал «Аэрофлот» отменить внутренние правила, по которым размер одежды бортпроводниц влияет на надбавку к зарплате, и обязал компанию компенсировать бортпроводницам материальный и моральный ущерб, но вместо требования 100 тысяч рублей, Евгения Магурина получила в качестве компенсации 5 тысяч рублей.

Одним из примеров решений судей не в пользу пострадавших от дискриминации может быть дело гражданина с иском к ОАО "Вагонреммаш". Гражданин Н. требовал установить факт дискриминации со стороны ответчика, признании незаконным и необоснованным отказ в заключении трудового договора, также требуя обязать работодателя заключить с ним трудовой договор. В качестве обоснования Н. ссылался на то, что ответчик абсолютно необоснованно отказал в заключении договора. По мнению гражданина Н. ответчик отказал ему в приеме на работу из-за его принадлежности к профсоюзу. Суд расценил пояснения истца о наличии некого "черного списка" в ОАО "Вагонреммаш", как не соответствующие действительности, так как данные ничем не подкреплены. Суд

также установил, что в момент подачи истцом заявления о приеме на работу, вакансии по данной специальности отсутствовали, работодатель не заявлял о наличии вакантных мест по данной специальности, а также не вел с гражданином Н. никаких переговоров о трудоустройстве. Ссылаясь на решение октябрьского районного суда г. Уфы от 22 июля 2008г., наличие достаточного количества данных, которые подтверждают неэффективность руководителя, несоответствие его деловых качеств занимаемой должности, а также невыплата работнику компенсации при увольнении, не может расцениваться как дискриминация.<sup>24</sup>

К сожалению данный случай не является единственным. Один из видов трудовой дискриминации - это дискриминация по состоянию здоровья. В тех рабочих местах, где условия труда не соответствуют ожидаемым нормам технической безопасности - соответственно высокий риск получения травм, болезней, профессиональных заболеваний. Ещё один пример трудовой дискриминации можно найти в деле № 2-3516/09. Истец подал в суд иск по поводу компенсации морального ущерба размером в 300 000 рублей. Работодатель уволил заявителя из-за заболевания, которое было спровоцировано работой бортмеханика и бортинженера. Жалобщик, простудившись у работодателя сорок лет, приобрёл профессиональное заболевание. Найдена причинно-следственная зависимость приобретения болезни с работой. Была определена 3-я группа инвалидности, так же 1-я степень ограничения способности к труду. На основании решения суда было принято о частичном удовлетворении, так как из-за вины работодателя, который не предоставил необходимые условия для трудовой деятельности, был причинён вред здоровью работника. Из-за профессионального заболевания истец испытывал физические страдания. Положение коллективного договора не было принято во внимание судом, так как он не был заключен к моменту увольнения истца. Определением Санкт-Петербургского городского суда от 16.11.2009 решение суда было изменено. Компенсационная сумма была увеличена до суммы 100 000 рублей. Из-за того, что увольнение истца состоялось до вступления в силу коллективного договора, «должна расцениваться как несовместимая с принципом равенства, гарантируемым ст. 19 Конституции РФ». В итоге Санкт-Петербургский суд принял решение, что установление меньшей заработной платы трудовой деятельности, по отношению к другим рабочим, которые обладают идентичными обязанностями, по причине невыполнения в течение установленного срока смены наряду с работой, считается видом трудовой дискриминации, а также нарушает конституционные права истца.<sup>25</sup>

<sup>22</sup> См.: <https://rg.ru/2008/05/08/buhgalter.html> (дата доступа 17.03.2019).

<sup>23</sup> См.: <https://meduza.io/news/2017/09/06/styuardessa-vyigrala-sud-o-diskriminatsii-v-aeroflote> (дата доступа 17.03.2019)

<sup>24</sup> См.: <http://www.top-personal.ru/lawissue.html?2252> (дата доступа 17.03.2019)

<sup>25</sup> См.: <https://www.klerk.ru/law/articles/319369/> (дата доступа 17.03.2019)

Многие авторы считают данную проблему актуальной и считают, что необходимо найти решение этой проблемы. И. К. Дмитриева считает, что развитие российского, прежде всего гражданского, законодательства, на фоне которого так медленно реформируется трудовое законодательство, оно представляется сегодня довольно консервативной системой. Но консерватизм трудового законодательства в значительной мере объясняется несколько противоречивым характером его функций - производственной (экономической) и социальной (защитной), которые ныне должны приобретать реальное содержание. Соответственно этим функциям в условиях рынка труда конструируются основные принципы трудового права, такие, как свобода труда, включая право на труд, запрещение дискриминации и принудительного труда, защита от безработицы и содействие в трудоустройстве, обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда и на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечение права работников и работодателей на объединения для защиты своих интересов, социальное партнерство и др. (ст. 2 ТК РФ). Обосновывается вывод о проявлении как частноправовых начал, например, «свобода труда», так и публично-правовых начал – «защита от безработицы и содействие в трудоустройстве».<sup>26</sup> Н. Л. Лютов и Е.С Герасимова считают, что сложность доказывания дискриминации – это не специфически российский феномен, а характеристика самого этого явления. Крайне трудно доказать, что различное обращение в отношении работника или кандидата на работу связано именно с дискриминацией, а не обусловлено требованиями к деловым качествам работника или спецификой данной работы. В связи с этим системы национального законодательства разных стран, в рамках которых действуют эффективные меры защиты от дискриминации, международные договоры по вопросам дискриминации признают вопрос о доказывании дискриминации одним из самых важных. История противодействия дискриминации показала, что в делах такого рода стандартные правила доказывания возлагают на заявителя непосильное бремя, не позволяющее установить наличие дискриминационных намерений лица или дискриминационных последствий какой-либо меры. Постепенно судебная практика (прежде всего в странах общего права), международное сообщество, наднациональные органы и законодательство отдельных стран склонились к новым стандартам доказывания в делах о дискриминационном обращении.<sup>27</sup>

Из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что проблема дискриминации в сфере труда в наше время всё ещё актуальна и требует принятия мер по её разрешению. На актуальность

данной проблемы влияют различные факторы, такие как, например, недостаточный уровень правосознания, несовершенство закона и судебной практики. В России уже были попытки бороться с дискриминацией, в 2013 году в закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 "О занятости населения в Российской Федерации" была внесена поправка, запрещающая распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей сведения о каком бы то ни было прямом или косвенном ограничении прав или об установлении прямых или косвенных преимуществ в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников. Но несмотря на данный запрет, дискриминация всё так же существует и нужно предпринимать меры, которые позволят устранить трудовую дискриминацию, такие, как, например, ужесточение наказания за дискриминацию в сфере труда и возложение обязанности доказывания не на пострадавшего от дискриминации, а на работодателя. Подобные меры помогут обеспечить равные условия в сфере труда всех участников социально-трудовых отношений, вследствие чего повысится производительность труда, что в конечном итоге

## Литература

1. Анисимов А. Л., Трудовые отношения и материальная ответственность работодателей и работников: Учебное пособие. М.: – "Деловой двор", 2011.
2. Кирилловых А. А., Регулирование труда в высшем учебном заведении: Практическое пособие. – М.: "Юстицинформ", 2009.
3. Лютов Н. Л., Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствие и перспективы совершенствования: Научно-практическое пособие. – М.: "Центр социально-трудовых прав", 2012.
4. Трудовое право России / Выговская. И.Г., Колобова С. В., Королькова О. С. и др.; под общ. ред. Преснякова М. В., Чаннова С. Е. Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2014.
5. Трудовое право: учебник для прикладного бакалавриата / Гейхман В. Л., Дмитриева И.К., Мацкевич О. В. и др.; под ред. Гейхмана В. Л. М.: Юрайт, 2015.
6. Харитонов М. М., Множественность лиц на стороне работодателя: Научно-практическое пособие. – М.: "Юстицинформ", 2011.
7. Щур-Труханович Л. В., Трудовые гарантии и компенсации работающим ученикам, студентам и аспирантам (практическое пособие). – Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2005.

<sup>26</sup> См.: И.К. Дмитриева, Принципы российского трудового права : монография / И. К. Дмитриева - М. : Цифровичок, 2004 (Изд-во Цифровичок). - 332 с.;

<sup>27</sup> См.: [http://aprp-msal.ru/netcat\\_files/521/703/Stranitsy\\_iz\\_APRP\\_3\\_2016\\_11.pdf](http://aprp-msal.ru/netcat_files/521/703/Stranitsy_iz_APRP_3_2016_11.pdf) (дата доступа 17.03.2019)

**Problems of labor discrimination in the Russian Federation**  
**Mustafaev A.N., Nosov D.G., Ryzhov Z.A., Yaitsky A.N.,**  
**Kravchenko O.A.**

RTU MIREA.

The article deals with discrimination in the sphere of labor in the Russian Federation, as well as in judicial practice related to discrimination in the sphere of labor. It is noted that in Russia there is a problem of productivity and economic growth.

Key words: labor law, human rights and freedoms, discrimination in the sphere of labor, legal culture, legal awareness, corruption, crime, imperfect laws.

**References**

1. Anisimov AL, Labor relations and material responsibility of employers and employees: a textbook. M. : - "Business yard", 2011.
2. Kirillovykh AA, Labor regulation in a higher educational institution: A practical guide. - M. : "Justicinform", 2009.
3. Lyutov NL, Russian labor legislation and international labor standards: compliance and prospects for improvement: Scientific and practical manual. - M. : "Center for Social and Labor Rights", 2012.
4. Labor law of Russia / Vygovskaya. I.G., Kolobova S.V., Korolkova O.S. and others; under total. ed. Presnyakova M. V., Channova S. E. Saratov: Povolzhsky Institute of Management. P. A. Stolypin, 2014.
5. Labor law: textbook for applied bachelor's degree / Geykhman VL, Dmitrieva IK, Matskevich OV, etc. ; ed. Geykhman V.L.M. : Yurayt, 2015.
6. Kharitonov MM, The plurality of persons on the employer's side: Scientific and practical manual. - M. : "Justicinform", 2011.
7. Schur-Trukhanovich LV, Labor guarantees and compensations for working pupils, students and graduate students (practical guide). - Prepared for the ConsultantPlus system, 2005.